

**ПРО
СВЕТ**
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ **KEY ISSUES** OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Тема номера:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

2025 / № S1

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № S1

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2025 / № S1

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. – канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. – д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguatgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № S1. – 106 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguatgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal “Key Issues of Contemporary Linguistics” is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal “Key Issues of Contemporary Linguistics” is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries “eLibrary” (www.elibrary.ru) and “CyberLeninka” (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2025. – № S1. – 106 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

• ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Горностаева А. А.* Ирония в политической коммуникации:
дискурсивная практика, стратегия и тактика 6
- Кузнецова Ю. А., Князева Е. Г., Шермазанова С. В.* Синтаксические и
фразеологические средства речевого воздействия в антироссийской пропаганде .. 17
- Сербин В. А.* Нейронный машинный перевод в военной сфере:
оценка эффективности, ограничений и перспектив использования..... 29
- Саниева А. Ю., Сидорова Н. А.* Исследование конфликтного военно-политического
дискурса в коммуникативном пространстве различных лингвокультур..... 43
- Фефелова Г. Г.* Гелотоллингвистика: к обоснованию выделения понятия как нового
понимания феномена смеха 54
- Храм М. Ш.* Паремии, характеризующие социальные отношения в межкультурной
коммуникации носителей русского, английского и арабского языков 67

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- Вишнякова О. Д., Иванова О. А.* Сравнение в авторских сказках Ф. Тегеттгоффа
в составе языковой картины мира немецкоговорящего социума..... 79
- Хабарова И. А.* Трансформация французской языковой личности
в социокультурных реалиях XXI века 93

CONTENTS

THEME OF THE ISSUE: INTERDISCIPLINARY APPROACH TO STUDYING LANGUAGES AND CULTURES IN THE MODERN COMMUNICATIVE SPACE

•

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

- A. Gornostaeva.** Irony in Political Communication: Discursive Practice, Strategy and Tactics. 6
- Yu. Kuznetsova, E. Knyazeva, S. Shermazanova.** Syntactic and Phraseological Means of Speech Influence in Anti-Russian Propaganda 17
- V. Serbin.** Neural Machine Translation in the Military Sphere: Evaluation of Efficiency, Limitations, and Prospects of Use 29
- A. Sanieva, N. Sidorova.** The Research of the Conflict Military and Political Discourse Implemented in the Communicative Space of Different Linguocultures. 43
- G. Fefelova.** Gelotolinguistics: To Substantiate the Allocation of the Concept as a New Understanding of the Phenomenon of Laughter. 54
- M. Sh. Khram.** Paroemias Characterizing Social Relations in the Intercultural Communication of Native Speakers of Russian, English, and Arabic. 67

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

- O. Vishnyakova, O. Ivanova.** Comparison in the Author's Fairy Tales by F. Tegetthoff as Part of the German-Speaking Society Worldview. 79
- I. Khabarova.** Transformation of French Linguistic Personality in the Socio-Cultural Realities of the XXI Century. 93

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Original research article

УДК 81'1

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-6-16

IRONY IN POLITICAL COMMUNICATION: DISCURSIVE PRACTICE, STRATEGY AND TACTICS

A. Gornostaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: anngornostaeva@yandex.ru

Received by the editorial office 12.12.2024

Revised by the author 29.01.2025

Accepted for publication 30.01.2025

Abstract

Aim. The study lays the basics of a new theory according to which political irony is regarded as the inherent characteristics and integral part of communication in the modern world of politics. The objective of the current study is to establish link between ethnic style and pragmatic side, i.e. cultural/communicative values and irony functions, mechanisms and language means.

Methodology. The paper focuses on political irony as a discursive practice and regards it as a characteristic feature of English political discourse. The fragments of modern English political speeches (2014–2024) of D. Cameron, B. Johnson, R. Sunak, D. Trump, J. Biden and others (from YouTube resource) make the base for the detailed analysis. The research is conducted via the following methods: the method of intent analysis; the method of content analysis; the method of discourse analysis (mainly CDA – critical discourse analysis), social role analysis, genre analysis and analysis of communication strategies.

Results. The findings prove the initial hypothesis about the interrelation of national and cultural peculiarities, individual characteristics of the politician and situational context. These aspects influence the nature of English discursive irony, the frequency of ironic statements and their functions, as well as an extensive set of linguistic means. Irony is regarded as a strategy of political discourse, which follows and operates within the mainstream strategy of theatricality. Political irony is implemented through a considerable number of discursive tactics that create variable ironic images. The results of the politicians' speeches analysis show that different tactics can be used to fulfill a single strategy. The choice of the tactics is based on the "friend-foe" (aka "us-them") opposition, the specific features of the ethnic style and the individual style of the politician's speech portrait.

Research implications. The paper opens new perspectives in political linguistics for developing the classification of ironic images as situational or emotional. The scheme for the analysis can be applied in further studies in the field of political linguistics and ethnostylistics.

Keywords: ethnic style, irony, ironic image, ironicality, political communication, political discourse, strategy, speech portrait, tactics

For citation:

Gornostaeva, A. A. (2025). Irony in political communication: discursive practice, strategy and tactics. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 6–16. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-6-16>

Научная статья

ИРОНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА, СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Горностаева А. А.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: annngornostaeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.12.2024

После доработки 29.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Аннотация

Цель. В статье излагаются основы теории, согласно которой ирония рассматривается как характерная черта политической коммуникации в современном мире. Исследование направлено на установление взаимосвязи между этностилем и функционально-прагматическим аспектом иронии в дискурсе; при этом этностиль рассматривается как отражение культурных и коммуникативных ценностей, в то время как функционально-прагматический аспект представлен функциями, механизмами и лингвистическими средствами репрезентации иронии.

Процедура и методы. В представленной работе ирония рассматривается как дискурсивная практика, а также как характерная и неотъемлемая черта английского политического дискурса, которая проявляется в процессе сотрудничества автора и адресата. Эмпирическая база исследования состоит из фрагментов современного англоязычного политического дискурса (2014–2024 гг.) государственных деятелей: Д. Кэмерона, Б. Джонсона, Р. Сунака, Д. Трампа, Дж. Байдена и др. Для анализа материала был использован ряд методов: метод интен-анализа для реконструкции интенции; метод контент-анализа для оценки частотного распределения слов и словосочетаний; метод дискурс-анализа (в том числе, критического дискурс-анализа) для выявления сущностных характеристик социальной коммуникации. Применялись также элементы социально-ролевого анализа, жанрового анализа и анализа коммуникативных стратегий.

Результаты исследования показали, что характер иронии, её функции и частотность употребления напрямую зависят от национальной и культурной специфики, определяются идиостилем (индивидуальными особенностями речевого портрета) иронизирующей личности и конкретным ситуативным контекстом, в рамках которого происходит коммуникация. Результаты анализа фрагментов политических речей показывают, что для реализации определённой стратегии могут быть использованы разнообразные тактики или сочетания тактик. Последние актуализируются в дискурсе государственных деятелей через оппозицию «свой – чужой» в собирательных образах «друзей» и «врагов».

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что работа открывает новое направление в политической лингвистике и позволяет классифицировать иронические образы по двум основным группам: ситуативные и эмоциональные. В работе предлагается схема поступенчатого анализа иронического образа политика как дискурсивной категории. Полученные результаты представляют интерес в русле дальнейших исследований в области политической лингвистики и этностилистики.

Ключевые слова: ирония, иронический образ, ироничность, политическая коммуникация, политический дискурс, речевой портрет, стратегия, тактика

Для цитирования:

Горностаева А. А. Ирония в политической коммуникации: дискурсивная практика, стратегия и тактика // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 6–16. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-6-16>

Introduction

A number of modern political discourse studies focus on irony, which becomes an important and even indispensable feature of political communication. The ironic image of a politician, the nature of irony used in discourse, the frequency of ironic statements and their functions – all these aspects are predetermined by certain factors, such as: national and cultural specifics (reflected in communicative values), individual characteristics (speech portrait) of the statesman and a given situation. Different functions of irony are fulfilled through a variety of linguistic means. The current study suggests a view on irony as a discursive practice and as an inherent feature of political discourse, which becomes indispensable in modern conditions. Irony is more than an element of style: it is interaction between the addressor and the addressee, the product of cooperation and active participation of the recipient in the process of embracing and interpreting the interlocutor's words. Among a number of strategies of political discourse highlighted by modern scholars [1–8], the strategy of theatricality pointed out by E. I. Sheigal [9] seems one of the most important ones in the modern political world, where debates are gradually approaching TV talk shows. The ability to use and understand irony at proper time is becoming essential to obtain the desired result. It holds true for political discourse, which is always (or almost always) oriented at the target audience, the electro-

rate. This paper suggests viewing irony as a strategy of political communication. Being at the same time part of the mainstream strategy of theatricality, as noted by a number of scholars [9–11], irony splits into three main sub-strategies: destructiveness, eccentricity, and harmonization of communication. Each of the enumerated sub-strategies functions in compliance with stylistic and ethnic features of irony in political communication. Ironic images of contemporary statesmen are seen as discursive tactics that realize the strategy of political irony. Analyzing these discursive tactics employed in politicians' speeches to create a certain image is the key to accurate irony interpretation.

The topic of irony in political discourse has been the centre of attention of scholars within the last few years [4; 8; 10; 11] and others. Scholars considered political genres and the category of comism [10], irony in political debate [11], functions and mechanisms of irony [8]. This paper focuses on the new aspect of study, the ironic image of a politician, which corresponds to the chosen discursive tactics. The ironic image is marked ethnoculturally and is used by the speaker for self-presentation. This study suggests a new step-by-step analysis which includes the following stages: genre; ethnic discursive features; individual discursive features; strategy of irony; tactics; type of ironic image; pragmatic intention of the speaker. The contribution to the theory of irony in political discourse is the classification of ironic im-

ages into two groups: situational type (part of the speech portrait predetermined by the context); emotional type (reflecting a certain feeling at a given moment).

Purpose of the study

The study is conducted to set the basics for a new ethnodiscursive theory of irony and methodology of irony analysis through ironic images. The developed ideas are based on a set of key concepts: discursive practices, strategies and tactics. The principles of the method of analysis are reflected in the following suggested provisions:

- a. irony can be accurately interpreted through the analysis of ironic images;
- b. irony can be studied through ironic images;
- c. ironic images used by statesmen can relate to both genre (situational images) and style (emotional images);
- d. analysis of ironic images allows to make assumptions about the pragmatic side and the aspirations of the speaker.

Methodology

At the first stage of the analysis the corpus of the UK and US politicians' speeches was created (800 ironic utterances were singled out). It includes institutional and non-institutional political genres (the former are represented by public speeches, debates, inaugural speeches etc., the latter by informal interviews, evaluative comments, fragments of Twitter posts etc.) Stylistically marked contexts, which presumably contain irony, were selected according to the following features:

- hidden sense (since irony, according to its definition, is a phenomenon with hidden meaning, different from a literal one);
- evaluative reaction (modality) based on expressivity of irony and its positive and negative functions, as stated by researchers [3; 4; 8];
- violation of the interlocutor's expectations, as the ironic effect is based on surprise.

Since the empiric material is represented mainly by political speeches, recorded on

video resources, it is possible to take into consideration the mimics and gestures of the speaker, the lengths of pauses, the intonation, thus applying intent-analysis. The results of it make it possible to draw conclusions about politicians' intentions, which correlate with the functions of irony.

After collecting the corpus of ironic utterances, the study proceeds with content analysis, which counts the frequency of irony usage in discourse of a certain politician, determines functions and mechanisms of irony in a given statement. CDA is applied to examine implicit irony, which needs extralinguistic knowledge to be adequately interpreted. Irony of this type contains hints, allusions represented by language means (metaphor, hyperbole, wordplay etc.) and is based on intertextuality.

The proposed scheme for irony analysis is based on the assumptions of political irony as a communicative strategy. Discursive irony produces emotional impact on the addressee / the audience and is formed by the three factors: ethnic identity, individual style and situational context. Irony is realized within the framework of three directions (also called sub-strategies of theatricality), namely: destructiveness, harmonization, eccentricity. These directions are reflected in functions of discursive irony, which, according to researchers of irony [3; 4] can be divided into positive ones (such as optimizing communication, minimizing distance with the audience, discharging tension) and negative ones (aggression, distancing, aggravating conflict). The sub-strategies are realized by speakers through a number of tactics.

The method of analyzing the ironic image involves several interconnected stages: political genre, ethnic peculiarities, communicative values, individual style, strategies and tactics of irony, type of the ironic image. Thus, the following scheme is proposed:

1. Genre (context), institutional/non-institutional, according to the definition of E. Sheigal [9].

2. Ethnic discursive features typical of Anglo-Saxon culture: preservation of pri-

vacy, common sense, pragmatism, competitiveness, reserve etc., as singled out by G. Leech and T. Larina [12].

3. Individual discursive features (speech portrait), based on social role analysis (status, expectations, behaviour).

4. Strategy of irony (destructiveness/harmonization/eccentricity), based on the classification of A. Gornostaeva [4]; A. Bakhnovich [8]; I. Solodilova [11].

5. Tactics (depends on strategy).

6. Type of ironic image (situational/emotional).

7. Pragmatic intention of the speaker.

The analysis of statesmen's ironic images highlights current trends in political discourse. First, it is the role of the "us – them" opposition (i.e., the presence of implicit or explicit conflict), the juxtaposition of an active figure (the leader of "us"), an object of aggression (the enemy, i.e. "them") and a passive figure (the public led by the leader) [3; 13–15]. Second, it is possible to single out the most prominent ironic images used by politicians: the image of a "man of action", the image of an eccentric, the image of a "logical thinker" etc.

Results

The analysis shows that irony in modern political communication is a type of communicative behaviour and is embodied in variable discursive tactics involving statesmen's ironic images. The intention of the speaker, his/her final aim influence the choice of ironic strategies, implemented in speech by different tactics. The tactics are determined by the situation and can be seen in ironic images. The latter are divided into those based on genre (situational) and those based on style (emotional). Situational images are actually part of the speech portrait, while emotional ones reflect the feeling of the moment. The suggested analysis scheme reveals the pragmatic side and real views of a politician disguised by irony.

The results of the analyzed empiric material show the ironic image of a politician can be studied through the following stages:

genre; ethnic discursive features; individual discursive features; strategy of irony; tactics; type of ironic image; pragmatic intention of the speaker. In the process of the analysis the ironic images were divided into two groups according to their type: situational, predetermined by context and genre (e.g. official meeting, public speech) / emotional, showing a moment's reaction (more often used in informal context, e.g. informal interviews, TV programmes). Among the studied material the most popular ironic images chosen by politicians were: "Man of action" (situational), "Logical thinker" (situational), "Eccentric" (emotional), "Delighted" (emotional), "Old and useless" (emotional), "Boasting" (emotional) and some others.

As it will be shown in paragraph "Discussion", the images rely on ethnic communicative values (privacy, pragmatic approach, common sense, competition, assertiveness, positive thinking) and individual features of politicians (reserve, eccentricity, friendliness, determination etc.) The pragmatic intentions, standing behind the ironic images are:

1. Man of action (situational) → to preserve the power, to destroy the opponents.

2. Logical thinker (situational) → to gain superiority over the opponents, to diminish them in the eyes of the audience.

3. Eccentric (emotional) → to appear as "one of us", thus minimizing distance with the electorate.

4. Delighted (emotional) → to protect privacy, to show friendly disposition to the audience.

5. Old and useless (emotional) → to protect privacy, to stop unwelcome questions.

6. Boasting (emotional) → to prevent unwelcome topics.

The results of the ironic utterances analysis is shown in a table with the examples (1-6) from "Discussion".

Discussion

The "us–them" opposition presents the conflict of interests and has an impact on the tactics chosen by the statesman in each specific case to express his/her attitude. Every-

Table 1 / Таблица 1

Political ironic image analysis / Анализ иронического образа политика

Ethnic communicative value	Ironic strategies	Tactics	Ironic image	Pragmatic aim
1. Competition Assertiveness	Destructiveness	Showing readiness to act	Man of action	to hold on to power and not give it up, highlight the superiority over opponents
2. Assertiveness	Destructiveness Eccentricity	Demonstrating logical thinking	Logical thinker	destroy the opponent, show one's own superiority
3. Common sense Pragmatic approach	Eccentricity	Portraying oneself as eccentric	Eccentric	protect privacy, save face
4. Privacy Positive thinking	Harmonization of communication	Portraying oneself as delighted	Delighted	prevent unwelcome topics
5. Privacy Reserve	Eccentricity Harmonization of communication	Portraying oneself as being old and no longer useful in politics	Old and useless	cut unpleasant questions, preserve privacy, save face
6. Privacy Positive thinking	Harmonization of communication	Boasting	Boasting	prevent unwelcome topics

thing that refers to “us” is positive in the eyes of the audience, while “them” are negative and unwelcome. The participants of ironic communication include the author, the addressee, the object of irony (aka: the victim) and the audience whose reaction is most important for the politician). Since irony is never sincere, it can be assessed as a temporary role in accordance with which the public speaker builds his/her discourse. The following examples illustrate British and American politicians' ironic images (discursive tactics) corresponding to the three sub-strategies of irony: destructiveness, harmonization, eccentricity.

1. “Man of action”

David Cameron, the leader of the Tories, uses irony as a tool of destructive communication, which is directed against the Labour party: *Let's just take the last week: we both had these leadership elections... we had resignation, nomination, competition and coronation... and they (Labour) haven't even decided what the rules are yet. If they ever come to power, it would take about a year to work*

*out who would sit where.*¹ The speaker expresses mockery, implemented in the tactic of “comparing and contrasting us and them” (in favor of “us”, the Conservative party). In this case, “them” are represented by the opposition, who are characterized by the Prime Minister (at that time) as indecisive and slow. According to Cameron's view such qualities are unacceptable for the leaders. The ironic image “man of action” is situational and reflects the inter-party struggle. The pragmatic attention of the politician is to oppose Conservatives to Labour and position the former as determined and responsible people capable of leading the nation, unlike the latter. The strategy of political irony can be defined as destructiveness, the function of irony is attack on the opponents realized by opposing achievements (*resignation, nomination, competition and coronation*) to indecisiveness (*haven't even decided, it would take about a year*).

¹ David Cameron's final Prime Minister's Questions (highlights). In: *BBC News: YouTube-channel*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s2CeDSR6rz8> (accessed: 08.12.2024).

Following the suggested plan, the analysis shows the following:

1. genre (public speech)
2. ethnic discursive features (pragmatic approach to life and work, competitiveness)
3. individual discursive features (energy, loyalty to his party and country, determination)
4. strategy of irony (destructiveness)
5. tactics (showing readiness to act)
6. type of ironic image (situational, part of the speech portrait)
7. pragmatic intention of the speaker (highlight the superiority over opponents)

2. “Logical thinker”

The following phrase of president J. Biden relies on absurd conclusion: *If you find yourself disoriented or confused, it's either you're drunk or Marjorie Taylor Greene*¹. The interpretation of irony here requires extralinguistic information about Marjorie Taylor Greene, a far-right politician and a conspiracy theorist, a vocal advocate of Donald Trump. In his ironic remark Biden compares Green (her views) and the state of being drunk, thus showing his scorn and disapproval. The ironic image of “logical thinker” corresponds to the strategy of destructiveness, while the aim of irony is to destroy the opponent. The strategy of eccentricity is also found here, since irony is based on absurdity (the condition of being drunk equals being M. Green). According to the scheme of irony analysis, the following results are obtained:

1. genre (informal speech)
2. ethnic discursive features (assertiveness, competitiveness)
3. individual discursive features (eccentricity)
4. strategy of irony (destructiveness)
5. tactics (demonstrating logical thinking)
6. type of ironic image (situational)
7. pragmatic intention of the speaker (to destroy the opponent).

¹ Memoli M. How Marjorie Taylor Greene has become Biden's favorite boogeyman. In: *NBC News*. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/joe-biden/marjorie-taylor-greene-become-joe-bidens-favorite-boogeyman-rcna95123> (accessed: 08.12.2024).

3. “Eccentric”

An example of “eccentric ironic image” use is represented here by the phrase of the US president J. Biden during his public speech at the gathering of women-owned businesses. The country leader ironically introduces himself as “Dr. Jill Biden's husband” and gives a funny reason for coming: *My name is Joe Biden. I'm Dr. Jill Biden's husband. And I eat Jeni's ice cream — chocolate chip. I came down because I heard there was chocolate chip ice cream*². The President's irony follows the strategy of eccentricity, is aimed at ruining barriers between himself and his electorate, becoming closer to the audience. Irony also performs the function of defense and prevents unwelcome questions. Calling himself *Dr. Jill Biden's husband*, who eats *chocolate chip ice cream*, is a way to avoid responsibility as the US President.

The analysis shows:

1. genre (public speech)
2. ethnic discursive features (common sense, pragmatic approach)
3. individual discursive features (eccentricity, unexpected twists)
4. strategy of irony (eccentricity)
5. tactics (portraying oneself as an eccentric)
6. type of ironic image (emotional)
7. pragmatic intention of the speaker (minimizing distance with the audience).

4. “Delighted”

During his campaign trail Rishi Sunak (former UK Prime Minister) jokes about people complimenting his ‘tan’: *Sombody said to me the other day: Wow! You've got a great tan!*³ Sunak's self-irony is used in preventive function: the politician tries to curb the possible discussions of his ethnic iden-

² Nelson S. Biden makes ice cream joke in first statement since Nashville shooting. In: *New York Post*. URL: <https://nypost.com/2023/03/27/bidens-bizarre-ice-cream-joke-in-nashville-shooting-remarks> (accessed: 08.12.2024).

³ Rishi Sunak jokes about people complimenting his ‘tan’ while on campaign trail. In: *The Independent: YouTube-channel*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dpEo7SD3JA8> (accessed: 08.12.2024).

tity and colour of skin (which has a natural “tan”) and strives to optimize communication, following the strategy of harmonization. The ironic image of a “delighted with a compliment person” reveals the desire to drop the subject.

The scheme of the analysis shows:

1. genre (informal interview)
2. ethnic discursive features (privacy, positive thinking)
3. individual discursive features (optimism, friendliness, reserve)
4. strategy of irony (harmonization)
5. tactics (portraying oneself as delighted)
6. type of ironic image (emotional)
7. pragmatic intention of the speaker (preventing unwelcome topics).

5. “Old and useless”

Boris Johnson, the former UK Prime Minister after his resignation is faced with many unwelcome and undesirable questions from journalists about his future plans. Such discussions can violate his privacy and pose face-threatening communicative situation. To avoid the topic, he uses self-irony as a means of defense: ... *I am like one of those booster rockets that has fulfilled its function and I will now be gently re-entering the atmosphere and splashing down in some remote and obscure corner of the Pacific*¹. The practical aim of the politician is to drop the sensitive subject and preserve his own privacy in a face-threatening speech act. His self-irony as part of the two strategies (eccentricity and harmonization of communication) performs a preventive (defense) function, and the ironic comparison with *one of these rockets that has fulfilled its function* switches the attention from the retirement to other aspects, thus harmonizing communication. The ironic image of “something / somebody no longer useful” can be classified as emotional, it reveals the speaker’s attitude at a given moment. The analysis highlights:

1. genre (interview)
2. ethnic discursive features (privacy, reserve)
3. individual discursive features (eccentricity, unexpected twists)
4. strategy of irony (harmonization of communication)
5. tactics (portraying oneself as being old and no longer useful in politics)
6. type of ironic image (emotional)
7. pragmatic intention of the statesman (to cut unpleasant questions).

6. “Boasting”

At White House Correspondents’ Dinner, where humour and irony in politicians’ speeches are acceptable and even welcome, J. Biden uses self-irony to speak about his old age and not very good health, stating the opposite: *They say I’m over the hill. Don Lemon would say that’s a man in his prime*². Biden refers to D. Lemon, a TV journalist, a host on CNN from 2014 to 2023, as the one who has experience in interviewing and assessing celebrities. The politician pretends to ironically quote a phrase which might be said thus preventing the unwelcome topic of his age and abilities from arising.

The scheme of the analysis shows:

1. genre (speech in an informal atmosphere)
2. ethnic discursive features (privacy, positive thinking)
3. individual discursive features (eccentricity, unexpected twists)
4. strategy of irony (harmonization)
5. tactics (boasting)
6. type of ironic image (emotional)
7. pragmatic intention of the speaker (preventing unwelcome topics).

Conclusion

Summing up the review of the highlighted features of English political irony of the early XXI century, it can be concluded that

¹ Boris Johnson’s final speech as Prime Minister: 6 September 2022. In: *GOV.UK*. URL: <https://clck.ru/3HTP4a> (accessed: 08.12.2024).

² 2023 White House Correspondents’ Association Dinner. In: *C-SPAN: YouTube-channel*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GfdC5Pn5kCY> (accessed: 08.12.2024).

ironic statements of modern English-speaking leaders are ethnoculturally marked. Irony correlates with national cultural and communicative values and is expressed in statesmen's speeches in the form of ironic images that have their own specifics. During the analysis of the material, it was confirmed that the "friend-foe" / "us-them" opposition is a powerful means of realizing irony in discourse. Since political preferences and the situation in the world in general are in the state of constant flux, the chosen ironic images indicate those who appear in the discourse of a politician as belonging to "us" or "them" at a given time. So, irony as a strategy of political discourse belongs to the major strategy of theatricality and is implemented through a vast variety of discursive tactics that create ironic images. The suggested scheme of analysis of an ironic image, chosen by a politician, classifies the image as situational or emotional. The results of the analysis make it possible to identify the pragmatic intention and political preferences of the speaker. Thus, the image of "man of action", as shown in example (1) reveals the speaker's determination to hold on to power and not give it up; "logical thinker" (2) is aimed at destroying the oppo-

nent showing his own superiority; emotional images "eccentric" (3), "delighted" (4), "old and useless" (5), "boasting" (6) project certain feigned feelings to protect privacy and save face on the one hand and to minimize the distance between themselves and the audience on the other hand. In this way the highlighted strategies of irony in political discourse are observed, sometimes combining within one and the same ironic utterance: destructiveness (1, 2), eccentricity (2, 3, 5), and harmonization of communication (4, 5, 6). These strategies comply with the functions of irony, positive (3, 4, 5, 6) or negative (1, 2).

Theoretical value of the paper is in laying the basics of the new methodology for discursive study of irony as a communicative category in the framework of ethnocultural, functional, stylistic and pragmatic aspects of political communication. The results of the current research pose challenge for new ethnodiscursive direction in the theory of political communication. The schemes for irony analysis can be used in practice in the field of PR and image-making of political figures, may pose interest for speechwriters. The research results can be used in the compilation of dictionaries.

REFERENCES

1. Arroyo, J. L. (2010). Interpersonal issues in political discourse. In: Locher M. A. & Graham S. L., eds. *Interpersonal Pragmatics*. New York: De Gruyter Mouton, pp. 405–434. DOI: 10.1515/9783110214338.3.405.
2. Charteris-Black, J. (2014). *Analyzing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor*. Basingstoke: Palgrave-Macmillan.
3. Gornostaeva, A. A. (2019). Irony and Communicative Values in Political Discourse: Intercultural and Interpersonal Communication. In: *International Journal for Cross-Disciplinary Subjects in Education (IJCDSE)*, 10 (4), 4154–4159. URL: <http://infonomics-society.org/ijcdse> (accessed: 12.09.2023). DOI: 10.20533/ijcdse.2042.6364.2019.0507.
4. Gornostaeva, A. A. (2024). The "Friend-Foe" Opposition in Modern Ironic Political Discourse. In: *Professional Discourse & Communication*, 6 (2), 49–61. DOI: 10.24833/2687-0126-2024-6-2-49-61
5. Fialkova, L. & Yelenevskaya, M. (2013). *In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience*. Tartu: ELM Scholarly Press.
6. Hall, K., Goldstein, M. & Ingram, M. B. (2016). The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle. In: *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 6 (2), 71–100. DOI: 10.14318/hau6.2.009
7. Musolff, A. (2019). Creativity in Metaphor Interpretation. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 23–39. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39.
8. Bakhanovich, A. S. (2021). Linguopragmatic potential of irony in Belarusian and English language discourse. In: *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*, 2 (111), 14–22 (in Russ.).
9. Sheigal, E. I. (2000). The theatricality of political discourse. In: *Units of language and their functioning*. Iss. 6. Saratov: Saratov State Academy of Law publ., pp. 92–96 (in Russ.).

10. Kosichenko, E. F. (2022). Internet Meme as a Genre of Entertainment. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2 (857), 16–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16 (in Russ.).
11. Solodilova, I. A. (2023). Irony in Political debate: Functional coherence. In: *Theoretical and applied linguistics*, 9 (4), 124–135. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_4_124 (in Russ.).
12. Soomro, M. A. (2023). A review of “Politeness West and East” by Geoffrey Leech and Tatiana Larina. In: *Journal of academic research for humanities*, 3 (3), 12–17.
13. Van Dijk, T. A. (2006). Discourse and manipulation. In: *Discourse and society*, 17 (3), 359–383. DOI: 10.1177/09579265060606250.
14. Wodak, R. (2015). *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses*. London: Sage. DOI: 10.4135/9781446270073.
15. Zotzmann, K. & O’Regan, J. P. (2023). Critical discourse analysis, critical discourse studies, and critical applied linguistics. In: *The Routledge Handbook of Applied Linguistics*. London: Routledge, pp. 57–67.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arroyo J. L. Interpersonal issues in political discourse // *Interpersonal Pragmatics* / ed. M. A. Locher, S. L. Graham. New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 405–434. DOI: 10.1515/9783110214338.3.405.
2. Charteris-Black J. *Analyzing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor*. Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2014. 274 p.
3. Gornostaeva A. A. Irony and Communicative Values in Political Discourse: Intercultural and Interpersonal Communication [Электронный ресурс] // *International Journal for Cross-Disciplinary Subjects in Education (IJCDSE)*. 2019. Vol. 10. Iss. 4. P. 4154–4159. URL: <http://infonomics-society.org/ijcdse> (дата обращения: 12.09.2024). DOI: 10.20533/ijcdse.2042.6364.2019.0507.
4. Gornostaeva A. A. The “Friend-Foe” Opposition in Modern Ironic Political Discourse // *Professional Discourse & Communication*. 2024. Vol. 6. No. 2. P. 49–61. DOI: 10.24833/2687-0126-2024-6-2-49-61.
5. Fialkova L., Yelenevskaya M. *In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants’ Experience*. Tartu: ELM Scholarly Press, 2013. 282 p.
6. Hall K., Goldstein M., Ingram M. B. The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*: 2016. Vol. 6. No. 2. P. 71–100. DOI: 10.14318/hau6.2.009.
7. Музольф А. Creativity in Metaphor Interpretation (Творческая интерпретация метафор) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 23–39. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39.
8. Баханович А. С. Лингвопрагматический потенциал иронии в белорусском и англоязычном дискурсе // *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология*. 2021. № 2 (111). С. 14–22.
9. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // *Единицы языка и их функционирование: межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 6. Саратов: Изд-во СГАП, 2000. С. 92–96.
10. Косиченко Е. Ф. Интернет-мем как жанр комического // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. № 2 (857). С. 16–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16
11. Солодилова И. А. Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2023. Т. 9. № 4. С. 124–135. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_4_124
12. Soomro M. A. A review of “Politeness West and East” by Geoffrey Leech and Tatiana Larina // *Journal of Academic Research for Humanities*. 2023. Vol. 3. No. 3. P. 12–17.
13. Van Dijk T. A. Discourse and manipulation // *Discourse and society*. 2006. Vol. 17. Iss. 3. P. 359–383. DOI: 10.1177/09579265060606250.
14. Wodak R. *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses*. London: Sage, 2015. 256 p. DOI: 10.4135/9781446270073.
15. Zotzmann K., O’Regan J. P. Critical discourse analysis, critical discourse studies, and critical applied linguistics // *The Routledge Handbook of Applied Linguistics* / ed. L. Wei, Z. Hua, J. Simpson. 2nd ed. London: Routledge, 2023. P. 57–67.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Gornostaeva (Moscow) – Cand. Sci., Assoc. Prof., Department of Translation and Pedagogical Mastery, Moscow State Linguistic University
<https://orcid.org/0000-0002-6625-9299>; e-mail: anngornostaeva@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горностаева Анна Алексеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводческого и педагогического мастерства Московского государственного лингвистического университета;
<https://orcid.org/0000-0002-6625-9299>; e-mail: anngornostaeva@yandex.ru

Научная статья
УДК 81-22, 81'23
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-17-28

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Кузнецова Ю. А.*, **Князева Е. Г.**, **Шермазанова С. В.**

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2024

Принята к публикации 09.01.2025

Аннотация

Цель заключается в выявлении наиболее эффективных и частотных средств речевого воздействия в рамках синтаксического и фразеологического уровней языковой иерархии в дискурсе современной антироссийской пропаганды, развёрнутой странами коллективного Запада и Украиной.

Процедура и методы. В ходе настоящего исследования проанализированы статьи СМИ на английском, немецком и украинском языках за период с 24 февраля 2022 г. по 12 августа 2024 г., связанные с проведением Специальной военной операции Вооружённых Сил Российской Федерации. В представленном научном проекте применялись следующие общенаучные методы: дискурс-анализ, контент-анализ, методика сплошной выборки, метод лингвистического описания и интерпретации, когнитивного и контекстного анализа.

Результаты. По результатам анализа сделан вывод, что более частотными средствами речевого воздействия в антироссийской пропаганде являются единицы синтаксического уровня, что обусловлено прагматическим воздействующим потенциалом данных единиц, а также их способностью влиять на восприятие ситуации реципиентом.

Теоретическая и практическая значимость обусловлена выявлением воздействующего прагматического потенциала манипулятивных речевых средств антироссийской пропаганды в западных и украинских СМИ. Языковой потенциал на уровне синтаксиса и фразеологии, как показал анализ, выступает эффективным средством манипулятивного воздействия. Результат нашего исследования может послужить в разработке пособия по продуктивным мерам противодействия антироссийской пропаганде, проводимой СМИ Запада и Украины в рамках пропагандистского дискурса.

Ключевые слова: пропаганда, дискурс, текст, речевое воздействие, языковая иерархия, языковой уровень

Для цитирования:

Кузнецова Ю. А., Князева Е. Г., Шермазанова С. В. Синтаксические и фразеологические средства речевого воздействия в антироссийской пропаганде // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 17–28. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-17-28>

Original research article

SYNTACTIC AND PHRASEOLOGICAL MEANS OF SPEECH INFLUENCE IN ANTI-RUSSIAN PROPAGANDA

Yu. Kuznetsova*, **E. Knyazeva**, **S. Shermazanova**

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

*Corresponding author, e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Received by the editorial office 25.12.2025

Accepted for publication 09.01.2025

Abstract

Aim. To identify the most effective and frequent means of speech influence within the syntactic and phraseological levels of the linguistic hierarchy in the discourse of modern anti-Russian propaganda deployed by the Western countries and Ukraine.

Methodology. The study provides the analysis of the media articles in English, German and Ukrainian languages for the period from February 24, 2022 to August 12, 2024 related to the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation. The following general scientific methods were used in the presented scientific project: discourse analysis, content analysis, continuous sampling technique, method of linguistic description and interpretation, cognitive and contextual analysis.

Results. The study reveals that the most frequent means of speech influence in anti-Russian propaganda are units of the syntactic level on the grounds of the pragmatic influencing potential of these units, as well as their ability to influence the perception of the situation by the recipient.

Research implications. The article identifies the manipulative speech means influencing pragmatic potential of anti-Russian propaganda in the Western and Ukrainian media. The analysis has revealed that the linguistic potential at the level of syntax and phraseology is an effective means of manipulative influence. The result of this research can serve in the development of a manual on productive measures to counter anti-Russian propaganda carried out by the media of the West and Ukraine within the framework of propaganda discourse.

Keywords: propaganda, discourse, text, speech impact, language hierarchy, language level

For citation:

Kuznetsova, Yu. A., Knyazeva, E. G. & Shermazanova, S. V. (2025). Syntactic and phraseological means of speech influence in anti-Russian propaganda. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 17–28. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-17-28>

Введение

Цивилизация вступила в информационную эру, в которой информация становится решающим фактором во многих отраслях человеческой жизнедеятельности, будь то религия, политика, образование, медицина, культура, сфера услуг и развлечений и т. д. Совершенствование цифровой информационной среды, а так-

же серьёзность современных геополитических вызовов послужили стимулом к развитию пропаганды как одного из ключевых инструментов контроля над сознанием общества.

Представление о пропаганде как о тексте или совокупности текстов информационно-психологического воздей-

ствия позволяет рассматривать её с точки зрения лингвистики.

Так, А. Н. Баранов и П. Б. Паршин рассматривают пропаганду как одну из коммуникативных технологий, в которых используются «заведомо эмоционально окрашенные обозначения с не всегда ясным содержанием: манипулирование, зомбирование, промывка мозгов» [1, с. 55]. М. Н. Грачев придерживается схожего мнения относительно коммуникативной природы пропаганды и отмечает, что пропаганда выступает в качестве формы побудительной коммуникации, представляющей собой «распространение любым способом, в любой форме и с использованием любых средств сообщений, адресованных неопределённому кругу лиц и направленных на привлечение внимания к некоторому объекту ..., формирование и поддержание интереса к нему и его продвижение в информационном пространстве с целью оказать воздействие на мнения, убеждения и поведение людей» [2, с. 33].

Настоящее исследование основано на дискурс- и контент-анализе 30 статей СМИ на английском, немецком и украинском языках (*Гардиан (The Guardian)*¹, *Би-би-си Ньюз (BBC News)*² – на английском языке; *Цайт (die Zeit)*³, *Тагесшпигель (der Tagesspiegel)*⁴ – на немецком языке; *ТСН*⁵, *Українська правда (Українська правда)*⁶ –

на украинском языке), связанных со Специальной военной операцией (СВО), проводимой Вооружёнными Силами Российской Федерации на территории Украины с целью защиты населения Донецкой и Луганской Народных Республик. Из этого иллюстративного материала были отобраны 22 примера языковых средств воздействия и распределены по двум уровням языковой иерархии: синтаксическому и фразеологическому. Метод семантико-синтаксического анализа позволил проанализировать отобранные единицы и определить их принадлежность к одному из указанных уровней. Посредством метода лингвистического описания дана характеристика прагматического потенциала языковых средств воздействия в рамках антироссийской пропаганды, проводимой странами Запада и Украиной с целью демонизации России на мировой арене.

Пропаганда как объект лингвистических исследований

Одним из конститuentов пропаганды как коммуникативного феномена является дискурс, под которым понимают коммуникативный синтез вербальных и невербальных средств. По мнению О. И. Калинина, «дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социокультурный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации как представителях определенной социокультуры, так и о прагматических особенностях порождения и восприятия сообщения» [3, с. 13]. Похожего мнения придерживается и Н. А. Ахренова, которая полагает, что дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее как текст, так и экстралингвистические компоненты [4, с. 8].

Г. Г. Почепцов рассматривает понятие «дискурс» в соотношении со смежным ему понятием «текст» и подчёркивает, что данные понятия соотносятся друг с другом как «предложение» и «высказы-

¹ The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – The Guardian.

² BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – BBC News.

³ Die Zeit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Die Zeit.

⁴ Der Tagesspiegel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesspiegel.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Tagesspiegel.

⁵ ТСН – Телевізійна служба новин [Электронный ресурс]. URL: <https://tsn.ua> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – ТСН.

⁶ Українська правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.com.ua> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Українська правда.

вание»: «Предложение – привычный для нас элемент структуры. Высказывание объединяет в себе как собственно предложение, так и социальный контекст его употребления. На более высоком уровне те же отношения повторяются в тексте и дискурсе» [5, с. 75].

О. И. Калинин и Е. Г. Князева, подчёркивая тройственную природу дискурса, выраженную в единстве «языковой формы, значения и действия в социальном контексте», допускают, что исследование информационного воздействия следует проводить посредством дискурсивного анализа речевых произведений, входящих в его состав [6, с. 443].

Н. А. Сидорова утверждает, что дискурс может быть отождествлён с речью или речевой коммуникацией. Исследователь допускает, что процесс порождения дискурса связан прежде всего с намерением говорящего воздействовать на слушающего, что позволяет в определении дискурса выдвинуть на первый план его прагматические характеристики. Такое понимание дискурса предопределяет его толкование как завершённого или продолжающегося «продукта» коммуникативного действия, его письменного или речевого результата, который интерпретируется реципиентом [7, с. 66].

Следовательно, в современной лингвистике дискурс рассматривается не только как коммуникативная организация, неотъемлемо связанная с когнитивными аспектами, но и как речь, порождаемая в рамках определённого социального контекста и имеющая целью оказать воздействие на автора и реципиента сообщения.

Одну из ведущих ролей в построении и функционировании текстов и дискурсов информационного влияния играет влияние на реципиента. Исследованием характеристик языковых единиц, посредством которых они могут оказывать влияние на адресата, занимается лингвопрагматика.

М. В. Приходько полагает, что лингвопрагматическое изучение языковых средств предполагает рассмотрение языковых средств реализации интенции автора сообщения, вариантов интерпретации языковых знаков получателем, а также условий достижения поставленных целей коммуникации [8, с. 107]. Так, лингвопрагматический анализ текстов пропаганды позволяет выявлять содержание и варианты реализации коммуникативного намерения.

Для достижения коммуникативного намерения автор сообщения выбирает такие языковые средства, которые смогут воздействовать на формирование мыслей и образов реципиента.

Стоит отметить, что в политическом дискурсе в контексте речевого воздействия одно из основных мест отведено речевому манипулированию. По мнению И. А. Стернина, речевая манипуляция представляет собой «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению» [9, с. 117]. Е. Л. Доценко утверждает, что в качестве манипуляции принято рассматривать «скрытое возбуждение у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [10, с. 54].

Принимая во внимание тот факт, что пропаганда как один из типов манипулятивного речевого высказывания подразумевает влияние на аудиторию с установкой на убеждение, стоит рассмотреть единицы, входящие в состав речевых произведений пропаганды.

Мы полагаем целесообразным рассмотрение средств речевого воздействия и манипулирования с точки зрения уровня языковой иерархии. В основу настоящего исследования входят единицы синтаксического и фразеологического уровней.

Стоит отметить, что язык как система представляет собой сложную совокупность языковых единиц, образующих иерархию уровней. В. С. Волков полагает, что уровни иерархии формируются «собственными типами языковых единиц соответствующей сложности, а именно – фонемами, морфемами, словами, сочетаниями слов, предложениями, смысловыми объединениями предложений и, наконец, законченными текстами» [11, с. 55]. Исследователь указывает, что каждый уровень языковой иерархии оперирует соответствующими аспектами языка: фонетико-интонационным, лексическим и грамматическим строем. Так, синтаксический, морфологический и фразеологический уровни иерархии управляют лексическим и грамматическим строями. Лексический строй объединяет слова и устойчивые выражения, а грамматический строй (морфолого-синтаксический) – «закономерности построения высказываний из назывных средств языка в процессе производства речи как воплощения мыслительной деятельности человека» [там же].

Средства речевого воздействия на синтаксическом уровне

Различные синтаксические средства представляют широкий набор возможностей для реализации манипулятивного воздействия. Д. С. Мухортов и А. В. Краснова полагают, что в основе синтаксических трансформаций лежит «выбор нужной модальности, корректировка залога, нанизывание параллельных конструкций, использование повторов, парцелляции и многие другие синтаксические ухищрения, диктуемые прагматикой говорящего» [12, с. 124]. Посредством синтаксических средств манипуляции возможно произвести смещение фокуса внимания, повысить или снизить эмоциональность высказывания, опустить или добавить ту информацию, которая воздействует на концептуальную картину мира реципиента.

В анализируемых источниках был выявлен ряд синтаксических средств речевой манипуляции: парцелляция, риторический вопрос, синтаксический параллелизм.

Наиболее частотно используется синтаксический параллелизм, который обуславливает усиление эмоциональности высказывания, а также позволяет акцентировать внимание на указанном смысле. Например:

Пример 1. “*Was sonst sollte das Ergebnis sein als der grandiose Sieg, der ihm den Zuspriech und die Ehrfurcht seines Volkes noch auf lange Zeit hinaus sichern soll. Wladimir der Eroberer. Wladimir der Große. Wladimir der Schreckliche.*”¹ (Каким ещё должен быть результат, если не грандиозная победа, которая надолго обеспечит ему (В. В. Путину – прим. авторов) признание и уважение народа. Владимир Завоеватель. Владимир Великий. Владимир Грозный².)

В данном примере автор даёт негативную оценку действиям Президента РФ В. В. Путина, сравнивая его с другими историческими личностями и используя приём многократного повторения одинаковой синтаксической структуры. Такое синтаксическое построение способствует нагнетанию обстановки и созданию негативного образа президента.

Пример 2. “*They are fighting off illegal Putin aggression and they need our support. We should be standing up for freedom, standing up for the right of this country to defend itself and making sure that Putin doesn't win.*”³ (Они борются с незаконной агрессией Путина и нуждаются в нашей поддержке. Мы должны отстаивать свободу, отстаивать право этой страны на самооборону и сделать всё возможное, чтобы Путин не победил.)

¹ Stuttmann K., Funk A. Ein Rückblick in Karikaturen: Kein schönes Jahr, aber ein historisches // Der Tagesspiegel.

² Здесь и далее переводы выполнены авторами статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.

³ Cameron urges US to aid Ukraine and not show ‘weakness displayed to Hitler’ // The Guardian.

Пример 3. «Путіна треба спустити з неба на землю, і наше небо має знову стати безпечним, і це реально. І це повністю залежить від вашого вибору. **Це вибір, чи справді життя всюди однаково цінне. Це вибір, чи однаково ви ставитеся до всіх партнерів. Вибір, чи справді ми союзники**»¹. (Путіна нужно спустить с неба на землю, и наше небо должно снова стать безопасным, и это реально. И это полностью зависит от вашего выбора. **Это выбор, действительно ли жизнь везде одинаково ценна. Это выбор, одинаково ли вы относитесь ко всем партнёрам. Выбор, действительно ли мы партнёры.**)

Указанные примеры демонстрируют приём синтаксического параллелизма, который использован с той целью, чтобы подчеркнуть важность поддержки, оказываемой США Украине. Это создаёт эффект неотложности, а также позволяет оказывать воздействие на восприятие ситуации. Так, реципиент будет полагаться не на собственные логические выводы, а на то, что внушается посредством подобных высказываний.

На втором месте по частотности находятся парцелляция и риторический вопрос. Парцелляция как синтаксический стилистический приём позволяет усилить эмоциональные оттенки значения. Ссылаясь на мнение И. Святогорова, Н. П. Галкина подчёркивает, что парцелляция представляет собой «особое членение текста, при котором части одного предложения оформляются как несколько самостоятельных предложений, для придания фразе большей выразительности» [13, с. 194].

Ю. В. Богоявленская утверждает, что парцелляция «программируется автором, позволяет обеспечить контроль внимания адресата» [14].

Риторический вопрос также используется для усиления эмоциональной составляющей высказывания. Вслед за

¹ Скаврон Б. Зеленський заявив, що Путіна треба «спустити з неба на землю»: звернення до міністрів оборони країн НАТО // ТСН.

Й. Майербауэром Н. В. Жук и В. Д. Иванов подчёркивают, что использование риторических вопросов обусловлено стремлением автора утверждать какую-либо информацию, следовательно, вопросы данного типа «могут быть исследованы как косвенные утверждения» [15, с. 106]. Согласно мнению Д. С. Дробот, «риторический вопрос усиливает эмоциональный тон сообщения, призван привлечь внимание читателя и повышать эффективность восприятия сообщения» [16]. К примерам парцелляции и риторического вопроса в антироссийской информационной войне отнесём следующие:

Пример 4. «Тому Україна нікуди відступати не збирається. І подивимось, у нас є відповідні технології, ми боремося, щоб було постачання від партнерів. Все дається непросто, ейфорії немає. Але руки ніхто не опускає, – підкреслив президент».² («Поэтому Украина никуда отступать не собирается. И посмотрим, у нас есть соответствующие технологии, мы боремся, чтобы были поставки от партнёров. Всё даётся непросто, эйфории нет. Но руки никто не опускает», – подчеркнул президент.)

Пример 4 показывает отрывок из речи президента Украины В. Зеленского, который содержит приём парцелляции. Это создаёт эффект спонтанности живой речи и используется с целью привлечения внимания реципиента к ситуации на Украине.

Пример 5. “Nun ruft er zum ersten Mal seit sechs Jahren zur Wahl. **Doch wozu braucht ein Diktator so eine Wahl?**”³ (Теперь он (В. В. Путин – прим. авторов) впервые за шесть лет идёт на выборы. **Но зачем диктатору ещё одни выборы?**)

Пример 6. “Guess which country boycotted this symbolic event?”⁴ («Угадайте, какая

² Тищенко К. Зеленський: Україна відступати не збирається, Путін нас боїться // Українська правда.

³ Thumann M. Der Wahl-Schein // Die Zeit.

⁴ The Observer view on Russia: Putin's retaliation against Ukraine must persuade Biden to relent over arms // The Guardian.

страна бойкотировала это символическое мероприятие?» (75-летие со дня подписания Женевской конвенции – прим. авторов))

Риторический вопрос в данных примерах помогает акцентировать внимание на том нарративе, который выстраивается автором высказывания. Кроме того, негативная коннотация перифразы *диктатор* в примере 5 усиливает негативный образ Президента РФ, сложившийся в западных СМИ.

Таким образом, синтаксические приёмы речевого манипулирования могут служить цели нагнетания политической обстановки вокруг Украины, усиления негативного отношения к России и лично к Президенту РФ В. В. Путину и контрастного отношения к армии Украины и её президенту, а также повышения эмоциональности высказываний для достижения своих политических целей.

Анализ показывает, что наиболее частотным синтаксическим приёмом является параллелизм (6 единиц, или 27%), парцелляция и риторический вопрос (по 3 единицы на каждый пример – 14%), а общее количество синтаксических средств воздействия составило 55%.

Речевые средства воздействия на фразеологическом уровне

Языковые средства речевого воздействия на фразеологическом уровне языковой иерархии обладают широкими экспрессивными и воздействующими возможностями, являются своеобразной рефлексией культурного, социального, духовного коллективного опыта, что обуславливает их применение в текстах информационно-войны.

Основное отличие фразеологических единиц от свободных сочетаний слов заключается в том, что фразеологическая единица «представляет собой немоделированное словосочетание, связанное семантическим единством» [17, с. 74]. Согласно мнению Е. В. Шепелевой, «в речи такое единство не создается, а вос-

производится в готовом виде (не моделировано) и функционирует как единый член предложения» [17, с. 74]. Ссылаясь на мнение Л. А. Киселевой, Е. В. Суркова допускает, что фразеологизмы выступают в коммуникации в качестве прагмем – «языковых единиц, предназначенных для регуляции человеческого поведения, способных отражать явления эмоционально-волевой сферы психики человека» [18, с. 27].

Описывая свойства фразеологических единиц как средства речевого воздействия, Л. В. Гриченко подчёркивает, что «данные единицы ориентированы на успешное прагматическое воздействие на аудиторию, так как их воздействующий потенциал детерминирован рядом характеристик: высокой степенью абстракции и генерализации семантики; реализацией оценочной, назидательной и побудительной семантики; сохранением и передачей духовного, социального и бытового опыта; отражением языковой картины мира этноса и отдельной личности; сверхличностным характером и декодированием по конвенционально закреплённой системе ценностей» [19, с. 248]. Е. В. Суркова отмечает, что использование в публицистических текстах различных фразеологических единиц способствует интенсификации эмоционально-оценочной составляющей информации, что обусловлено «самой природой фразеологизма как знака и априорно присутствующей у него коннотации, подразумевающей эмоционально-экспрессивный, оценочный или стилистический аспект семантики» [18, с. 27].

В статьях СМИ, нацеленных на ведение информационной войны против России, перечисленные функции фразеологизмов являются особенно эффективными, так как посредством введения таких единиц в текст снижается уровень субъективной оценочности ситуации автором сообщения, что может иметь больший воздействующий потенциал на реципиента. Кроме того, фразеологические

единицы характеризуют скрытое речевое воздействие, направленное на призывы, аргументацию или доказательство собственных действий.

К примеру, в статье, посвящённой внешней политике Венгрии в отношении СВО ВС РФ на Украине, приведена следующая цитата министра иностранных дел Венгрии Петера Сийярто:

Пример 7. “For weeks now, the Brussels foreign bureaucracy and the leaders of some EU countries have been **grinding their teeth over our peace mission, out of frustration/envy/exposure of their failed strategy.**”¹ (Вот уже несколько недель брюссельская внешняя бюрократия и лидеры некоторых стран ЕС **скрежещут зубами** по поводу нашей мирной миссии из-за разочарования / зависти / разоблачения их провалившейся стратегии.)

Фразеологизм *grind one's teeth over something* «скрипеть зубами» приобретает дополнительную коннотацию в данном контексте «быть раздражённым или недовольным сложившейся ситуацией и не иметь возможности повлиять на неё». Указанный фразеологизм реализует воздействующую и генерализирующую функции, что способствует экспрессивности высказывания и компрессии речи.

В статье издания Гардиан, в которой автор рассуждает о причастности Украины к подрыву газопровода «Северный поток», использован следующий фразеологизм:

Пример 8. “He said there continued to be an “extensive amount of murkiness” surrounding the case, and that it could not be ruled out that this was a “**false flag**” operation – an attempt to push the blame on to Ukraine.”² (По его словам, вокруг этого дела по-прежнему «много неясностей», и нельзя исключать, что это была **операция под «ложным флагом»** – попытка переложить вину на Украину.)

¹ EU leaders says eurozone has shown ‘remarkable resilience’ as they discuss Ukraine, migration and the economy – as it happened // The Guardian.

² Ukrainian team blew up Nord Stream pipeline, claims report // The Guardian.

В данном примере использовано идиоматическое выражение *false flag operation* со значением «операция или манёвр, проводимые с целью обмануть или скрыть истинные мотивы». Применение данного выражения в контексте причастности России к подрыву газопровода и её намерения скрыть и переложить вину на Украину обуславливает стремление западных СМИ очернить Россию в глазах мирового сообщества. С точки зрения речевого воздействия использование данного фразеологизма способствует речевой компрессии, а также стимулирует построение ассоциативного ряда с целью поддержания образа «Россия-враг», распространяемого в западных медиа.

Автор статьи *Spiel mit der Angst* («Игра со страхом») М. Туманн рассуждает о военном суде над российскими военными и политической элитой в случае досрочно-го завершения СВО:

Пример 9. “Ein Körnchen Wahrheit steckt jedoch in der Befürchtung, den Befehlshabenden und Verkäufern des russischen Angriffskriegs gegen die Ukraine könnte die Sache irgendwann doch **auf die Füße fallen.**”³ (Однако есть доля правды в опасениях, что командиры и участники российской агрессивной войны против Украины в конечном итоге смогут **выйти сухими из воды.**)

Немецкий фразеологический оборот *auf die Füße fallen*, дословно «приземлиться на ноги», имеет значение «пережить опасную ситуацию невредимым; справиться с критической ситуацией без вреда для себя» и относится к разряду разговорной лексики, что придаёт речи автора непринуждённый характер и позволяет привлечь внимание реципиента к обсуждаемой проблеме. В данном контексте фразеологизм служит для придания высказыванию большей экспрессивности и выражения субъективного оценочного мнения автора.

³ Thumann M. Spiel mit der Angst // Die Zeit.

В статьях украинских СМИ также активно используются фразеологические единицы как средство речевого воздействия. Так, в статье, посвящённой возможности вступления Беларуси в СВО ВС РФ на Украине, было выявлено несколько фразеологических единиц:

Пример 10. «В інфопросторі все частіше можна побачити новини про те, що Білорусь й досі зарано списувати з рахунків».¹ (В инфопространстве всё чаще можно увидеть новости о том, что Беларусь до сих пор рано сбрасывать со счетов.)

Пример 11. «Загрози з боку Білорусі – це гра на нервах чи реальна загроза?»² (Угрозы со стороны Беларуси – это игра на нервах или реальная угроза?)

Украинский фразеологизм *списувати з рахунків* «сбрасывать со счетов» употребляется в разговорной речи со значением «переставать принимать всерьёз что-либо». Фразеологизм *гра на нервах* «игра на нервах» имеет экспрессивную неодобрительную коннотацию и означает «намеренно раздражать кого-то»³. Оба фразеологических оборота использованы с целью привлечения внимания реципиента, а также для выражения и поддержания негативного тона информационных сообщений.

В исследуемых источниках общее количество фразеологизмов составило 10 единиц, или 45% от совокупного числа средств речевого воздействия, реализуемых в рамках антироссийской информационной войны, направленной на дестабилизацию внешнего и внутреннего положения России и российских политических лидеров на мировой арене после начала СВО. Это свидетельствует о высокой степени экспрессивности и абстрактности семантики высказываний,

направленных на выражение конвенционально закреплённого вектора оценочности в отношении описываемой ситуации. Фразеологизмы являются одним из универсальных средств, участвующих в реализации косвенного или скрытого воздействия на адресанта, а также обуславливающих регуляцию поведения и вектора мышления реципиента посредством использования воспроизводимых форм для скрытых оценок, доказательств или аргументов.

Заключение

Проанализированные речевые средства воздействия антироссийской пропаганды можно представить в виде сводной таблицы (см. табл. 1).

Анализ статей СМИ, посвящённых проведению СВО ВС РФ, на английском, немецком и украинском языках показал, что более частотными средствами речевого воздействия в антироссийской пропаганде являются средства синтаксического уровня, что обусловлено экспрессивным потенциалом различных синтаксических конструкций, их способностью имитировать живой диалог, побуждать к действию, а также вызывать устойчивые ассоциации в сознании реципиента и служить для реализации манипулятивного эффекта пропаганды.

Таким образом, с начала Специальной военной операции странами коллективного Запада и Украиной развёрнута активная антироссийская пропаганда, целью которой является очернение населения России, её политических лидеров и армии. Исследование антироссийской пропаганды с позиции лингвистического подхода, а именно анализ речевых средств воздействия и манипулирования на указанных уровнях языковой иерархии, проводимый на основе статей СМИ на английском, немецком и украинском языках, позволит сформировать методику их выявления в медиа-дискурсе, а также разработать комплекс мер противодействия антироссийской пропаганде.

¹ Головчак Х. Загрози з боку Білорусі: які «козири» в Лукашенка та як це використає Путін // ТСН.

² Там же.

³ См.: Словник фразеологізмів української мови / від. ред. Винник В. О. Киев: Наукова думка, 2003. С. 167, 594.

Таблица 1 / Table 1

Средства речевого воздействия в антироссийской информационной войне на синтаксическом и фразеологическом уровнях языковой иерархии / Speech means of influence in the anti-Russian information war at the syntactic and phraseological levels of the language hierarchy

Речевые средства	Количество речевых средств (ед.)	Количество речевых средств (%)	Общее количество средств по уровню (ед.)	Общее количество средств по уровню (%)
<i>Синтаксический уровень</i>				
Параллелизм	6	27	12	55
Парцелляция	3	14		
Риторический вопрос	3	14		
<i>Фразеологический уровень</i>				
Фразеологизм	10	45	10	45
Общее количество			22	100

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 53–65. DOI: 10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65.
2. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 424 с.
3. Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: КноРус, 2018. 146 с.
4. Ахренова Н. А., Орлова А. А. Дискурсивные характеристики fashion-блогинга // Вопросы современной лингвистики. 2021. № 6. С. 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19.
5. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 651 с.
6. Калинин О. И., Князева Е. Г. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 441–446.
7. Сидорова Н. А., Курочкина Е. В. Семантика ценностно маркированного дискурса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 63–71. DOI: 10.37482/2687-1505-V064.
8. Приходько М. В. Лингвистический аспект информационно-психологических войн: прагматика // Казанская наука. 2022. № 8. С. 106–109.
9. Махаев М. Р., Стернин И. А. Психолингвистическое дифференциальное описание семантики лексических единиц // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 4 (51). С. 114–120. DOI: 10.25744/vestnik.2020.51.4.019.
10. Гут В. В., Доценко Е. Л. Конструирование определений: от манипуляции до адаптивного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 8. С. 50–58. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.08.05.
11. Волков В. С. Коммуникативная грамматика в обучении английскому языку в высшей школе (сфера информационных технологий) // Современная наука. 2016. № 4. С. 55–68.
12. Мухортов Д. С., Краснова А. В. Дискурсивные маркеры манипуляции как реализация субъективно-оценочного акта говорящего // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 120–125.
13. Галкина Н. П. Парцелляция как инструмент воздействия в публицистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (164). С. 193–200.
14. Боявленская Ю. В. Воздействующий потенциал парцелляции в медиатексте // Филология и человек. 2015. № 2. С. 93–103.

15. Жук Н. В., Иванов В. Д. Сочетание вопросительного и восклицательного знаков (!?) в некоторых эмотивных типах высказываний (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 101–108. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-101-108
16. Дробот Д. С. Риторический вопрос как средство когнитивно-прагматического воздействия в медиадискурсе (на примере журналов *Cosmopolitan* и *Glamour*) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4-1 (82). С. 81–84. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-1.19.
17. Шепелева Е. В. К вопросу об отличии организации слов в свободных словосочетаниях от фразеологической единицы // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. С. 73–75.
18. Суркова Е. В. Воздействующий потенциал военной фразеологии в публицистике в период вооруженного конфликта (на материалах англоязычных медиатекстов на тему СВО) // Военно-филологический журнал. 2024. № 3. С. 26–35.
19. Гриченко Л. В. Фразеологические и паремиологические единицы как средство речевого воздействия в политической коммуникации // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 246–253.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. & Parshin, P. B. (2017). Propaganda as a Category in Forensic Text Analysis. In: *Theory and Practice of Forensic Science*, 12 (2), 53–65. DOI: 10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65 (in Russ.).
2. Achkasova, V. A. & Melnik, G. S., eds. (2023). *Propaganda discourse in the context of digitalization*. St. Petersburg: St. Petersburg University publ. (in Russ.).
3. Kalinin, O. I. (2018). *Fundamentals of linguopragmatic research of political image*. Moscow: KnoRus publ. (in Russ.).
4. Akhrenova, N. A. & Orlova, A. A. (2021). Discourse characteristics of Fashion blogging. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19 (in Russ.).
5. Pocheptsov, G. G. (2001). *Theory of communication*. Moscow: Refl-book publ., Kyiv: Wakler publ. (in Russ.).
6. Kalinin, O. I. & Knyazeva, E. G. (2023). Cognitive-discursive approach to information war. In: *Cognitive Studies of Language*, 3-2 (54), 441–446 (in Russ.).
7. Sidorova, N. A. & Kurochkina, E. V. (2020). Semantics of Value-Marked Discourse. In: *Vestnik of NArFU. Linguistics*, 6, 63–71. DOI: 10.37482/2687-1505-V064 (in Russ.).
8. Prikhodko, M. V. (2022). Linguistic aspect in information\psychological warfare: pragmatics. In: *Kazan Science*, 8, 106–109 (in Russ.).
9. Makhaev, M. R. & Sternin, I. A. (2020). The differential psycholinguistic description of the semantics of lexical units. In: *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*, 4 (51), 114–120. DOI: 10.25744/vestnik.2020.51.4.019 (in Russ.).
10. Gut, V. V. & Dotsenko, E. L. (2023). Constructing definitions: from manipulation to adaptive intelligence. In: *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series: Cognition*, 8, 50–58. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.08.05 (in Russ.).
11. Volkov, V. S. (2016). Communicative grammar in teaching English at higher school (in the sphere of information technologies). In: *Modern Science*, 4, 55–68 (in Russ.).
12. Mukhortov, D. S. & Krasnova, A. V. (2016). Manipulation discourse markers within the framework of subjective evaluation. In: *Political Linguistics*, 6 (60), 120–125 (in Russ.).
13. Galkina, N. P. (2022). Parcelling as a tool of influence in journalism. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 1 (164), 193–200 (in Russ.).
14. Bogoyavlenskaya, Yu. V. (2015). Effecting potential of parcelling in French and Russian media texts. In: *Philology and Man*, 2, 93–103 (in Russ.).
15. Zhuk, N. V. & Ivanov, V. D. (2022). The combination of question and exclamation marks (!?) in some emotive types of statements (based on the material of the German language). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 101–108. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-101-108 (in Russ.).
16. Drobot, D. S. (2018). Rhetorical question as a means of cognitive-pragmatic impact in media discourse (by the example of *Cosmopolitan* and *Glamour* magazines). In: *Philology. Theory & Practice*, 4-1 (82), 81–84. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-1.19 (in Russ.).

17. Shepeleva, E. V. (2009). To the question about differences in fixing up words in free word combinations from their organization in phraseological units. In: *Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*, 15, 73–75 (in Russ.).
18. Surkova, E. V. (2024). Impact potential of military phraseology in mass media during armed conflict (on English media texts about the Special Military Operation). In: *Journal of Military Philology*, 3, 26–35 (in Russ.).
19. Grichenko, L. V. (2016). Phraseological and paroemiological units as means of linguistic manipulation in political communication. In: *Culture and Civilization*, 4, 246–253 (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Юлия Александровна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0001-4716-9773>; e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Князева Елена Георгиевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0003-1244-4995>; e-mail: i7201224@gmail.com

Шермазанова Светлана Викторовна (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Kuznetsova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0001-4716-9773>; e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Elena G. Knyazeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0003-1244-4995>; e-mail: i7201224@gmail.com

Svetlana V. Shermazanova (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Prof., Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-29-42

НЕЙРОННЫЙ МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД В ВОЕННОЙ СФЕРЕ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Сербин В. А.

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: vietvladimir@gmail.com*

Поступила в редакцию 24.12.2024

После доработки 27.01.2025

Принята к публикации 28.01.2025

Аннотация

Цель исследования – оценить эффективность нейронного машинного перевода (НМП) для военных текстов различных стилей на английском и вьетнамском языках, выявить преимущества и ограничения технологии.

Процедура и методы. Методы включают эксперимент с НМП-системами (Google Translate, ChatGPT, Gemini) и сравнительный анализ их переводов с работами профессиональных переводчиков. Качество оценивалось по точности содержания, терминологической корректности, стилистическому соответствию и уровню ошибок.

Результаты показали, что НМП обеспечивает высокую скорость и приемлемое качество перевода научных и официально-деловых текстов, но испытывает трудности с художественными и разговорными текстами, где важна стилистическая выразительность.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в уточнении границ применимости НМП, рекомендациях по его использованию в военном переводе и обосновании необходимости отечественных офлайн-решений для повышения качества перевода и безопасности данных.

Ключевые слова: нейронный машинный перевод, военный перевод, функциональные стили, перевод текстов, автоматизация перевода, постредактирование, терминология, вьетнамский язык, английский язык

Для цитирования:

Сербин В. А. Нейронный машинный перевод в военной сфере: оценка эффективности, ограничений и перспектив использования // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 29–42. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-29-42>

Original research article

NEURAL MACHINE TRANSLATION IN THE MILITARY SPHERE: EVALUATION OF EFFICIENCY, LIMITATIONS, AND PROSPECTS OF USE

V. Serbin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: vietvladimir@gmail.com

Received by the editorial office 24.12.2024

Revised by the author 27.01.2025

Accepted for publication 28.01.2025

Abstract

Aim. To evaluate the effectiveness of neural machine translation (NMT) for military texts of various styles in English and Vietnamese, identifying its advantages and limitations.

Methodology. An experiment was conducted with NMT systems (Google Translate, ChatGPT, Gemini) and a comparative analysis of their translations against those of professional translators. Quality was assessed based on content accuracy, terminological precision, stylistic consistency, and error rates.

Results. The study shows that NMT ensures high speed and acceptable quality for scientific and official texts but encounters difficulties with literary and conversational texts requiring stylistic expressiveness.

Research implications. This research clarifies the applicability of NMT, provides recommendations for its use in military translation, and highlights the need for domestic offline solutions to enhance translation quality and ensure data security.

Keywords: neural machine translation, military translation, functional styles, text translation, translation automation, post-editing, Vietnamese language, English language

For citation:

Serbin, V. A. (2025). Neural Machine Translation in the Military Sphere: Evaluation of Efficiency, Limitations, and Prospects of Use. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 29–42. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-29-42>

Введение

В последние годы развитие технологий существенно преобразовало лингвистику и перевод. Одним из ключевых достижений стало внедрение нейросетей, основанных на искусственном интеллекте и машинном обучении, что значительно изменило подходы к автоматизированному переводу. Если раньше машинный перевод (МП) требовал значительных доработок, то современные нейросети способны обеспечивать качество, близкое к профессиональному уровню.

Эти изменения также актуальны в контексте специального перевода, в частности военного перевода, где требова-

ния точности и скорости играют важную роль. Внедрение технологий нейронного машинного перевода (нейроперевода, тж. НМП) в эту область открывает перспективы для повышения эффективности переводческого процесса, однако вызывает и ряд вопросов, связанных с качеством перевода, точностью использованной терминологии и безопасностью данных.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа применения нейроперевода для решения различных переводческих задач, включая перевод военных текстов.

Новизна работы заключается в проведении эксперимента, направленного на

оценку эффективности нейроперевода при работе с текстами военной тематики, различающимися по функциональным стилям и типологии языков, а также на сравнение полученных результатов с переводом, выполненным человеком.

Цель исследования – выявить ключевые преимущества, определить недостатки и оценить перспективы применения НМП на материале переводов текстов военной тематики и провести сравнительный эксперимент в интересах оценки качества перевода текстов различных функциональных стилей на английском и вьетнамском языках.

Для достижения поставленной цели в рамках работы будут решены следующие задачи:

- предпринять краткий анализ теоретических основ нейроперевода и его отличия от традиционных методов машинного перевода;

- провести эксперимент по переводу текстов с русского языка на вьетнамский и английский языки с применением нескольких распространённых нейропереводчиков, таких как Google Translate, ChatGPT и Gemini;

- сравнить результаты машинного перевода с переводом, выполненным человеком, с точки зрения точности передачи содержания, терминологической корректности и соответствия функциональному стилю;

- оценить возможности, преимущества, недостатки и перспективы нейроперевода в военной сфере.

Настоящее исследование позволит глубже понять возможности и ограничения нейроперевода в контексте военного перевода на примере редких и популярных языков.

Понятие машинного перевода и его отличие от нейронного машинного перевода

Эволюция МП сыграла ключевую роль в развитии технологий автоматизированной обработки текста. Внедрение

НМП стало прорывом, который изменил подходы к переводу. История развития МП неоднократно становилась объектом научных исследований [1; 2; 3; 4], поэтому в данном случае мы ограничимся кратким обзором МП, сосредоточив внимание на уникальных характеристиках нейроперевода, которые отличают его от предыдущих технологий.

Развитие технологий МП прошло несколько этапов. Одним из первых решений стал появившийся в середине XX в. перевод «по правилам» (RBMT), который продемонстрировал свою эффективность для текстов с предсказуемой структурой, но требовал значительных усилий для настройки под каждый новый язык [5, с. 71]. В 1990-х гг. статистический машинный перевод (SMT) начал использовать параллельные корпуса текстов, что позволило учитывать частоту слов и фраз, но по-прежнему не решало проблемы передачи контекста и лексической вариативности [6, с. 500]. Для повышения качества перевода стали применяться гибридные системы, объединяющие RBMT и SMT. Они улучшили результаты, но не могли в полной мере справляться с многообразием языковых контекстов, особенно при обработке редких слов [7, с. 284]. Несмотря на ограничения, дальнейшее развитие технологий привело к созданию более эффективных решений, значительно повысивших точность и качество перевода.

НМП, впервые представленный в 2016 г., стал революцией в автоматизации перевода. Основанный на модели «последовательность-к-последовательности» (sequence-to-sequence), НМП сочетает кодер и декодер, что позволяет анализировать текст не только на уровне слов, но и на уровне смысловых связей в контексте. Ключевую роль играет механизм внимания (attention), который выделяет важные фрагменты текста, обеспечивая высокую точность даже при обработке сложных и длинных конструкций.

НМП имеет ряд преимуществ: контекстуальную точность, беглость перевода и способность к самообучению, что позволяет адаптироваться и улучшать качество работы с накоплением данных. Механизм внимания помогает сохранять смысловые связи и адаптироваться к сложным текстам.

Развитие МП тесно связано с прогрессом технологий обработки информации. Н. К. Гарбовский и О. И. Костикова отмечают, что технологические изменения влияют не только на инструменты, но и на когнитивные процессы перевода, усиливая его творческий аспект и балансируя возможности человека и искусственного интеллекта [8, с. 11].

Тем не менее НМП имеет ограничения. Системы сталкиваются с трудностями при работе с редкой лексикой и специализированной терминологией [9, с. 45], а также требуют значительных вычислительных ресурсов, что ограничивает их внедрение по сравнению с RBMT и SMT. Как отмечает В. В. Сдобников, нейросетевые системы не всегда формируют целостный текст, учитывая прагматические и культурные аспекты, что может приводить к фрагментации содержания [10, с. 44].

Таким образом, НМП представляет собой инновационную технологию с высокой адаптивностью, однако его применение в специализированных областях, таких как военный перевод, требует дальнейших разработок. Следующий этап исследования посвящён анализу особенностей использования НМП в этой сфере, что позволит выявить его потенциал и области для улучшения.

Анализ особенностей применения НМП в военной сфере

Для анализа эффективности НМП был разработан набор текстов на русском языке, охватывающий пять функциональных стилей: научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный (см.

далее табл. 1–5). Этот подход позволил продемонстрировать широкий спектр языковых ситуаций, характерных для военной тематики, и оценить адаптивность переводческих систем при работе как со специализированной терминологией, так и с образными выражениями.

Вопрос оценки качества перевода давно является предметом научных дискуссий, и на сегодняшний день существует множество подходов к этой задаче. Среди них широко используются автоматические метрики, такие как BLEU, METEOR, TER, которые позволяют количественно оценить качество перевода на основе сравнения машинного результата с эталонным [11; 12]. Однако данные метрики имеют ограничения, связанные с невозможностью учёта контекста и стилистической адекватности перевода, что особенно важно для текстов военной тематики.

Для обеспечения объективности анализа были определены ключевые критерии оценки, которые учитывают как общие требования к качеству перевода, так и специфические особенности текстов военной тематики. Такой подход обеспечивает комплексное рассмотрение работы систем НМП.

Первым критерием является *точность передачи содержания*. Это подразумевает сохранение смысла исходного текста без искажения информации. Для научных и официально-деловых текстов это означает строгую передачу фактической информации, в то время как для художественных текстов важна передача авторского замысла.

Следующим критерием выступает *терминологическая корректность*. В военных текстах особое внимание уделяется точности перевода специализированной лексики, включая аббревиатуры, военные термины и названия. Ошибки в этой области могут значительно исказить восприятие и интерпретацию текста.

Третий критерий – *стилистическое соответствие*, предполагающее сохра-

нение стиля и тона оригинального текста с учётом особенностей каждого функционального стиля. Для научных текстов характерны сложные, многокомпонентные предложения с обилием вводных конструкций и уточнений, употребление терминов, специальных обозначений и строгая лексическая нейтральность. Официально-деловые тексты обладают чёткой, логичной структурой с минимальным использованием сложноподчинённых конструкций, лексика насыщена клишированными оборотами. Публицистический стиль сочетает нейтральную лексику с эмоционально окрашенными выражениями, дополняя текст риторическими вопросами и вариативностью синтаксиса для привлечения внимания аудитории. Художественные тексты, наоборот, выделяются своей образностью, использованием метафор, эпитетов и сложных описательных конструкций, которые создают эмоциональную насыщенность и передают авторский замысел. Разговорный стиль, в свою очередь, отличается простотой и естественностью: предложения могут быть неполными или эллиптическими, в них активно используются сленговые и просторечные выражения, а порядок слов может нарушаться ради усиления эмоционального эффекта.

Контекстуальная адекватность – ещё один важный аспект оценки, обеспечивающий точную передачу смысла текста с учётом общего контекста. Она включает правильный перевод многозначных слов, идиом и терминологии. Грамматически сложные конструкции, длинные предложения и культурные особенности также должны быть адаптированы без искажения смысла.

Для художественных, публицистических и разговорных текстов отдельное внимание уделяется **сохранению образности и выразительности**. Это необходимо для передачи эмоционального воздействия, характерного для оригинала.

Оценивается также **уровень ошибок и необходимость постредактирования**.

Это позволяет определить, насколько качественным является результат работы НМП без вмешательства человека, что особенно важно при обработке больших массивов данных.

Наконец, учитывается **скорость выполнения перевода**. В военной сфере оперативность обработки текстов напрямую влияет на принятие решений, что делает этот критерий одним из ключевых.

Таким образом, данная выборка материала представляется нам наиболее репрезентативной, поскольку отражает подачу информации в различных языковых ситуациях и позволяет рассмотреть возможности моделей нейроперевода.

Анализ перевода текста научного стиля (см. табл. 1) выявил различия в точности, терминологии и стилистике. При переводе на вьетнамский язык Google Translate и GPT-4 передают общий смысл, но используют выражение *nút liên lạc* – «узел связи», что является буквализмом и некорректным термином. Gemini искажает значение, заменяя его на *nút giao tiếp* – «узел общения», кроме того, Gemini использует буквализм *chuỗi chỉ huy* – «цепь управления», что также является смысловой ошибкой либо попыткой образования термина путём метафорического переноса. Все три системы используют *được thiết kế* – «спроектировано» для передачи сочетания «предназначен для», что также искажает смысл и не соответствует научному стилю, поскольку добавляет образность. Профессиональный перевод демонстрирует точность и соответствие стилистическим критериям: используются корректные термины *trạm thông tin liên lạc* и *các đường truyền vi ba và vệ tinh*, а длинное предложение разделено на два, что делает текст лаконичнее.

На английском языке Google Translate и GPT-4 используют термин *node*, что менее точно по сравнению с *signal center* в профессиональном переводе. Gemini допускает серьёзные терминологические отклонения, используя *command and control link*, что изменяет смысл и не соответ-

Таблица 1 / Table 1

Переводы текстов научного стиля / Translations of scientific style texts

Оригинал (русский)	Подвижный тактический узел связи предназначен для организации опорной широкополосной сети связи в звене управления «дивизия – бригада – батальон», основу которой составляют линии радиорелейной и спутниковой связи ¹ .
Google Translate (вьетнамский)	Nút liên lạc chiến thuật di động được thiết kế để tổ chức mạng lưới liên lạc băng thông rộng xương sống ở cấp chỉ huy "sư đoàn – lữ đoàn – tiểu đoàn", cơ sở của mạng lưới này là các đường truyền liên lạc vệ tinh và chuyển tiếp vô tuyến.
GPT-4 (вьетнамский)	Nút liên lạc chiến thuật cơ động được thiết kế để tổ chức mạng thông tin liên lạc băng thông rộng ở cấp chỉ huy "sư đoàn – lữ đoàn – tiểu đoàn", với nền tảng là các tuyến liên lạc vô tuyến tiếp sức và vệ tinh.
Gemini (вьетнамский)	Nút giao tiếp chiến thuật di động được thiết kế để xây dựng một mạng lưới liên lạc băng rộng làm điểm tựa trong chuỗi chỉ huy "sư đoàn - lữ đoàn - tiểu đoàn", với nền tảng là các đường truyền vô tuyến vi ba và vệ tinh.
Профессиональный перевод (вьетнамский) ²	Trạm thông tin liên lạc di động cấp chiến thuật dùng để tổ chức mạng liên lạc băng thông rộng có tính chất xương sống ở cấp chỉ huy "sư đoàn – lữ đoàn – tiểu đoàn". Nòng cốt của nó là các đường truyền vi ba và vệ tinh.
Google Translate (английский)	The mobile tactical communications node is designed to organize a backbone broadband communications network at the "division – brigade – battalion" command level, the basis of which is radio relay and satellite communications lines.
GPT-4 (английский)	The mobile tactical communication node is designed to establish a backbone broadband communication network within the command chain of "division – brigade – battalion," primarily based on radio relay and satellite communication lines.
Gemini (английский)	A mobile tactical communication node is designed to establish a backbone broadband communication network within the "division-brigade-battalion" command and control link, based on microwave radio relay and satellite communication lines.
Профессиональный перевод (английский) ³	A mobile tactical signal center is designed to establish a backbone broadband communication network within the division, brigade, and battalion command and control structure, leveraging microwave radio relay and satellite links.

ствует интенции автора. Gemini также использует *lines*, что ближе к оригиналу, тогда как профессиональный перевод использует *links*, что может быть менее предпочтительно в данном контексте. В целом профессиональный перевод де-

монстрирует наибольшую точность и стилистическую адекватность, однако нейросетевые системы, особенно GPT-4, дают приемлемый результат, требующий лишь минимального уточнения терминологии.

¹ Львов В., Максименков Е. Современное состояние и перспективы развития системы связи сухопутных войск США [Электронный ресурс] // Зарубежное военное обозрение: [сайт]. 2024. № 11 (932). С. 44. URL: <https://zvo.ric.mil.ru/upload/site230/Uq3Vm7QlGC.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

² Здесь и далее перевод на вьетнамский язык осуществлён профессиональным переводчиком – носителем языка (если не указано иное).

³ Здесь и далее перевод на английский язык осуществлён профессиональным переводчиком, не носителем языка.

Контекстуальная адекватность обеспечена только в профессиональном переводе, который отражает точный смысл и стилистические особенности. НМП допускают терминологические ошибки и упрощения, особенно во вьетнамском тексте.

НМП выполняют перевод за 5 секунд, но требуют значительного постредактирования. Профессиональный перевод занимает 6 минут, обеспечивая точность, терминологическую корректность и стилистическое соответствие.

Анализ перевода официально-делового текста (см. табл. 2) выявил различия в точности передачи содержания и соблюдении стилистики. В переводе на вьетнамский язык Google Translate и GPT-4 используют термин *xác nhận* – «подтверждать», который менее точно отражает смысл оригинала по сравнению с *khẳng định* – «утверждать». Gemini и GPT-4 добавляют уточняющие элементы, такие как *hạt nhân* – «ядерный» и *đạn đạo* – «баллистический», которых нет в оригинале, но есть в официальном тер-

Таблица 2 / Table 2

Переводы текстов официально-делового стиля / Translations of official business style texts

Оригинал (русский)	Товарищ Верховный Главнокомандующий, Ваше поручение по подтверждению возможности залповых пусков с ракетных подводных лодок стратегического назначения и ракетноносцев Ту-160 выполнено ¹ .
Google Translate (вьетнамский)	Đồng chí Tổng tư lệnh tối cao, lệnh của đồng chí xác nhận khả năng phóng loạt tên lửa từ tàu ngầm tên lửa chiến lược và máy bay ném bom chiến lược Tu-160 đã được hoàn tất.
GPT-4 (вьетнамский)	Thưa Đồng chí Tổng Tư lệnh Tối cao, nhiệm vụ của Ngài về việc xác nhận khả năng phóng loạt từ tàu ngầm hạt nhân chiến lược và máy bay ném bom mang tên lửa Tu-160 đã được hoàn thành.
Gemini (вьетнамский)	Thưa Đồng chí Tổng Tư lệnh, nhiệm vụ của Ngài giao phó về việc xác nhận khả năng phóng loạt từ các tàu ngầm hạt nhân mang tên lửa đạn đạo và máy bay ném bom Tu-160 đã được hoàn thành.
Профессиональный перевод (вьетнамский)	Thưa đồng chí Tổng tư lệnh tối cao, nhiệm vụ mà đồng chí giao về việc khẳng định khả năng phóng loạt từ tàu ngầm mang tên lửa cấp chiến lược và máy bay Tu-160 mang tên lửa, đã được hoàn thành.
Google Translate (английский)	Comrade Supreme Commander-in-Chief, your order to confirm the possibility of salvo launches from strategic missile submarines and Tu-160 missile carriers has been completed.
GPT-4 (английский)	Comrade Supreme Commander-in-Chief, your directive to confirm the feasibility of simultaneous launches from strategic missile submarines and Tu-160 missile carriers has been accomplished.
Gemini (английский)	Comrade Commander-in-Chief, Your order to confirm the capability of salvo launches from strategic nuclear submarines and Tu-160 bombers has been fulfilled.
Профессиональный перевод (английский)	Comrade Supreme Commander-in-Chief, your directive to verify the capability of conducting salvo launches from ballistic missile submarines and Tu-160 bombers has been completed.

¹ Тезисы доклада Министра обороны Российской Федерации генерала армии С. К. Шойгу на расширенном заседании Коллегии Минобороны России [Электронный ресурс]. URL: <https://mil.ru/files/files/Doklad%20Ministra.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

мине подлодки такого типа: «ПЛАРБ – подводная лодка атомная с ракетами баллистическими». Профессиональный перевод на оба языка сохраняет точность, избегая добавлений и сохраняя смысл оригинала.

В переводах на английский язык GPT-4 допускает терминологическую неточность, используя *simultaneous launches* вместо корректного *salvo launches*, что сохраняет общий смысл, но не соответствует принятой военной терминологии. Gemini использует точный термин *capability*, но, подобно вьетнамскому переводу, добавляет слово *nuclear*, что уточняет характеристику подлодки, но не присутствует в оригинальном тексте. Профессиональный перевод демонстрирует наибольшую точность, сохраняя официальный тон и военную терминологию, например, *directive to verify the capability of conducting salvo launches*.

Контекстуальная адекватность в целом обеспечена, но Google Translate упрощает стиль, а Gemini добавляет избыточные детали, отсутствующие в оригинале. Профессиональный перевод сохраняет официальный тон и строго соответствует исходному тексту.

Перевод официально-деловых текстов занял у профессионала 6–8 минут для полного соответствия терминологии и стиля, тогда как НМП выполнили перевод за 2–3 секунды, но требуют незначительного постредактирования из-за терминологических неточностей.

Анализ перевода текстов публицистического стиля (табл. 3) на вьетнамский язык показал, что Google Translate и GPT-4 допускают терминологические ошибки. При переводе термина «штурмовая группа» Google Translate использует *nhóm tấn công* вместо точного *cụm lực lượng xung kích* или *đội xung kích* и переводит «рубеж» как *biên giới* – «граница», что искажает смысл. Команда «Контакт» переведена как *Liên lạc*, что ближе к значению «связь». GPT-4 точнее передаёт «рубеж» через *tuyến*, но также неверно интерпретирует команду.

Gemini добавляет эмоциональные обороты, нарушая смысл, такие как: *bức tranh sinh động về không khí căng thẳng trước giờ G* – «живая картина напряжённой обстановки перед началом боя», чего нет в исходном варианте; также Gemini неверно передаёт термин «бой за рубежом» как *cuộc chiến vượt biên giới* – «бой за преодоление границы». Профессиональный перевод использует точные термины *cụm lực lượng xung kích, trận đánh giành giật tuyến* и выражение *con chim sắt*, что делает текст точным и выразительным.

В английском переводе Google Translate и Gemini ошибочно переводят «рубеж» как *border*, в то время как GPT-4 и профессиональный переводчик используют точный термин *line*. Google Translate упрощает стиль, например, через *raised in the sky*, а Gemini добавляет эмоциональность, но теряет точность в выражении *a bird in the sky*. Профессиональный перевод сохраняет точность и стилистику, добавляя выразительность через *a watchful 'eye in the sky'*.

Контекстуальная адекватность в переводах НМП нарушена из-за упрощений и добавлений, указанных выше. GPT-4 и Google Translate сохраняют точность, но теряют эмоциональность, Gemini искажает смысл, перегружает предложение, а профессиональный перевод передаёт и тональность, и содержание без искажений.

Профессиональный перевод занимает больше времени (около 10 минут), но изначально соответствует критериям точности и стилистики. НМП работают быстрее (2–3 секунды), но требуют значительного редактирования.

Анализ перевода художественного текста (табл. 4) выявил значительные различия в передаче образности и эмоциональной насыщенности. При переводе на вьетнамский язык Google Translate и GPT-4 в целом передают содержание, однако допускают искажения: например, у GPT-4 в случае с *cánh quạt quay nặng nề* – «тяжёлый ход винта», а Google Translate

Таблица 3 / Table 3

Переводы текстов публицистического стиля / Translations of publicistic style texts

Оригинал (русский)	Этот краткий, но значимый по своей информативности диалог – пример того, как взаимодействует штурмовая группа с командиром. С команды «Контакт» начинается бой за рубеж. На КП с помощью «птицы», поднятой в небо, видят продвижение людей на земле ¹ .
Google Translate (вьетнамский)	Đoạn hội thoại ngắn nhưng có ý nghĩa này là một ví dụ về cách một nhóm tấn công tương tác với chỉ huy của mình. Trận chiến biên giới bắt đầu bằng lệnh "Liên lạc". Tại trạm kiểm soát, với sự trợ giúp của một "con chim" được gửi lên trời, họ có thể quan sát tiến trình của mọi người trên mặt đất.
GPT-4 (вьетнамский)	Cuộc đối thoại ngắn gọn nhưng giàu thông tin này là một minh chứng sống động về cách một nhóm tấn công phối hợp với chỉ huy của mình. Trận chiến ở tuyến đầu bắt đầu bằng mệnh lệnh "Liên lạc". Tại sở chỉ huy, nhờ "chim sắt" được phóng lên bầu trời, họ có thể quan sát được sự di chuyển của lực lượng trên mặt đất.
Gemini (вьетнамский)	Chỉ vài câu ngắn ngủi thôi, nhưng cuộc trao đổi giữa đội hình xung kích và chỉ huy đã vẽ nên một bức tranh sinh động về không khí căng thẳng trước giờ G. Khi mệnh lệnh "Tiếp xúc!" vang lên, cuộc chiến vượt biên giới chính thức nổ ra. Tại sở chỉ huy, đôi mắt chim thép dõi theo từng bước chân của binh sĩ trên mặt đất.
Профессиональный перевод (вьетнамский)	Mẫu đối thoại đó ngắn gọn nhưng chứa đầy thông tin - một hình mẫu cho việc phối hợp giữa cụm lực lượng xung kích và người chỉ huy. Trận đánh giành giật tuyến được chỉ định sẽ bắt đầu từ toàn "Tiếp xúc". Ở sở chỉ huy người ta sẽ nhìn thấy sự di chuyển của con người trên mặt đất nhờ "con chim sắt" được thả lên bầu trời.
Google Translate (английский)	This short but meaningful dialogue is an example of how the assault group interacts with the commander. The battle for the border begins with the command "Contact". At the command post, with the help of a "bird" raised in the sky, they see the progress of people on the ground.
GPT-4 (английский)	This brief yet highly informative exchange serves as a vivid example of how an assault group coordinates with its commander. The battle for the line begins with the command "Contact." At the command post, thanks to the "bird" launched into the sky, they monitor the movement of troops on the ground.
Gemini (английский)	This brief but information-packed dialogue exemplifies the interaction between an assault team and its commander. With the command "Contact!", the battle for the border begins. At the command post, using a "bird" in the sky, they observe the advance of the ground forces.
Профессиональный перевод (английский)	This concise yet highly informative exchange between the assault force and its commander illustrates their interaction. With the order 'Contact!', the engagement at the line commences. At the command post, a "watchful 'eye in the sky'" monitors the movement of the troops on the ground.

¹ Швыткин И. Зачистка на дальних рубежах [Электронный ресурс] // Красная звезда: [сайт]. URL: <http://redstar.ru/zachistka-na-dalnih-rubezhah> (дата обращения: 14.01.2025).

Таблица 4 / Table 4

Переводы текстов художественного стиля / Translations of literary style texts

Оригинал (русский)	С полным газом и затяженным шагом винта преследую противника. Впереди земля. Самолет фашиста проектируется на желтых полях зрелой пшеницы. Еще две-три секунды – и дистанция сократится до минимума, пулеметные очереди накроют цель. Но перед тем как нажать на гашетки, инстинктивно бросаю взгляд назад – нет ли врага в хвосте. Это золотое правило не раз спасало летчикам жизни ¹ .
Google Translate (вьетнамский)	Đẩy hết ga và bước chân vọt nặng nề, tôi truy đuổi kẻ thù. Phía trước có đất. Một chiếc máy bay phát xít đang được thiết kế trên những cánh đồng lúa mì chín vàng. Hai hoặc ba giây nữa - và khoảng cách sẽ giảm xuống mức tối thiểu, các loạt súng máy sẽ bao trùm mục tiêu. Nhưng trước khi bóp cò, theo bản năng tôi liếc nhìn lại phía sau xem có kẻ địch nào ở đuôi không. Quy tắc vàng này đã hơn một lần cứu sống các phi công.
GPT-4 (вьетнамский)	Với động cơ chạy hết công suất và cánh quạt quay nặng nề, tôi truy đuổi kẻ thù. Phía trước là mặt đất. Máy bay của phát xít hiện rõ trên những cánh đồng lúa mì chín vàng. Chỉ còn hai, ba giây nữa – khoảng cách sẽ rút ngắn đến mức tối thiểu, và loạt đạn từ súng máy sẽ bắn trúng mục tiêu. Nhưng trước khi bóp cò, tôi theo bản năng liếc nhanh về phía sau – liệu có kẻ địch nào ở đuôi không. Quy tắc vàng này đã nhiều lần cứu mạng các phi công trong chiến đấu.
Gemini (вьетнамский)	Với hết tốc lực, cánh quạt găm rú, tôi đuổi theo kẻ thù. Mặt đất đang tới gần. Chiếc máy bay của kẻ thù hiện rõ trên những cánh đồng lúa mì vàng óng. Chỉ còn hai ba giây nữa, khoảng cách sẽ rút ngắn tối đa, những loạt đạn máy sẽ phủ kín mục tiêu. Nhưng trước khi bóp cò, theo bản năng, tôi liếc nhìn ra phía sau - liệu có kẻ thù nào đang bám đuôi? Quy tắc vàng này đã cứu sống biết bao phi công.
Профессиональный перевод (вьетнамский)	Tôi đẩy cửa dầu tăng tốc độ đuổi theo. Mặt đất ở phía trước. Máy bay địch in trên màu vàng của thảm lúa mạch. Thêm 2-3 giây nữa thời thì cự ly tiếp cận sẽ kéo lại đến mức ngắn nhất và những loạt đạn sẽ nổ vào nó. Nhưng trước khi ấn cò súng, tôi theo bản năng vẫn ngoái nhìn lại phía sau xem có thằng nào bám theo không. Nguyên tắc vàng ngọc ấy đã cứu được mạng sống của phi công rất nhiều lần trong chiến trận. ⁷
Google Translate (английский)	With full throttle and heavy propeller pitch, I pursue the enemy. The land is ahead. The fascist's plane is projected onto the yellow fields of ripe wheat. Another two or three seconds – and the distance will be reduced to a minimum, machine gun bursts will cover the target. But before pressing the triggers, I instinctively glance back – is there an enemy in the tail. This golden rule has saved pilots' lives more than once.
GPT-4 (английский)	At full throttle, with the propeller straining through the air, I close in on the enemy. Ahead, the ground stretches below. The fascist plane cuts across the golden fields of ripened wheat. Just two or three more seconds, and the distance will narrow to the minimum—machine-gun bursts will strike the target. But before squeezing the trigger, I instinctively glance back—checking for an enemy on my tail. This golden rule has saved many a pilot's life.
Gemini (английский)	With the throttle wide open and the engine screaming, I'm chasing the Nazi. The ground is rising fast. The Nazi plane is silhouetted against golden wheat fields. In a matter of seconds, I'll be on his tail, my guns blazing. But first, a quick glance behind – a pilot's instinct. It's a rule that's saved countless lives.
Профессиональный перевод (английский)	I'm chasing the enemy at full speed, the propeller runs heavily. Land is ahead. A fascist's plane is gliding along yellow fields of ripe wheat. Two or three seconds more – and the distance will be minimal, machine gun bursts will reach the target. But before triggering, I instinctively look back to see if there is an enemy behind. This golden rule saved many a pilot's life.

¹ Кожевников А. Эскадрилья уходит на запад. Записки летчика-истребителя. Ростов н/Д.: Ростов. кн. изд-во, 1966. С. 151.

неверно переводит «винт» как *chân vịt* – «гребной винт». Профессиональный перевод сохраняет как точность, так и образность, применяя удачные метафоры, такие как *mở* – «клевать» для описания пулеметных очередей.

При переводе текста на английский язык Google Translate и GPT-4 теряют стилистическую глубину, упрощая текст: Google Translate использует выражение *projected onto*, звучащее механически, а GPT-4 сводит перевод к *plane cuts across* – «пролетает над». Gemini демонстрирует точность через *plane is silhouetted against*, но склонен к излишней драматизации, добавляя *my guns blazing*. Профессиональный перевод удачно передаёт метафоры, например, *propeller runs heavily* – «винт работает тяжело», однако в отдельных случаях, таких как *is gliding along yellow*

fields – «скользит над жёлтыми полями», может допускать упрощения.

В целом контекстуальная адекватность достигается, однако Google Translate делает больше ошибок, а GPT-4 теряет эмоциональную глубину. Gemini, усиливая выразительность, склонен к драматизации. Профессиональный перевод наиболее точно сохраняет авторский замысел, балансируя между точностью и эмоциональной выразительностью.

Работа с художественными текстами требует от профессионала 3–5 минут на предложение для учёта нюансов и метафор, в то время как НМП работают значительно быстрее, но часто упрощают содержание и стиль оригинала.

Анализ перевода текста разговорного стиля (табл. 5) показал, что все системы сталкиваются с трудностями в передаче

Таблица 5 / Table 5

Переводы текстов разговорного стиля / Translations of colloquial style texts

Оригинал (русский)	Когда полз по полю, небо над головой затмила целая туча дронов – четыре бабы-яги и штук двадцать «сбросников» и «камикадзе». – А у меня только два магазина... Но дроны прошли мимо... А ты «мотолыгу», где я ночью прятался, подорвали ¹ .
Google Translate (вьетнамский)	Khi tôi bò qua cánh đồng, bầu trời phía trên đầu tôi bị che khuất bởi một đám mây máy bay không người lái – bốn Baba Yaga và khoảng hai mươi "máy bay thả bom" và "máy bay cảm tử". — Và tôi chỉ có hai cửa hàng... Nhưng máy bay không người lái đã bay qua. Và chiếc "xe máy" mà tôi trốn vào ban đêm đã bị nổ tung.
GPT-4 (вьетнамский)	Khi tôi bò qua cánh đồng, cả bầu trời trên đầu bị che khuất bởi một đám mây drone — bốn con "bà già phù thủy" và khoảng hai mươi con "thả bom" với "kamikaze". — Còn tôi thì chỉ có hai băng đạn... Nhưng mấy con drone bay qua mà không để ý. Còn cái "xe bọc thép" chỗ tôi trốn đêm qua thì bị nổ tung rồi.
Gemini (вьетнамский)	Tao đang bò qua cánh đồng thì bỗng dưng cả bầu trời đầy drone - bốn con to đùng và tám hai mươi con nhỏ tự nổ. Tao chỉ còn hai băng đạn thôi! Mà chúng bay qua tao đấy. Cái lều tạm bợ tao nấp đêm qua thì nổ banh xác rồi.
Профессиональный перевод (вьетнамский)	Khi tôi bò trên cánh đồng, bầu trời trên đầu đầy đặc các dron - có 4 chiếc Baba-yaga, khoảng 2 chục chiếc thả lựu nổ sát thương và các dron tự sát kiểu "kamikaze". Mà tôi thì chỉ có mỗi 2 băng đạn... Nhưng rồi các dron cũng đã đi qua. Còn chiếc xe vận tải bánh xích, nơi tôi trú ngụ ở đó đêm qua, thì đã bị phá tan.

¹ Штурмовик Андрей Григорьев-Тута: «Я обещал своим детям вернуться живым» [Электронный ресурс] // Якутия daily: [сайт]. URL: <https://yakutia-daily.ru/shturmovik-andrej-grigorev-tuta-ya-obeshhal-svoim-detyam-vernutsya-zhivym> (дата обращения: 11.01.2025).

Окончание табл. 5

Google Translate (английский)	As I crawled across the field, the sky above my head was eclipsed by a whole cloud of drones – four Baba Yagas and about twenty "droppers" and "kamikazes". – And I only have two magazines... But the drones passed by. And the "motorcycle" where I hid at night was blown up.
GPT-4 (английский)	When I was crawling across the field, the sky above was completely covered by a swarm of drones—four "Baba Yagas" and about twenty "bombers" and "kamikazes." – And I've only got two mags... But the drones flew past. That "armored carrier" I hid in last night? They blew it up.
Gemini (английский)	When I was crawling through the field, the whole sky was filled with drones – four big ones and about twenty smaller, kamikaze-type ones. And I only had two mags left! Luckily, they flew right past me. But the shed where I hid last night got blown up.
Профессиональный перевод (английский)	When I was crawling through the field, the sky was swarming with drones—four 'Baba Yaga' drones and around twenty 'kamikaze' and 'dropper' ones. And I only had two clips left. But the drones flew right over me. That old shack I was hiding in last night? They blew it up.

деталей текста, особенно в терминологии и стилистике. В переводах на вьетнамский язык Google Translate использует официальный термин *máy bay không người lái* для обозначения дронов, что не соответствует разговорному стилю, где чаще употребляют *drone* или *UAV*. Название *Baba Yaga* представлено транслитерацией или описанием (*bà già phù thủ*), что затрудняет понимание; более точным было бы дополнить его как *UAV Baba Yaga*. Gemini делает текст слишком фамильярным, используя местоимение *tao*, и упрощает описание дронов. Перевод термина «сбросники» отсутствует, а «мотолыга» переведена как *xe máy* (Google translate) – «мотоцикл» или *cái lều* (Gemini) – «палатка», что искажает смысл. Профессиональный перевод адаптирует стиль текста, применяя такие термины, как *drone*, и корректно передаёт значение «мотолыги» через – *xe vận tải bánh xích*.

В переводах на английский язык Google Translate и GPT-4 передают основные идеи текста, но упускают важные детали. Название *Baba Yaga*, как и во вьетнамском, остаётся без уточнения, что это дроны, а термин «сбросники» в GPT-4 заменён на *bombers*, что искажает их функцию. Gemini упрощает текст, заменяя «бабы-яги» на *four big ones*, теряя уникаль-

ность названия. Перевод «мотолыги» как *motorcycle* или *shed* также неверен.

Контекстуальная адекватность в НМП ограничена из-за неверного перевода терминов и добавления лишних элементов, которые нарушают соответствие оригиналу. Профессиональный перевод сохраняет точность и стилистическую выразительность, избегая искажений.

Хотя НМП быстро обрабатывают текст (2–3 секунды), их переводы требуют значительной доработки, особенно в части терминологии и стиля. Профессиональный перевод, напротив, выполняется дольше, но изначально соответствует всем критериям, что делает его более подходящим для работы с текстами разговорного стиля.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило высокий потенциал НМП в автоматизации работы с текстами военной тематики. Теоретический анализ и экспериментальная часть продемонстрировали, что нейронный машинный перевод успешно обрабатывает научные и официально-деловые тексты благодаря их структурной чёткости и унифицированной терминологии. Однако возможности НМП при переводе публицистических,

художественных и разговорных текстов ограничены сложностью воспроизведения стилистических и интенциональных особенностей оригинала.

Механизмы внимания и глубокого обучения в НМП обеспечивают высокую точность в текстах формализованных жанров, но одной лексической адаптации недостаточно для обработки сложных жанров. Для этого требуется интеграция когнитивных моделей анализа текста, учитывающих намерения автора, эмоциональный и культурный контекст. Важными направлениями развития являются внедрение адаптивного обучения для работы с риторическими фигурами, идиомами и прагматическими аспектами текста, а также учёт синтаксической структуры и многоязычных корпусов.

Эксперимент подтвердил, что НМП демонстрирует высокую эффективность при обработке стандартных текстов, но требует постредактирования для устранения ошибок и стилистических несоответствий. Дополнительными ограничениями НМП являются зависимость от интернет-соединения, отсутствие оте-

чественных платформ, что снижает уровень информационной безопасности, и необходимость доработки переводов для использования в специализированных областях, таких как военная сфера.

Перспективные исследования должны сосредоточиться на применении НМП в сложных речевых ситуациях, включая диалоги, бытовые и идеологически окрашенные тексты, а также тексты с лингвокультурными реалиями. Это поможет преодолеть текущие ограничения и повысить качество перевода в сложных контекстах.

Несмотря на существующие ограничения, НМП обладает значительным потенциалом для военной сферы, обеспечивая оперативность и автоматизацию перевода в критически важных условиях. Будущее автоматизированного перевода связано с интеграцией технологий НМП с навыками профессиональных переводчиков, что позволит формировать новые подходы к решению сложных задач в переводческой деятельности, сохраняя баланс между точностью, скоростью и адаптацией к особенностям текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раренко М. Б. Машинный перевод как вызов // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2021. № 2. С. 117–126.
2. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика: учебное пособие. М.: Восток – Запад, 2007. 318 с.
3. Kirkedal A. Tree-based Hybrid Machine Translation // Proceedings of the 13th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics (Avignon, France, April 23–27, 2012). Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 2012. P. 77–86.
4. Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода / К. К. Колин, А. А. Хорошилов, Ю. В. Никитин, С. И. Пшеничный, А. А. Хорошилов // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2 (4). С. 64–80. DOI: 10.31249/snsn/2021.02.05.
5. Раренко М. Б. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2021. № 3. С. 70–79. DOI: 10.31249/ling/2021.03.05.
6. Мифтахова Р. Г., Морозкина Е. А. Машинный перевод. Нейроперевод // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 2. С. 497–502.
7. Калинин С. М. Актуальные подходы к улучшению точности нейронного машинного перевода // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 284–287.
8. Гарбовский Н. К., Костинова О. И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2019. № 4. С. 3–25.
9. Касьянов В. К., Федулова В. В. Основные проблемы нейронного машинного перевода // Успехи в химии и химической технологии. 2021. Т. 35. № 11 (246). С. 43–45.
10. Сдобников В. В. Искусственный интеллект в переводе: уточнение понятий // Военно-филологический журнал. 2024. № 4. С. 38–47.

11. Легостина М. С. Метрики оценки качества машинного перевода // *Иноватика-2019: сборник материалов XV Международной школы-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых* (Томск, 25–27 апреля 2019 г.). Томск: СТТ, 2019. С. 490–493.
12. Улиткин И. А. Автоматическая оценка качества машинного перевода научного текста: 5 лет спустя // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2022. № 1. С. 47–59. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-47-59

REFERENCES

1. Rarenko, M. B. (2021). Machine translation as a challenge. In: *Lomonosov Translation Studies Journal*, 2, 117–126 (in Russ.).
2. Marchuk, Yu. N. (2007). *Computer linguistics*. Moscow: Vostok – Zapad publ. (in Russ.)
3. Kirkedal, A. (2012). Tree-based Hybrid Machine Translation. In: *Proceedings of the 13th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics (Avignon, France, April 23–27, 2012)*. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, pp. 77–86.
4. Kolin, K. K., Khoroshilov, A. A., Nikitin, Yu. V., Pshenichny, S. I. & Khoroshilov, A. A. (2021). Artificial intelligence in machine translation technologies. In: *Social Novelties and Social Sciences*, 2 (4), 64–80. DOI: 10.31249/snsn/2021.02.05 (in Russ.).
5. Rarenko, M. B. (2021). Machine Translation: From Translation “by the Rules” to Neural Translation. In: *Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 3, 70–79. DOI: 10.31249/ling/2021.03.05 (in Russ.).
6. Miftakhova, R. G. & Morozkina, E. A. (2019). Machine Translation. Neural Translation. In: *Bulletin of the Bashkir State University*, 24 (2), 497–502 (in Russ.).
7. Kalinin, S. M. (2017). Topical approaches to the improvement of neural machine translation. In: *The Bryansk State University Herald*, 1 (31), 284–287 (in Russ.).
8. Garbovsky, N. K. & Kostikova, O. I. (2019). Intelligence in translation: artful and artificial? In: *Lomonosov Translation Studies Journal*, 4, 3–25 (in Russ.).
9. Kasianov, V. K. & Fedulova, V. V. (2021). Main problems of neural machine translation. In: *Advances in chemistry and chemical technology*, 11 (246), 43–45 (in Russ.).
10. Sdobnikov, V. V. (2024). Artificial intelligence in translation: specification of concepts. In: *Journal of Military Philology*, 4, 38–47 (in Russ.).
11. Legostina, M. S. (2019). Metrics of quality assessment of machine translate. In: *Innovations-2019: collection of materials of the XV International School-Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists (Tomsk, April 25–27, 2019)*. Tomsk: STT Publ., pp. 490–493 (in Russ.).
12. Ulitkin, I. A. (2022). Automatic evaluation of machine translation quality of a scientific text: five years later. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 47–59. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-47-59 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сербин Владимир Алексеевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент Военного учебного центра Московского государственного лингвистического университета;
<https://orcid.org/0000-0002-8066-2519>; e-mail: vietvladimir@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Serbin (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Military Training Center, Moscow State Linguistic University;
<https://orcid.org/0000-0002-8066-2519>; e-mail: vietvladimir@gmail.com

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТНОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Саниева А. Ю.^{1*}, Сидорова Н. А.^{1,2}

¹ Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

² Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: anka.butenko@mail.ru

Поступила в редакцию 27.12.2024

После доработки 03.03.2025

Принята к публикации 12.03.2025

Аннотация

Цель работы заключается в исследовании конфликтного военно-политического дискурса, при реализации которого интегрируются контрастные аспекты лингвокультур, являющихся компонентами коммуникативных деятельностей участников социовербального взаимодействия.

Процедура и методы. Конфликтная военно-политическая среда изучается в коммуникативной ситуации как формирующая специфику проявления ценностей в рамках определённой культуры и развитие системы индивидуальной оценки участников общения противоположными прагматическими векторами. Лингвокультуры рассматриваются детерминантой развития коммуникативных деятельностей участников и дискурса в целом. Методология исследования построена на базовом системно-деятельностном подходе, применяемом к исследованию конфликтного военно-политического дискурса. В качестве основных методов использованы когнитивно-коммуникативный, прагматический и лингвокультурный. Для обзора представленного эмпирического материала применялись метод лингвистического компонентного анализа в сочетании с оппозитивным и сопоставительным.

Результаты. На основе изучения феномена конфликтного военно-политического дискурса в коммуникативном пространстве различных лингвокультур выявлен интегративный элемент в развитии речевых и неречевых действий участников-оппонентов, которым выступают коммуникативный потенциал реализации противоположных лингвокультур при актуализации когнитивных стратегий конструирования политического дискурса. В процессе исследования установлено, что в качестве характерных особенностей конфликтных лингвокультур в роли средств коммуникативной репрезентации выступают прагматические показатели коммуникативной активности, основанные на противоположных культурных и ценностных предпочтениях. Конфликт интерпретируется как коммуникативное явление, сформированное в рамках социовербального сопряжения коммуникативных деятельностей, обусловленного значительным различием лингвокультур, культурных картин мира и ценностей участников дискурса.

Теоретическая значимость работы объясняется вкладом в научное изучение конфликтного дискурса, основанное на исследовании конфликтного военно-политического дискурса. Представленные сведения позволяют рассматривать конфликт в допустимой реальности актуализации лингвокультуры, которая является детерминантой для формирования коммуникатив-

ных деятельности участников-оппонентов и развития конфликтного военного-политического дискурса.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, идеология, конфликт, концепт, лингвокультура, ценности, этнос

Для цитирования:

Саниева А. Ю., Сидорова Н. А. Исследование конфликтного военного-политического дискурса в коммуникативном пространстве различных лингвокультур // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 43–53. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53>

Original research article

THE RESEARCH OF THE CONFLICT MILITARY AND POLITICAL DISCOURSE IMPLEMENTED IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES

A. Sanieva^{1*}, N. Sidorova^{1,2}

¹ *Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

² *Russian State Social University, Moscow, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: anka.butenko@mail.ru*

Received by the editorial office 27.12.2024

Revised by the author 03.03.2025

Accepted for publication 12.03.2025

Abstract

Aim. To investigate the conflict military and political discourse, in implementation of which the contrasting aspects of linguistics are integrated, being the components of the communicative activities of participants of social-verbal interaction.

Methodology. The conflict military and political environment is studied in a communicative situation as an forming specificity of values manifestations within a certain culture, development of the system of individual evaluation of participants of communication by opposite pragmatic vectors. Linguistic cultures are considered by the determinants of development of communicative activities of participants and discourse in general. The methodology of the research is based on a basic system and activity approach applied to the study of conflict military and political discourse. Cognitive and communicative, pragmatic and linguocultural methods are used as the main ones. The empirical material presented was reviewed using linguistic and component analysis methods in combination with opposing and comparative techniques.

Results. Based on the study of the phenomenon of conflict military and political discourse in the communicative space of different linguistic cultures, the integrative element in the development of verbal and non-verbal actions of participants-opponents is revealed, which is the communicative potential of the implementation of opposite linguistic cultures in the actualization of cognitive strategies of constructing political discourse. In the course of the research, it was established that pragmatic indicators of communicative activity based on opposing cultural and value preferences act as characteristic features of conflict linguistic cultures in the role of means of communicative representation. The conflict is interpreted as a communicative phenomenon formed within the framework of the social-verbal interface of communicative activities, due to the significant difference in linguistic cultures, cultural worldviews and values of the participants in the discourse.

Research implications. The theoretical significance of the study is explained by the contribution to the scientific study of conflict discourse, based on research in the field of the conflict military and political discourse. The presented information allows to consider the conflict in the permissible reality of implementation of linguistic cultures, which is a determinant for the formation of communicative activities of the participants-opponents and the development of the conflict military and political discourse.

Keywords: concept, conflict, military and political discourse, ethnos, ideology, linguistic culture, values

For citation:

Sanieva, A. Yu. & Sidorova, (2025). The research of the conflict military and political discourse implemented in the communicative space of different linguistic cultures. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 43–53. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53>

Введение

Конфликт является базовым когнитивно-коммуникативным компонентом конфликтного военно-политического дискурса. Коммуникативный военно-политический конфликт представляет собой лингвокультурное взаимодействующее противоборство участников военно-политической сферы общения в аспекте противоположных картин мира, идей и ценностей, в результате которого одна из сторон намеренно на основании когнитивной интенции и коммуникативной цели, а также с учётом ранее сформированных стереотипов и предрассудков наносит ущерб другой. Поляризация когнитивных баз субъектов военно-политической социовербальной коммуникации может являться препятствием к взаимопониманию. Являясь сложным и неоднозначным явлением, находясь в сфере пересечения широкого спектра областей знаний, исследование конфликтного военно-политического дискурса представляется актуальным и научно обоснованным.

Когнитивно-коммуникативное пространство военно-политического дискурса

Военно-политический дискурс в настоящее время исследуется весьма широко, что обусловлено необходимостью в изучении его дальнейших особенностей в рамках социовербального функциони-

рования как когнитивно-милитаристского коммуникативного феномена. Под когнитивно-милитаристским коммуникативным феноменом мы понимаем активацию когнитивных структур, соотносённых с референтной областью, относящейся к военной и политической сферам взаимодействия коммуникантов. Военно-политический дискурс (ВПД) разворачивается в когнитивно-коммуникативном пространстве, соотносимом с референтом военно-политического типа (военно-политические события, кризисы, вопросы национальной безопасности) при участии коммуникантов, коммуникативная деятельность которых соотносена с военными и политическими текстами. Следовательно, как вид дискурса ВПД имеет определённые специфические характеристики, воплощающиеся в каждом компоненте системы.

Современное лингвистическое употребление термина «дискурс» весьма разнообразно. Как отмечает В. И. Карасик, «дискурс – это сложное явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся “в сухом остатке” общения, с другой стороны» [1, с. 231]. По мнению Н. Д. Арутюновой, корни теории дискурса и методы его анализа уходят в исследование языковых употреблений, логико-семиотические описания различных типов текстов, психолингвистический

анализ коммуникации, моделирование процессов создания и восприятия речи в когнитивной психологии, а также в этнографические исследования теории речевой коммуникации¹. В концепции Е. В. Сидорова [2] и Е. Ф. Тарасова [3] дискурс представляется сложным коммуникативным явлением, включающим набор текстов, связанных общей темой и зависящих от невербальных факторов (таких как: время и место общения, психокогнитивные, социальные характеристики участников, особенности каналов передачи информации и др.).

Отдельно исследуя природу ВПД, стоит также обратиться к трудам зарубежных лингвистов, которые, активно исследуя военно-политический дискурс, рассматривают его как сложное коммуникативное явление, объединяющее элементы военного и политического дискурсов. Особо подчёркиваются его манипулятивный потенциал, гибридная природа, влияние на когнитивные процессы, а также ключевая роль в формировании общественного мнения и международных отношений. ВПД редко носит субъективный характер, однако не ограничивается исключительно социальными или политическими аспектами и, реализуясь в индивидуальных текстах и речи, может приобретать некоторые субъективные черты. Т. А. ван Дейк утверждает, что «только когнитивная теория способна расшифровать отношения между индивидуальным и социальным с помощью анализа диалектики эпизодических ментальных моделей и их репрезентаций с одной стороны, и социально разделяемых групповых репрезентаций с другой стороны» [4, с. 34–38].

Отдельная теория критического дискурсивного анализа предложена английским лингвистом Н. Фэркло [5], определившим дискурс одним из аспектов множественных социальных практик.

В рамках данной теории особый акцент сделан на политической и идеологической сторонах дискурса. Теория критического анализа обращает особое внимание на практическую ценность дискурсивного анализа как эффективного коммуникативного ресурса и методологического инструментария, позволяющего определить властные отношения между участниками в рамках ВПД.

Р. Водак характеризует политический дискурс «борьбой с целью легитимизировать свою точку зрения, т. е. заставить её доминировать в политическом обществе путём придания ей символической ценности. “Занятие политикой” построено на обширном культурном контексте, определяемом национальными традициями и политическими системами, моделями и ценностями национального и общения» [6, р. 2–11]. Другими словами, политическая коммуникация рассматривается исследователем с основой на культурные опоры, компонентами которых являются этнические традиции и ценности. Разделяя эту точку зрения, полагаем, что ВПД также базируется на военно-политической национальной традиции участников в сопряжении с их лингвокультурными особенностями и ценностями.

Военно-политическая коммуникация представляет собой интерактивный феномен, взаимодействие общающихся в тех коммуникативно-культурных рамках, которые представляет отдельная национальная лингвокультура, и в то же время лингвокультура является важным аспектом, детерминирующим реализацию коммуникативных деятельностей участников, определяющих их актуальную и перспективную динамику. На основе этнической лингвокультурной интерпретации коммуникантов, идеологических и ценностных установок в зависимости от их когнитивных особенностей, с учётом коммуникативного опыта и знаний разворачивается ВПД, отражающий процесс речевого и социального взаимодействия

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136.

представителей различных лингвокультур.

Лингвокультурный аспект как пространство для развития конфликтного военно-политического дискурса

В международном взаимодействии и жизнедеятельности участников ВПД – представителей различных лингвокультур – можно наблюдать множество событий, фактов, ситуаций, имеющих определённое отношение к военно-политической коммуникации. Очевидно, что каждый из участников испытывает коммуникативную необходимость осмысления, концептуализации и языковой репрезентации новых явлений, сопоставления с прежними, выстраивания дальнейших стратегий коммуникативного развития военно-политической коммуникации. При этом когнитивные процессы, будучи дискурсивными факторами, осуществляются при детерминирующем влиянии лингвокультуры индивида, позволяющей ему ощущать свою этническую принадлежность, ценности, закреплённые в знаках национального языка.

В исследованиях лингвокультуры обычно значимыми компонентами выделяют концепт, ценности, языковую картину мира, культурный код или код культуры. В. В. Красных понимает лингвокультуру как «воплощённую и закреплённую в знаках живого языка и проявляющуюся в языковых (речевых) процессах культуру, явленную нам в языке и через язык. Это некое “пространство общей памяти”, закреплённой именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, т. е. некоторое пространство, где пересекаются и накладываются друг на друга язык и культура, где культурные смыслы представлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают только как тела для знаков языка культуры» [7, с. 7–18].

Лингвокультура и языковая картина мира имеют много общего, но различа-

ются по своей сути. Лингвокультура изучает, как язык и культура взаимодействуют и влияют друг на друга в обществе, в то время как языковая картина мира фокусируется на том, как язык формирует восприятие и понимание мира. Если языковую картину мира можно рассматривать как сложное семантическое пространство, которое изучается при помощи лингвистических и семантических методов, то лингвокультура является лингвокогнитивным феноменом, формируемым не языковыми единицами, а образами сознания, выраженными в вербальной форме. При этом, воплощаясь в языковых формах в реальности ВПД, лингвокультура служит своеобразным маяком, определяющим дальнейшее развитие коммуникативных актов, речевых и постречевых действий коммуникантов. Участника ВПД можно рассматривать как сформированную лингвокультурную личность, разделяющую культурные традиции, военно-политические национальные взгляды и этнические ценности.

Изучая феномен концепта с лингвистической точки зрения, разделяем мнение С. Г. Воркачева [8], который предлагает исследовать концепт в качестве элемента языкового сознания, а сознание, в свою очередь, играет роль посредника между культурой и языком, с помощью которого и осуществляется связь между сознанием, языком, миром. Другими словами, концепт являет собой культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в тексте целым рядом своих языковых реализаций.

Лингвокультурный концепт выделяется среди других ментальных единиц тем, что в нём акцентируется аксиологический компонент. Центр концепта всегда занимает ценность, так как концепт используется для изучения культуры, а основой культуры является именно ценностный принцип. В. И. Карасик [9] считает, что ценности представляют собой фундаментальные характеристики культуры и высшие ориентиры поведения.

Разделяя взгляды отечественных лингвистов, мы полагаем, что лингвокультурная специфика речевого общения представителей различных лингвокультур проявляется в выборе единиц общения, в разных способах репрезентации тех или иных ценностей, в степени подробности или обобщённости репрезентации ценности в разных языках. Справедливо уточнение Н. А. Сидоровой, что «национально-культурная специфика ценностей коммуникантов является основанием, придающим речевому общению поликультурный статус» [10, с. 24].

Однако разного рода лингвокультурные по природе военно-политические разногласия, прямые и косвенные противодействия взглядов, знаний, опыта участников зачастую приводят к формированию конфликтов, которые реализуются в конфликтном военно-политическом дискурсе (КВПД). Мы, в свою очередь, предлагаем рассматривать КВПД как когнитивно-коммуникативное пространство, разворачивающееся на фоне противопоставленных лингвокультур для осуществления речевой деятельности по поводу военно-политических событий, где значительную роль играют антагонизм мнений, неприятие позиций оппозиционных сторон-участников. Таким образом, в коммуникативном понимании лингвокультура рассматривается доминантой речевых и постречевых действий участников КВПД.

Конфликтное коммуникативное военно-политическое взаимодействие как столкновение лингвокультур

Осознание феномена лингвокультуры в коммуникативном аспекте приближает нас к постижению лингвокультур участников КВПД, особенности и различия которых можно проследить, наблюдая за текстами, реализованными коммуникантами в рамках КВПД. Рассмотрим примеры текстов, в которых противоположные лингвокультурные проявления реализуются достаточно отчётливо.

29 февраля 2024 г. на слушаниях в Комитете по делам вооружённых сил Палаты представителей Конгресса министр обороны США Ллойд Остин заявил: *“We know that if Putin is successful here, he will not stop. He will continue to take more aggressive action in the region. And other leaders around the world – other autocrats – will look at this, and they’ll be encouraged by the fact that this happened and we failed to support a democracy... If you’re a Baltic state, you’re really worried about whether or not you’re next. They know Putin. They know what he’s capable of... and, quite frankly, if Ukraine falls, I really believe that NATO will be in a fight with Russia”*¹.

Ответный текст главы МИД РФ Сергея Лаврова: *«У него просто по Фрейдю вырвалось то, что у них (США) на уме. Ведь до этого все говорили: нельзя допустить, чтобы Украина проиграла, потому что на этом Путин не успокоится и будет захватывать Прибалтику, Польшу, Финляндию. Оказывается, по открытому, двусмысленному выражению господина Остина всё совсем наоборот. У нас таких планов нет и быть не может, а вот у американцев – да, потому что они чувствуют, как Европа от них уплывает»*².

Анализируя тексты участников дискурса, представителей различных лингвокультур, можно выделить следующие конфликтные маркеры КВПД:

1. Концептуальный аспект. Концепты «предостережение», «угроза» реализуются следующими фразами, использованными представителем американской лингвокультуры: *“... he will not stop. He*

¹ См.: Slisco A. NATO Will Be Drawn Into War With Russia if Ukraine Loses: Lloyd Austin [Электронный ресурс] // Newsweek: [сайт]. URL: <https://www.newsweek.com/nato-will-drawn-war-russia-if-ukraine-loses-lloyd-austin-1874913> (дата обращения: 15.10.2024).

² См.: Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе специальной сессии Анталийского дипломатического форума (Анталья, 1 марта 2024 года) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/postledniye_dobavleniye/1936226/

will continue to take more aggressive action in the region. ... quite frankly, if Ukraine falls, I really believe that NATO will be in a fight with Russia ...». Автор открыто пугает адресата, используя соответствующую агрессивную лексику по степени нарастания, что создаёт перлокутивный эффект воздействия на читателя. Данный тактический приём свидетельствует об имплицитной реализации одобрения быть в готовности вступить в открытую фразу конфликта. В свою очередь, представитель русскоязычной лингвокультуры фразой «... у нас таких планов нет и быть не может ...» опровергает высказывания оппонента, реализуя при этом концепты «безопасность», «сохранение мира».

Особое внимание следует обратить на концепт «время», который одним из коммуникантов репрезентирован глаголами в будущем времени: *“he will not stop”, “he will continue to take more aggressive action”*. Использование временных форм свидетельствует о сформировавшемся прагматическом стремлении эмоционально воздействовать на индивидуальное и массовое сознание не только представителей стран Балтии, но и большего количества адресатов с целью подрыва репутации Президента РФ на международной арене.

Представитель русскоязычной лингвокультуры, наоборот, использует высказывания, относящиеся к нескольким временным планам: прошлый план – «... по Фрейду вырвалось то, что у них (США) на уме. Ведь до этого все говорили ...»; настоящий и будущий планы – «... у нас таких планов нет и быть не может ... а вот у американцев – да, потому что они чувствуют, как Европа от них уплывает». Именно выбор такой тактики реализации временного концепта демонстрирует отрицание всех вербализуемых формул оппонента, характеризуя авторское осознание развития отношений между странами как разновекторное, и когнитивно-коммуникативное принятие коммуниканта как антагониста, придержи-

вающегося абсолютно противоположных взглядов.

2. Ценностный аспект. Глава МИД РФ, отвергая все обвинения о возможном вторжении, употребляет фразу «... у нас таких планов нет и быть не может ...», что свидетельствует о вербализации ценностей «сохранение мира», «преодоление разногласий» и «создание благоприятных условий для дальнейшей коммуникации». Напротив, министр обороны США в высказывании *“... continue to take more aggressive action in the region ...”* провозглашает ценность «все средства хороши для достижения цели, даже агрессия».

3. Особенно отмечаем когнитивную способность представителя русскоязычной культуры – умение распознать и выявить характерную лингвокультурную черту оппонента, что реализовано фразой «... у него просто по Фрейду вырвалось то, что у них (США) на уме... Оказывается, по открытому, двусмысленному выражению господина Остина всё совсем наоборот». Такой речевой приём возможно рассматривать как трансформацию прецедентного текста, а именно русской поговорки: «Что у одних на уме, у других – на языке». Удачно применённый прецедентный феномен ярко реализуют коммуникативное недоверие автора и в связи с этим отторжение к оппоненту, что свидетельствует об их конфликтном взаимодействии в пространстве противостояния двух культур в рамках КВПД. По мнению некоторых зарубежных лингвистов (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. Рош), важно не упускать из виду лингвокультурные, этнопсихолингвистические и дискурсивные особенности прецедентности. Н. А. Сидорова и соавторы справедливо отмечают, что «анализ использования прецедентных единиц... выявляет творческий потенциал феномена прецедентности в языке и предоставляет возможности для дальнейшего изучения явления в деятельностном аспекте, в коммуникативных деятельности коммуникантов в рамках

определенных коммуникативных ситуаций дискурса» [11, с. 1823].

Как свидетельствуют наблюдения за приведённым языковым материалом, осознание и понимание военно-политической ситуации участниками дискурса, их ценностные представления по отношению к разворачивающимся событиям настолько различны, что следует говорить о полярности взглядов коммуникантов. Участников рассматриваемой коммуникации можно назвать оппонентами, вернее, противниками, лингвокультурно разведёнными по полярным векторам когнитивного и вербального аспекта КВПД.

Таким образом, лингвокультурный анализ данного примера позволил выявить корреляцию между элементами лингвокультур в динамике развивающегося конфликта. Тексты заявлений участников КВПД вербализуют значительные различия идеологий, ценностей, представлений, взглядов, картин мира, что обуславливает полярность лингвокультур, детерминирующих когнитивную и ментальную деятельность участников коммуникации, влияющих на выбор вербальных средств, структуру, содержание и интерпретацию текстов.

Чтобы всесторонне исследовать конфликтные ситуации, считаем необходимым обратиться к терминам: предмет, субъект, объект и стадии формирования конфликта. Отечественные исследователи предлагают выделять в качестве предмета «отдельно взятую проблему, обуславливающую непонимание сторон, т. е. причину конфликта, в качестве субъекта – людей и/или группы людей, обладающих противоположными мнениями по поводу предмета конфликта. Субъекты начинают конфликтовать из-за предмета, желая получить объект – элемент материального или духовного мира, на который претендуют индивиды по исходу конфликта» [12, с. 91].

Результатом коммуникативного военно-политического взаимодействия

представителей полярных лингвокультур может являться формирование коммуникативного конфликта. Интерпретация текста оппонентом зачастую отличается от содержания, которое имеется в образах и значениях говорящего, по различным причинам, начиная от несовпадения культур, ценностей либо их противопоставления, а также не всегда успешного выбора языковых и прочих коммуникативных средств одной из сторон, заканчивая демонстрацией ценностно обоснованного коммуникативного поведения не идти на коммуникативные уступки. Конфликтная ситуация может произойти несмотря на то, что при создании военно-политического текста говорящий и его оппонент, как правило, контролируют вербализацию рационального аспекта содержания и его эмоционального компонента в рамках реализации лингвокультурных доминант.

Исследуя военно-политическую картину мира, можно обнаружить в коммуникативном плане как негативные, так и позитивные лингвокультурные тенденции, обусловленные скрытыми и явными противоречиями, проявляющимися в коммуникативных конфликтах между конкурирующими или открыто противостоящими силами. Отметим, что именно развитие лингвокультурных конфликтов служит благоприятной основой формирования военно-политической ситуации и КВПД в целом.

Осуществлённый нами лингвокультурный анализ текстов продемонстрировал подтверждение теоретических постулатов о детерминирующей роли лингвокультуры в реализации сопряжённых коммуникативных, но когнитивно разновекторных деятельностей участников коммуникативного конфликта. Различие лингвокультур и ценностей коммуникантов КВПД не только обладает потенциалом порождать когнитивный конфликт, но позволяет выявить агрессивные тактики в реальности различия лингвокультур ВПД. Наиболее

доказательным компонентом дискурса, вербализующим коммуникативный военно-политический конфликт, рассматривается конфликтный военно-политический текст.

Заключение

В результате проведённого исследования можно сделать вывод, что конфликтный военно-политический дискурс представляет собой многоаспектный неоднородный феномен, основанный на оппозиции, противопоставлении, поляриности лингвокультур с учётом идеологических ориентиров и ценностей представителей различных этнокультур, реализуемый при помощи вербальных средств, влияющих на дальнейшее развитие сопряжённости лингвокультур, военной и политической картин мира в рамках самого дискурса.

Комплексный анализ языковых средств конфликтного военно-политического дискурса позволяет изучить его лингвокультурную основу и возможности потенциального воздействия на восприятие и интерпретацию тестов оппонентом. Следует подчеркнуть, что взаимосвязь военно-политической действительности, её лингвокультурной интерпретации и вербального выражения имеет важное значение: структура и компоненты военно-политического дискурса формируются под детерминирующим воздействием лингвокультурных факторов, одновременно оказывая влияние на текст и дискурс с учётом когнитивных установок и коммуникативных действий

участников. Исследование конфликтного военно-политического дискурса и тщательный лингвокультурный анализ военно-политических текстов позволяют выявить не только явно выраженные цели, но и скрытые намерения участников общения, что даёт возможность исследовать характеристики и силу воздействия лингвокультурного фактора. Детальное изучение дискурсивных прагматических аспектов в рамках сопряжения коммуникативных действий участников способствует выявлению механизмов лингвокультурного влияния на процесс развития конфликтного военно-политического дискурса в реальности различных этнокультур.

Проблемы выявления механизмов формирования конфликтов, коммуникативных возможностей их развития, а также поиска путей конструктивного взаимодействия с целью их прекращения по-прежнему являются одними из самых острых в современных лингвокультурных исследованиях, особенно на фоне конфликтного военно-политического дискурса. Изучение конфликтного военно-политического взаимодействия представляет собой область особенного научного интереса для лингвистов, занимающихся конфликтным военно-политическим дискурсом, а также для политологов, философов и историков в аспекте возможностей дальнейшего исследования военно-политической коммуникации. Следовательно, можно утверждать, что перспективы дальнейшего исследования достаточно широки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
2. Сидоров Е. В. Законы дискурса. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2015. 134 с.
3. Тарасов Е. Ф. К проблеме непрямого выражения мысли в слове // Современная коммуникативистика: наука – практика – специальность: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию профессора О. Я. Гойхмана (Москва, 20 июня 2019 г.). М.: Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2020. С. 25–36.
4. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. Переверзева, Е. Кожемякина. М.: URSS, 2013. 344 с.
5. Fairclough N. The dialectics of discourse // *Textus*. 2001. Vol. XIV. No. 2. P. 231–242.

6. Wodak R. *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.
7. Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 2. С. 7–18.
8. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
9. Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1 (32). С. 25–35.
10. Сидорова Н. А. *Межкультурная коммуникация. Природа и сущность: учебное пособие*. М.: Белый ветер, 2022. 168 с.
11. Сидорова Н. А., Курочкина Е. В., Хромочкина О. В. Творчество прецедентов: от слова к тексту. Границы актуализации (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 6. С. 1821–1827. DOI: 10.30853/phil20240260
12. Бобр А. Д., Ахренова Н. А. Лингвоконфликтогенез в социолингвистическом дискурсе на фоне пандемии COVID-19 // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. 7. Т. 2: материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод» (24 июня 2022 г.). М.: Военный университет, 2022. С. 90–97.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2004). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: Gnosis publ. (in Russ.).
2. Sidorov, E. V. (2015). *Laws of discourse*. Moscow: Moscow Dashkova University publ. (in Russ.).
3. Tarasov, E. F. (2020). To the problem of indirect expression of thought in the word. In: *Modern communication studies: science – practice – specialty: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of Professor O. Ya. Goykhman (Moscow, June 20, 2019)*. Moscow: Russian New University publ., pp. 25–36 (in Russ.).
4. Van Dijk, T. A. (2013). *Discourse and Power*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
5. Fairclough, N. (2001). The dialectics of discourse. In: *Textus*, XIV (2), 231–242.
6. Wodak, R. (2011). *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
7. Krasnykh, V. V. (2013). Linguoculture as an object of cognitive studies. In: *Lomonosov Philology Journal*, 2, 7–18 (in Russ.).
8. Vorkachev, S. G. (2004). *Happiness as a linguacultural concept*. Moscow: Gnosis publ. (in Russ.).
9. Karasik, V. I. (2015). Linguocultural values in discourse. In: *Foreign Languages in Tertiary Education*, 1 (32), 25–35 (in Russ.).
10. Sidorova, N. A. (2022). *Intercultural communication. Nature and essence*. Moscow: Belyi veter publ. (in Russ.).
11. Sidorova, N. A., Kurochkin, E. V. & Khromochkina, O. V. (2024). Creativity of Precedents: from Word to Text. The Boundaries of Actualization (on the Material of English and Russian Languages). In: *Philology. Theory & Practice*, 17 (6), 1821–1827. DOI: 10.30853/phil20240260 (in Russ.).
12. Bobr, A. D. & Akhrenova, N. A. (2022). Linguistic conflict genesis in sociolinguistic discourse against the backdrop of the COVID-19 pandemic. In: *Military-humanitarian almanac. Series "Linguistics". Iss. 7. Vol. 2: Proceedings of the XVI International Scientific Conference on Actual Problems of Language and Communication "Language. Communication. Translation" (June 24, 2022)*. Moscow: Military University publ., pp. 90–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саниева Анна Юрьевна (г. Москва) – адъюнкт кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; <https://orcid.org/0009-0003-9030-3856>; e-mail: anka.butenko@mail.ru

Сидорова Наталья Анатольевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; профессор кафедры иностранных языков и культуры Российского государственного социального университета; <https://orcid.org/0000-0003-0529-6026>; e-mail: natussid@mail.ru

INFORMARION ABOUT THE AUTHORS

Anna Yu. Sanieva (Moscow) – Postgraduate Student, Department of English Language (II), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0009-0003-9030-3856>; e-mail: anka.butenko@mail.ru

Natalya A. Sidorova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Language (II), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Prof., Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University;
<https://orcid.org/0000-0003-0529-6026>; e-mail: natussid@mail.ru

Научная статья
УДК 159.942.32:81
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-54-66

ГЕЛОТОЛИНГВИСТИКА: К ОБОСНОВАНИЮ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ КАК НОВОГО ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА СМЕХА

Фефелова Г. Г.

*Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Российская Федерация
e-mail: ufa-ugntu@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.01.2025

Принята к публикации 23.01.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть феномен смеха в современном теоретическом прочтении в аспекте необходимости выделения гелотоллингвистики как нового прикладного раздела языкознания.

Процедура и методы. В процессе работы использован наукометрический подход к анализу научных публикаций последних лет в сфере гелотологии, науки о юморе и его влиянии на различные стороны общественной жизни, обосновывающий выделение гелотоллингвистики, аккумулирующей в себе лингвистические изыскания в области смеха. В связи с чем ставится научная проблема обоснования гелотоллингвистики, изучающей смеховые аспекты языка в кругу смежных парадигм.

Результаты. Проиллюстрирован растущий интерес к пониманию феномена смеха. Описаны метаязык и номенклатура исследования. Доказываются коммуникативная природа смеха и его роль как во внутри-, так и в межкультурной трансляции. Подчёркивается, что смех является компонентом сознания, мышления на всех языковых уровнях: языковой системы, речи, текста и, сверх этого, в ядре сознания и в лексическом ядре посредством полистатусных гелотивов.

Теоретическая и практическая значимость. Выдвинута гипотеза о категориальном единстве (семиотика, коммуникация и смеховая этика), лежащем в основе гелотоллингвистики с указанием самых значимых компонентов, составляющих гелотоллингвистику как новый прикладной раздел языкознания. Выделяются гелотивы как языковые средства смеховой реакции. Обосновывается положение, что художественная литература и фольклор являются депозитарием гелотивов и репрезентантами гелотоллингвистики: гелотивная семантика, гелотивная мишень, гелотообъект, гелотив, поликодовые средства гелотивности, гелотивные эвфемизмы, гелотивная структура текста, категоризация гелотивного текста, феномен гелотивности и гелотивной компетенции и т. д. Проанализированы различные концепции смеха, подчёркнуто наличие смеха в сознании / мышлении / речевой деятельности человека. Перечислены основные проблемные отрасли гелотоллингвистики, а также её перспективы.

Ключевые слова: гелотоллингвистика, гелотивы, коммуникативистика, смех, теория и методология смеха, моделирование смеха

Для цитирования:

Фефелова Г. Г. Гелотоллингвистика: к обоснованию выделения понятия как нового понимания феномена смеха // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 54–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-54-66>

Original research article

GELOTOLINGUISTICS: TO SUBSTANTIATE THE IDENTIFICATION OF THE CONCEPT AS A NEW UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF LAUGHTER

G. Fefelova

Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russian Federation

e-mail: ufa-ugntu@mail.ru

Received by the editorial office 20.01.2025

Accepted for publication 23.01.2025

Abstract

Aim. To consider the phenomenon of laughter in the modern theoretical interpretation in the aspect of the need to identify gelotolinguistics as a new applied branch of linguistics.

Methodology. In the course of the work, a scientometrical approach was used to analyze scientific publications in recent years in the field of gelotology, the science of humor and its influence on various aspects of public life, justifying the distinction of gelotolinguistics, accumulating linguistic research in the field of laughter. In this connection, the scientific problem of substantiating gelotolinguistics, which studies the laughter language aspects in a circle of related paradigms, is put forward.

Results. The growing interest in understanding the phenomenon of laughter is illustrated. The meta-language and nomenclature of the study are described. The communicative nature of laughter and its role in both intra- and intercultural translation are proved. It is emphasized that laughter is a component of consciousness, thinking at all linguistic levels: the language system, speech, text and, moreover, in the core of consciousness and in the lexical core through polystatus gelotives.

Research implications. The hypothesis of categorical unity (semiotics, communication and laughing ethics) underlying gelotolinguistics is put forward, indicating the most significant components that make up gelotolinguistics as a new applied branch of linguistics. Gelotives are distinguished as linguistic means of laughing reaction. The article substantiates the position that fiction and folklore are depositories of gelotives and representatives of gelotolinguistics: gelotic semantics, gelotic target, gelotic object, gelotive, polycode means of gelotivity, gelotic euphemisms, gelotic text structure, categorization of gelotic text, the phenomenon of gelotivity and gelotic competence, etc. Various concepts of laughter are analyzed, and the presence of laughter in human consciousness / thinking / speech activity is emphasized. The main problematic branches of gelotolinguistics, as well as its prospects, are listed.

Keywords: gelotolinguistics, gelotives, communication studies, laughter, theory and methodology of laughter, modeling of laughter

For citation:

Fefelova, G. G. (2025). Gelotolinguistics: to substantiate the identification of the concept as a new understanding of the phenomenon of laughter. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 54–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-54-66>

Введение

Проблема вербализации смеха как ключевой человеческой эмоции относится к межпарадигмальной области знания, которая возникла и развивается на пересечении нейролингвистики и

когнитивной лингвистики, текстологии и лингвопрагматики, фольклористики и этнопсихолингвистики, структурной лингвистики и семасиологии, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Гелотология, наука о смехе и юморе, активно развивается в мировом научном сообществе с 90-х гг. XX в. Однако исследователи выделяют 2015 г. как отправную точку в формировании гелотологии как мультидисциплинарного направления в исследовании комического. Датой рождения гелотологии как науки считается 1 апреля 2015 г., когда в Варне (Болгария) на международной конференции, посвящённой юмору и сатире XXI в., было заявлено о новой отрасли научного знания – гелотологии [1], что позволило буквально через год собрать первый международный форум гелотологов, исследователей юмора и всех аспектов смеха [2]. В сфере психологических аналитических работ относительно юмора набирает рост тенденция к увеличению количества исследований синергетического плана, подтверждая необходимость обоснования отдельной научной дисциплины – «юморологии», как её предложил назвать В. Раскин [3]. При всём разнообразии исследований психоэмоциональной сферы, управляющей смеховой реакцией, само понимание природы юмора с определением значимости последнего в социогенезе остаётся недостаточным.

Проблемы лингвистики юмора и смеха неоднократно становились предметом специализированных конференций, симпозиумов, семинаров, форумов и даже конгрессов (например, [4]), на которых были представлены результаты разносторонних исследований эволюции смеховой культуры в хронотопе на основе объединения методологии разных наук, занимающихся природой смеха и его реализацией [5; 6]. Накопленный научный опыт позволил впоследствии открыть специализированные научные журналы, в которых рассматриваются только вопросы сферы комического. Среди известных изданий, посвящённых гелотологии и гелотоллингвистике, пальма первенства принадлежит “The European Journal of Humor Research” [7].

В связи с этим закономерно говорить, что уже сформировалось отдельное направление лингвистических исследований, посвящённых юмору и смеху, которое определяется нами как гелотоллингвистика.

Вопросы теории и семиотики смеха и юмора, включая концептуализацию, вербализацию и семантизацию, рассматриваются в многочисленных научных исследованиях как в специализированных, так и в смежных областях науки, посвящённых феномену смеха. В настоящее время в исследованиях, посвящённых проблеме юмора, предлагаются различные подходы к пониманию принципов социогенеза (М. М. Бахтин¹, Д. С. Лихачёв², А. Г. Козинцев³ и др.), изучается феноменология предпосылок высших психических функций в эволюции животного мира (М. Л. Бутовская⁴, К. Лоренц⁵ и др.), описываются принципы регуляции (М. В. Бороденко⁶, Л. Чжу⁷ и др.), определяются принципы восприятия (В. Раскин [3], С. Аттардо⁸ и др.), исследуются принципы остроумия

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худлит-ра, 1990. 541 с.

² Лихачёв Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 2001. 508 с.

³ Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 234 с.

⁴ Бутовская М. Л., Фрайберг Л. А. У истоков человеческого общества: Поведенческие аспекты эволюции человека. М.: Наука, 1993. 253 с.

⁵ Лоренц К., Берковиц Л. Почему мы убиваем? Злость, ненависть, агрессия и так называемое «зло». М.: Алгоритм, 2022. 574 с.

⁶ Бороденко М. В. Два лица Януса-смеха. Ростов н/Д.: Цветная печать, 1995. 86 с.

⁷ Zhu L., Yang J., Yuan J. The use of multilevel emotion regulation strategies in the context of critical public events: the more the better? // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. Article: 1403308. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1403308

⁸ Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.

(Т. М. Григоренко¹, А. Н. Лук², З. Фрейд³ и др.), а также изучаются закономерности функционирования психики при психопатологии (П. Бергер⁴, Р. Янг⁵ и др.).

Общим для этих разноплановых исследований является то, что они имплицитно опираются на трактовку юмора как нейропсихолингвистического инструмента регуляции жизнедеятельности, а в некоторых случаях – как средства личностной регуляции (А. Тверски, Д. Канеман⁶, Г. Арора⁷ и др.). В частности, В. П. Шейнов, исследуя функции юмора, выделяет и анализирует следующие его аспекты: юмор как средство коммуникации и взаимодействия, юмор как способ преодоления стресса, юмор как индикатор социально значимых проблем [8]. Однако, несмотря на это, он не пытается найти общую основу для всех этих функций юмора.

Между тем общим для всех проявлений юмора, несмотря на его разнообразие функций, является то, что он открывает новые возможности для развития сознания, личности, межличностных отношений, общества и культуры в целом.

¹ Григоренко Т. М. Лексико-семантические аспекты интерпретации концепта «остроумие» («WIT») в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 26 с.

² Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977. 184 с.

³ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / предисл. Л. М. Шлионского. СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. 317 с.

⁴ Berger P., Bitsch F., Falkenberg I. Humor in Psychiatry: Lessons from Neuroscience, Psychopathology, and Treatment Research // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Article: 681903. DOI: 10.3389/fpsy.2021.681903

⁵ Yang P., Haynes S., Sakata K. Humor's Place in Psychiatry: Navigating the Fine Line Between Humor and Stigma in Psychiatric Care // *Academic Psychiatry*. 2024. <https://doi.org/10.1007/s40596-024-02084-5>

⁶ Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. 1974. Vol. 185. Iss. 4157. P. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124

⁷ Arora G., Feng H. Assessing systematic biases in farmers' local weather change perceptions // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article: 26641. DOI: 10.1038/s41598-024-76327-8

К сожалению, идея о том, что юмор является мощным инструментом развития, не всегда осознаётся в полной мере как в культуре, так и в психологической науке, поскольку многие стремятся описать условия возникновения юмора, но мало кто пытается объяснить его сущность, что возможно, на наш взгляд, только при применении психолингвистических средств.

Объяснение юмора представляет собой сложную задачу, сопряжённую с рядом трудностей, обусловленных многогранностью и междисциплинарным характером этого феномена, разнообразием форм его проявления в психологической реальности, изменчивостью и трансформацией этих форм, а также неоднозначностью его ситуативной роли в регуляции эмоций.

Кроме того, юмор характеризуется конвенциональностью и условностью своего существования, что делает его понимание и объяснение сложным и неоднозначным процессом. В связи с этим «объяснение» юмора остаётся нерешённой проблемой науки, а понимание юмора вытекает из процесса объяснения.

Смех представляет собой практически единственный механизм, посредством которого человек способен преодолеть собственные негативные эмоции разной степени интенсивности, что обусловлено обесцениванием их важности. Полагаем, что это могло бы стать идеальным решением проблемы скрытой агрессии, проявляемой через «чёрный юмор» [9], если бы не внешние культурные условия, в первую очередь социально-экономические и нравственно-этические. Ещё в суждениях Платона об амбивалентности комического и высказываниях Цицерона о необходимости соблюдения меры в насмешке даны предпосылки феноменов хейта, буллинга, газлайтинга, катагелостицизма, гелатофобии, развившихся в современной культуре [10].

В связи с этим смех всегда является неотъемлемой частью человеческого общения, встраиваясь в различные типы

дискурса, что привело к фрагментации научных исследований в области комического и смеха: от психофизиологии и медицины до философии и этнографии. Несмотря на давнюю историографию и лексикографию феномена смеха как такового эта область знания по-прежнему остаётся перспективной для исследования вследствие длительной практики табуирования всего, что было связано со смехом, из-за недопонимания причин его возникновения, власти над человеческим поведением и страхом перед его силой как действенным инструментом тонкой и действенной манипуляции. Новые горизонты открылись при применении нейролингвистических исследований и когнитивной лингвистики, продемонстрировав инновационные сложности для междисциплинарного анализа юмора и смеха. Стоит отметить, что все эти исследования связаны с лингвистическими маркерами юмора и смеха. Соответственно, гелотоллингвистика, на наш взгляд, рассматривает гелотивы, которые объединяют в себе разнообразные маркеры юмора и смеха.

Таким образом, гелотоллингвистика, или лингвистика смеха, представляет собой вполне оформленное и перспективное направление научных исследований юмора и смеха. Данное направление, хотя ранее не получало научной верификации, уже предопределило разработку множества практических приложений в различных областях нашей жизни: смехотерапии, генератора шуток и т. п. Соответственно, разработка первичной лингвистической концепции смеха благодаря усилиям коллективов учёных в нашей стране и за рубежом превратилась в многоаспектную область знания, которая по праву может считаться научной теорией, обозначенной нами как гелотоллингвистика.

Методологические проблемы гелотоллингвистики

В научном осмыслении юмора на сегодняшний день, на наш взгляд, существует несколько проблем:

1) проблема атрибуции понятий юмора и смеха в обыденном и научном осмыслении;

2) проблема разнообразия, лабильности, нечётких границ логического обоснования и недостаточной структурированности исследовательских подходов к анализу смеховой реакции и юмора;

3) проблема определения объёма используемых междисциплинарных понятий при объяснении характеристик юмора и смеха.

Эти вопросы требуют историко-культурологического, этнопсихолингвистического, нейролингвистического, логикотейоретического анализа. Формирование терминологического аппарата гелотологии и гелотоллингвистики представляет собой сложную задачу, обусловленную различиями в определении ключевых понятий. В частности, Д. М. Гайнуллина рассматривает ключевое понятие «смех» с позиций физиологии, социологии и лингвистики, подчёркивая различия в интерпретации термина в этих науках. По её мнению, изучение явления смеха представляет собой «дефектную» и малоизученную область в лингвистике [11].

На сегодняшний день разнообразные исследования феномена юмора показали, что накоплено множество теоретических и эмпирических данных, которые не поддаются строгой классификации в рамках какой-либо одной научной дисциплины, на что указывают результаты таких учёных, как Р. Мартин¹, К. Рнич², И. Томчук-Василевская³.

Этнолингвистика, фольклористика, мифоллингвистика, антропололингви-

¹ Martin R. A. Humor, laughter, and physical health: Methodological issues and research findings // *Psychological Bulletin*. 2001. Vol. 127 (4). P. 504–519. DOI: 10.1037/0033-2909.127.4.504

² Rnic K., Dozois D. J., Martin R. A. Cognitive Distortions, Humor Styles, and Depression // *Europe's Journal of Psychology*. 2016. Vol. 12. Iss. 3. P. 348–362. DOI: 10.5964/ejop.v12i3.1118

³ Tomczuk-Wasilewska J. Przegląd narzędzi do pomiaru poczucia humoru // *Roczniki psychologiczne*. 2010. T. XIII. No. 2. P. 73–100.

стика при изучении юмора и смеховой культуры прежде всего апеллируют к реконструкции ситуаций комического в историко-культурном прошлом человеческой цивилизации, но сама проблема эволюции юмора в истории культуры и вербализации знаков юмора и смеха пока демонстрирует исследовательские вызовы, особенно в психолингвистическом и коммуникативистском аспектах. Исходя из этого, мы полагаем необходимым внести ясность в толкование некоторых ключевых понятий гелотолингвистики, терминологический аппарат которой будет наращиваться в рамках синкретичной научной теории юмора и смеха.

Аналитический скрининг накопленного научного капитала, посвящённого изучению юмора и смеха в языке, позволил выделить основные тематические поля, методологические подходы, а также терминологический аппарат [12; 13]. Всё это легло в основу разрабатываемой нами новой научной дисциплины гелотолингвистики со своим специфическим метаязыком.

В настоящее время в области гелотолингвистики формируется обширная система терминов и понятий, включающая как хорошо проработанные области, так и перспективные исследовательские лакуны. Мониторинг исследований, анализирующих юмор в различных его проявлениях, позволил нам выделить некоторые значимые для развития гелотолингвистики проблемные поля:

– гелотивность как фактор сформированности позитивной идентичности, определяемой через гармоничное развитие эмоционального интеллекта;

– гелотивная функция языка в составе сложного механизма психоэмоциональной регуляции человека и общества как маркер устойчивости индивида, социальной группы, этноса и государства;

– смех как адаптивная функция языка и нейропластичности мозга, что особенно хорошо показано в нейролингвистическом исследовании Л. А. Дикой,

А. Ю. Лаврешиной, И. С. Дикого, А. Хаваледа и К. С. Шегай [13].

Предлагая рассматривать эти сферы, обращаем внимание, что гелотивность как языковая способность и развитая компетентность в понимании экологии юмора и смеха сопрягается с уже заявленными понятиями гелотофобии и гелотофилии, а также катагелостицизма. Так, в 2009 г. в рамках экспериментальной лингвистики и клинической психолингвистики было введено понятие гелотофобии, которое представляет собой разновидность социофобии и обозначает страх человека оказаться в смешном положении [14; 15].

Вместе с тем эмоциональная реакция смеха не подвергалась анализу с точки зрения индивидуальных паттернов респондентов, не учитывались этносоциокультурные, гендерные и возрастные различия, не рассматривалась смеховая ситуация с её условиями и обязательными параметрами, не проводилось ранжирование жанров комического, не дифференцировались провокативы смеха, не кластеризовывались маркеры юмора и смеха. На сегодняшний день в исследованиях не проводится дифференциация между провокативами смеха и гелотивами, смеховыми реакциями. Вместе с тем очевидно, что гелотивы как маркеры смеха могут быть рассмотрены на разных уровнях реализации: от сугубо текстовой до визуальной и т. д.

Кроме того, существует необходимость детального рассмотрения дифференциации внешних элементов воздействия (например, физическая активность, групповые взаимодействия и этноконфессиональные культурные особенности) на интенсивность смеховых реакций, тематику юмора, способы и средства реализации юмористического воздействия. На наш взгляд, гелотофобия тесно связана с хейтом и «чёрным юмором», которые хорошо рассмотрены в научной и научно-популярной литературе по клинической и экспериментальной психоло-

гии, посвящённой общению в Сети [16; 17]. Однако гелотофобия, гелотофилия и катагелостицизм до сих пор являются terra incognita с лингвистической точки зрения, несмотря на психологические разработки, опросники и аналитические исследования.

Как известно, вербальный план выражения юмора и смеха способен передать также невербальный и паравербальный планы комического, что особенно важно для гелотолингвистики. Физиологический смех, который не требует адресата, может быть объектом изучения нейробиологов и нейролингвистов, психофизиологов и психологов, когнитологов и психолингвистов. В то же время духовный смех, рассматривающий смех в фольклоре, художественной литературе и различных видах искусства, представляет собой область, систематизированную и включающую в себя:

1. Гелотообъект – непосредственная тема смеха, юмористическая / гелотивная мишень.

2. Гелотопродуцент – тот, кто создаёт юмор, инициируя смех.

3. Гелотореципиент – целевая аудитория юмористического дискурса.

4. Гелотивные отношения – отношения, возникающие вследствие реализации юмористического дискурса между гелотопродуцентом и гелотореципиентом.

5. Формы и способы гелотивности, переносящие комическое из реальности в сознание субъекта (например, различные юмористические жанры, выводящие на передний план проблему осознания смешного и его границ).

Гелотивность использует образные коды этнической и социальной той или иной культуры, включая специфику репрезентации метафоры. Образы, переходя из натурального модуса бытия в языковой модус, меняют субстанцию плана выражения. Таким образом, невербальный знак социального символизма заменяется его вербальным эквивален-

том. Каждый носитель лингвокультуры в процессе онтогенеза усваивает гелотивность вместе с родным языком. Гелотивность широко используется в фольклоре (например, *анекдотах, шуточных песнях, скоморошинах* и т. д.), поэзии (*эпиграммах, баснях, пародиях* и т. д.), прозаическом художественном творчестве (*юморесках, комедиях, стендапах, скетчах* и т. д.). Современное электронно-цифровое общество трансформировало способы подачи комического, благодаря чему появились новые жанры (мем-сериал, демотиваторы, щитпостинг, скетч-шоу и т. д.). Кроме того, традиционные жанры юмористического дискурса, как анекдот, басня, юмореска, стали воплощаться в шоурилах Rutube и клипах TikTok, используя поликодовые средства воздействия. Цифровые инструменты также используются для генерации шуток и юмора, находя своих почитателей.

В своей динамической сущности культура представляет собой совокупность образцов предметно-практической и интеллектуально-духовной деятельности, формирующихся в процессе исторического развития этноса. Эти образцы, определяющие поведение людей, могут быть рассмотрены как системы правил, не имеющие биологической наследственной природы, а передающиеся через обучение и подражание стереотипам «что есть смешное» из поколения в поколение в каждой этнической группе и/или социальной когорте.

Проводя аналогию с биологической наследственностью, можно говорить о культурном наследии юмора, в рамках которого отдельные программы поведения могут рассматриваться как «культурные гены смеховой культуры», благодаря которым моделируется гелотивность. При этом гелотивность включает вербальный, невербальный, паравербальный аспекты.

Семантическое содержание маркеров юмористического дискурса определяется нами как гелотивная семантика. При

этом в рамках исследования гелотивной семантики анализируются различные аспекты, связанные с выражением юмора и комического в языке, где особое внимание уделяется семантике юмора [18].

Кроме того, сама по себе гелотивная семантика включает в себя юмористически обусловленный смысл, дихотомичность используемых эмотикем в моделировании юмора, оксюморонную аффективность лексики, гелотивно-эмотивную вариативность ассоциаций, категоризацию гелотивных эмоций (радость, смех, счастье, сарказм, ирония и т. д.) в структуре гелотива на разных уровнях (начиная с уровня слова, фразы и заканчивая уровнем текста и дискурса). В какой-то степени гелотивная семантика в юмористическом дискурсе связана не только со смехом и радостью, но прежде всего с эмоцией удивления, которая содержит позитивную эмотикему лингвокультурного шока, что способствует разрешению внутренних и/или внешних эмоциональных конфликтов [19].

Вместе с тем для юмористического дискурса характерно гелотивное ожидание как предвосхищение позитивной психоэмоциональной разрядки. Гелотивное ожидание формируется за счёт сетапа, так называемой серьёзной части юмористического произведения, и панчлайна – резкой кульминации в структуре юмора, благодаря чему происходит формирование другого взгляда на ситуацию с использованием юмористических средств воздействия формирования гелотивности.

Гелотивная манипуляция, исходящая от гелотопродуцента, ожидаема, но она обладает нечёткостью логики, в связи с чем гелотореципиент предвкушает ситуацию распознавания гелотообъекта и средств гелотации. При этом смех возникает как естественная реакция одобрения на распознавание гелотивной манипуляции как способа моделирования гелотивных настроений.

Постулируемая в современном обществе формализация гелотивных эмоций позволяет контролировать и выражать смех (например, включение в юмористических ситкоммах, скетчах, юмористических шоу записи смеха или аплодисментов после произнесения шутки). В итоге гелотивы выступают регуляторами социального смеха, маркируя границы смеха, его интенсивность в соответствии с этнопсихолингвистическими нормами, характерными для любого этноса.

Кроме того, гелотивы входят в структуру эмоционального интеллекта, определяя особенности эмоционального сознания, при этом отбор поликодовых средств гелотации сопряжён с механизмом социально наследуемой памяти, играя доминирующую роль в обработке и выражении гелотивных эмоций и формируя позитивный взгляд на мир.

Гелотообъект тесно связан с обозначением гелотивной мишени в юмористическом дискурсе, в связи с чем особую актуальность получает развитие гелотивной номинации. Гелотивная номинация, включая юмористические креатемы (типа: *самокатчики, понаехи, укропы* и т. п.), гелотивные эвфемизмы (типа: *женщина с пониженной социальной ответственностью, иноземные специалисты*), является способом выражения гелотивных эмоций, сопровождающихся смехом. При этом поликодовые средства гелотации маркируют слово, текст и дискурс в пространстве комического, акцентируя гелотивные аспекты в их содержании, сохраняя баланс отрицательных и положительных эмоций в коммуникации.

В связи с этим открываются новые горизонты в понимании юмора. Так, ситуация постмодерна и метамодерна представила юмор как соревновательную характеристику эмоционального интеллекта. В связи с чем произошла акцентуация таких черт языковой личности, как язвительность, презрение, надменность, эмоциональная интактность [20], что

также вызвало преобразования в сфере юмора.

Гелотивная коммуникация не только позволяет выразить и передать переживаемое эмоциональное состояние, сопровождаемое смехом, но и способствует формированию гелотивной компетенции. Гелотивная компетенция является важной составляющей в структуре эмоциональной языковой и коммуникативной личности, гелотивная грамотность и гелотивная манипуляция представляют собой аспекты, связанные с пониманием допустимых границ в обществе, что максимально проявляется в стендапе и скетч-шоу.

Моделирование смеха в коммуникации воздействует на дофаминовые центры мозга с использованием нейролингвистического механизма, управляя гелотивным настроением реципиента. Отсюда возникают поликодовость и полимодальность гелотивов, которые могут плохо осознаваться реципиентами, вызывая соответствующие страхи (страх быть осмеянным). Следовательно, гелотофобия возникает как ответная психоэмоциональная реакция на «прозрачность» и отсутствие личных границ в условиях ускоренной коммуникации и влияния технологий искусственного интеллекта.

Психологи отмечают распространение гелотофобии (боязни насмешек и осмеяния), которая имеет этнолингвокультурологическую дистанцию, поскольку данный феномен более распространён в Германии по сравнению с Россией, но реже встречается в Китае по сравнению с Россией [19].

В рамках концепции гелотофобии, предложенной М. Титцем в 2009 г. [20], были также выделены два новых феномена: гелотофилия – предрасположенность становиться объектом смеха, и катагелостицизм – склонность к осмеянию окружающих [13]. По-видимому, Д. Хармс был катагелостиком, в котором уживались две тенденции: стремление к катагелостицизму и гелотофобия. Неслучайно

исследователи его творчества и сатирического стиля¹ отмечают, что Д. Хармс был писателем шизоидного типа с аутичным спектром личности.

В современном обществе наблюдается тенденция к усилению катагелостицизма, который проявляется в стремлении индивида к постоянному шутовству, клоунаде и насмешкам как основным стратегиям коммуникативного поведения в эпоху постмодерна. Особенно ярко данный процесс представлен в культуре стендапа, что хорошо показано в исследовании П. И. Гальцова и И. Ю. Мигдаль [21].

Исследователи приходят к выводу о наличии тесной взаимосвязи между буллингом в реальной жизни и кибербуллингом, основанным на юморе, в Сети, что актуализирует формирование гелотофобных черт личности.

В эпоху постмодерна специфика коммуникации обусловила стремление гелотофилов к созданию или поиску ситуаций, способных спровоцировать смех у окружающих. Гелотивная компетентность таких людей является высокой, потому что юмор может выступать и как инструмент привлечения внимания, и как инструмент унижения. Однако и в том и в другом случае служит средством получения позитивных эмоций для гелотофила.

В исследовании заявленной проблемы особую значимость приобретает тот факт, что различные научные дисциплины, анализируя феномены смеха, комического и юмора, применяют категориальный аппарат, характерный для их области знания, не учитывая достижения других наук. Это особенно характерно для аналитических исследований в области естественных и точных наук, в том числе и для лингвистики. В этой связи стоит отме-

¹ Ширяева О. В. Повтор как показатель идиостиля Д. Хармса: когнитивно-прагматический анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5 (42). С. 119–125; Рог Е. Ю. Даниил Хармс: традиции шутовства и юродства // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы VII международной научно-методической конференции. Уссурийск: УГПИ, 2005. С. 279–282.

тить, что в рамках медицинского направления в гелотологии отдельно выделяется смехотерапия и/или юморотерапия. В Республике Татарстан был предложен инновационный проект¹, направленный на поддержку здоровья пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями. Проект предполагает использование смехотерапии в качестве инструмента реабилитации и социальной адаптации. Авторы проекта приводят информацию о центрах смеха в зарубежных странах, не предоставляя достоверных данных, подтверждающих эффективность подобных центров. Это свидетельствует о необходимости формирования гелотивных компетенций у реабилитологов, социальных работников, потому что недостаточное понимание поликодовых средств гелотации и неправильное использование гелотивной манипуляции приводят к противоположному результату, когда смех становится не лечебным и позитивным, а злым, усугубляющим негативное психосоматическое состояние человека. Специалисты также предлагают ввести йогу смеха и медицинскую клоунаду в качестве методов реабилитации. Однако они не предоставляют никаких ссылок на научные исследования или рекомендации по проведению этих процедур. К сожалению, предложенные техники смехотерапии описаны поверхностно и не содержат рекомендаций по созданию юмористических текстов. Например, предлагается неоднозначное упражнение: «Проделайте простое упражнение – встаньте, вздохните и... рассмейтесь! Получилось? Мы столь серьёзны, что нам трудно искренне рассмеяться. Услышав весёлую шутку, мы лишь улыбнёмся. Но именно смех, а не улыбка, приносит наибольшую пользу. Потренируйтесь, и вы научитесь смеяться в любой момент» [3].

¹ Раимова Л. А., Федорова Н. А. Смехотерапия как способ оздоровления и метод социокультурной реабилитации граждан пожилого возраста и инвалидов: методическое пособие для специалистов отрасли. Казань: Веда, 2015. 53 с.

Однако стоит отметить, что такой подход к упражнению отрицательно оценивается носителями традиционной русской культуры, воспринимаясь как насмешка над больными и пожилыми людьми, ведь согласно народной мудрости «смех без причины – признак дурачины», «ангел скорбит, а дьявол смеётся» и т. д.

Гелотивный след и опыт смеховой культуры в этнической истории и цивилизационной парадигме достаточно хорошо рассмотрен в аналитической литературе. Термин «юмор» изначально возник в контексте гуморальной теории Гиппократова, которая рассматривала человеческое тело как состоящее из четырёх жидкостей. Впоследствии, как указывает Л. О. Рокотьянская, в результате многочисленных интерпретаций и переосмыслений юмор обрёл то значение, которое мы используем в современном языке [22]. Юмор представляет собой результат эволюции в культурогенезе, начавшейся с генетически первичной эмоции, которая, согласно К. Лоренцу, выполняла агрессивную и/или сексуальную ритуальную функцию во взаимодействии животных [4]. В процессе развития эта эмоция превращается в сложную структуру сознания, формируя «эмоциональную ткань» по Л. Я. Дорфману [23]. В ходе этого процесса юмор становится всё более позитивным, что позволяет К. Изарду рассматривать смех и радость как взаимосвязанные явления [24]. Анализ литературы по гелотологии, доказывающей приоритетное влияние смеха на оптимистическое восприятие мира человеком, вместе с тем выявил необоснованность этого тезиса, потому что впоследствии было указано на недостаточную степень чистоты экспериментов [25]. Гелотивная толерантность и нетолерантность характеризуют качество как индивидуально-го, так и коллективного эмоционального интеллекта в понимании границ смеха, юмора и комического. Так, в современном обществе наблюдается тенденция к активному использованию провокацион-

ных методов в сфере онлайн-коммуникации. В частности, многие видеоблогеры прибегают к публичному осмеянию случайных участников своих стримов, что вызывает у зрителей подспудные страхи и формирует у них убеждение в собственной комичности, несурзности.

Гелотивы, составляющие гелотивную лексику (аффективы, коннотативы, провокативы), фразеологию, синтаксис и гелотивную ситуацию или контекст, опираются на категоризацию параметров комического в тексте или общении. Сам текстовый аспект гелотилингики исследует особенности выражения смеха и юмора в тексте, причём текстообразующий потенциал гелотивов позволяет создать текст, который передаёт юмористическое содержание.

Заключение

Гелотилингика опирается на лингвистическую теорию эмоций, определяя ряд ключевых терминов, которые позволяют описать и проанализировать смеховые и юмористические аспекты языка и коммуникации, отражая гелотивные ре-

сурсы Homo Sentiens и Homo Ridens как воплощение гелотивных компетенций, регулирующих социально допустимые границы смешного. Формирование терминологического аппарата гелотилингики связано с синкретизмом самой природы смеха. Рассмотренный перечень далеко не исчерпывает всего многообразия терминов, используемых в метаязыке гелотологии и гелотилингики. Он даёт представление о широте и глубине изучения феномена «смех в языке и в коммуникации» на современном уровне научного знания.

Вербализованный смех провоцирует запуск новых нейрокогнитивных связей, обусловленных пост-интерпретацией эмоциональных ситуаций (стендап, скетч-шоу, шоурил, мем-сериал и т. д.). Гелотивность сопряжена с явно или неявно, прямо или косвенно маркированными гелотивными эмоциями. Однако даже нулевая эмотика гелотивности может как обладать коммуникативным потенциалом юмора, так и маркировать недостаточную степень гелотивной компетенции коммуникативных партнёров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юмор и сатира в координатах XXI века: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции (Варна, Болгария, 1 апреля 2015 г.) / ред.: М. Н. Капрусова, Р. Е. Тельпов. Варна: Парадигма, 2015. 114 с.
2. Гневзк О. В. О понятийном аппарате гелотологии // Съвременна гелотология: сборник от научни статии по материали от Международна научно-практическа конференция (Варна, 4 ноември 2016 г.) / редактори-съставители М. В. Мусийчук, М. Б. Ворошилова. Варна: Парадигма, 2016. С. 46–67.
3. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.
4. От великого до смешного... Инструментализация смеха в российской истории XX века: сборник статей / редкол.: И. В. Нарский, О. С. Нагорная, О. Ю. Никонова и др. Челябинск: Каменный пояс, 2013. 294 с.
5. Петренко С. А., Петренко А. Ф. Юмористический дискурс (когниолингвистические и художественные аспекты). Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. 161 с.
6. Искусство XX века: парадоксы смеховой культуры: сборник статей / сост., ред.: Б. Гецелев, Т. Сиднева. Нижний Новгород: Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки, 2001. 354 с.
7. *The European Journal of Humor Research*. 2021. Vol. 9. No. 1. Special issue. *Humour in the Media* (ed. by L. R. Duskaeva). 199 p.
8. Шейнов В. П. Юмор как способ влияния. М.: Питер, 2016. 239 с.
9. Карабулатова И. С., Чжан Л. Вербальная дискриминация в медиапространстве как отражение осмысления речеповеденческой агрессии: различия в трактовках Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 18–39. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39.

10. Панченко Н. Н. Колкость в современной российской коммуникации: функциональный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 9 (162). С. 92–96.
11. Гайнуллина Л. В. Смех как физиологическая, социальная и лингвистическая составляющая нашей жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 35 (326). С. 34–39.
12. Фефелова Г. Г. Концептосфера русской юмористической картины мира. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2022. 196 с.
13. ЭЭГ-корреляты юмора и инсайта / Л. А. Дикая, А. Ю. Лаврешина, И. С. Дикий, А. Хавалед, К. С. Шегай // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 3. С. 133–152. DOI: 10.21702/rpj.2017.3.7.
14. Ruch W., Proyer R. T. Extending the study of gelotophobia: On gelotophiles and katagelasticians // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 22. Iss. 1-2. P. 183–212. DOI: 10.1515/HUMR.2009.009.
15. Ахренова Н. А., Лунькова Л. Н., Чернякова Ю. С. Искусство анализа текста. М.: Флинта, 2024. 81 с.
16. Ронсон Д. Итак, вас публично опозорили: как незнакомцы из социальных сетей превращаются в палачей / пер. с англ. Н. Ивкиной. М.: Бомбора, Эксмо, 2021. 316 с.
17. Беликов В. Г. От иронии и юмора до гротеска и сатиры. Смеховой мир в гравюре XV–XIX веков // Книжный знак: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Международный союз общественных объединений книголюбов, 2006. С. 158–163.
18. Эмотикема УДИВЛЕНИЕ в новостном дискурсе России, Казахстана, Армении и Китая (Emoticeme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China) / И. С. Карабулатова, К. С. Анумян, С. Г. Коровина, Г. А. Кривенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 818–840. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840.
19. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии / Е. А. Стефаненко, Е. М. Иванова, С. Н. Ениколопов, Р. Проер, В. Рух // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 94–108.
20. Titze M. Gelotophobia: The fear of being laughed at // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 22. Iss. 1–2. P. 27–48. DOI: 10.1515/HUMR.2009.002.
21. Гальцов П. И., Мигдаль И. Ю. Стендап как нарратив личного опыта // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 25–32. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-25-32.
22. Рокотьянская Л. О. Юмор: сущность, виды, функции в обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2019. 26 с.
23. Дорфман Л. Я., Калугин А. Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Институт психологии, 2021. 277 с.
24. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. А. Татлыбаева. СПб.: Питер, 1999. 460 с.
25. Berger A. A., Gonot-Schoupsinsky F. Humour and mental health: a case study of Arthur Asa Berger // Mental Health and Social Inclusion. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 37–50. DOI: 10.1108/MHSI-08-2022-0051.

REFERENCES

1. Kapruzova, M. N. & Telpov, R. E., eds. (2015). *Humor and satire in the coordinates of the 21st century: a collection of scientific articles based on the materials of the 1st International Scientific and Practical Conference (Varna, Bulgaria, April 1, 2015)*. Varna: Paradigma publ. (in Russ.).
2. Gnevek, O. V. (2016). About the conceptual apparatus of gelotology. In: *Contemporary gelotology: a collection of scientific articles on materials from the international scientific and practical conference (Varna, 04 November 2016)*. Varna: Paradigma Publ., pp. 46–67 (in Russ.).
3. Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht, Boston, Lancaster: D. Reidel Publishing Company.
4. Narsky, I. V., Nagornaya, O. S., Nikonova, O. Yu. et al., eds. (2013). *From the sublime to the ridiculous... Instrumentalization of laughter in Russian history of the 20th century*. Chelyabinsk: Kamennyuy poyas publ. (in Russ.).
5. Petrenko, S. A. & Petrenko, A. F. (2022). *Humorous discourse (cognitolinguistic and artistic aspects)*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University publ. (in Russ.).

6. Getselev, B., Sidneva, T., comps. and eds. (2001). *20 th Century Art: Paradoxes of Risorial Culture*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Conservatory named after M. I. Glinka Publ. (in Russ.).
7. Duskaeva, L. R., ed. (2021). *The European Journal of Humor Research*. 9 (1): *Special issue. Humour in the Media*.
8. Sheinov, V. P. (2016). *Humor as a way of influence*. Moscow: Peter publ. (in Russ.).
9. Karabulatova, I. S. & Zhang, L. (2024). Verbal discrimination in the media space as a reflection of understanding of speech and behavioral aggression: differences in interpretations of East and West. In: *Keys of Contemporary Linguistics*, 2, 18–39. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39 (in Russ.).
10. Panchenko, N. N. (2021). Taunt in the modern Russian communication: functional aspect. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (162), 92–96 (in Russ.).
11. Gaynullina, L. V. (2013). Laughter as a physiological, social and linguistic phenomenon of our life. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 35 (326), 34–39 (in Russ.).
12. Fefelova, G. G. (2022). *Conceptual sphere of the Russian humorous picture of the world*. Ufa: Ufa State Petroleum Technical University publ. (in Russ.).
13. Dikaya, L. A., Lavreshina, A. Yu., Dikiy, I. S., Khawaled, A. & Shegai, K. S. (2017). EEG correlates of humor and insight. In: *Russian Psychological Journal*, 14 (3), 133–152. DOI: 10.21702/rpj.2017.3.7 (in Russ.).
14. Ruch, W. & Proyer, R. T. (2009). Extending the study of gelotophobia: On gelotophiles and katagelotophobes. In: *Humor: International Journal of Humor Research*, 22 (1-2), 183–212. DOI: 10.1515/HUMR.2009.009.
15. Akhrenova, N. A., Lunkova, L. N. & Chernyakova, Yu. S. (2024). *The Art of Text Analysis*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
16. Ronson, J. (2021). *So You've Been Publicly Shamed*. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
17. Belikov, V. G. (2006). From irony and humor to grotesque and satire. The world of laughter in engravings of the 15th–19th centuries. In: *"Bookmark: history and modernity": proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Moscow: International Union of Public Associations of Book Lovers publ., pp. 158–163 (in Russ.).
18. Karabulatova, I. S., Anumyan, K. S., Korovina, S. G. & Krivenko, G. A. (2023). Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 818–840. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840.
19. Stefanenko, E. A., Ivanova, E. M., Enikolopov, S. N., Proyer, R. & Ruch W. (2011). The fear of being laughed at diagnostics: Russian adaptation of gelotophobia questionnaire. In: *Psychological Journal*, 32 (2), 94–108 (in Russ.).
20. Titze, M. (2009). Gelotophobia: The fear of being laughed at. In: *Humor: International Journal of Humor Research*, 22 (1–2), 27–48. DOI: 10.1515/HUMR.2009.002.
21. Gal'tsov P. I. & Migdal I. Yu. (2024). Standup as a narrative of personal experience. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 25–32. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-25-32 (in Russ.).
22. Rokotyanskaya, L. O. (2019). *Humor: essence, types, functions in society* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
23. Dorfman, L. Ya. & Kalugin, A. Yu. (2021). *Individual-intellectual integrations of man*. Moscow: Institute of Psychology publ. (in Russ.).
24. Izard, C. E. (1999). *The Psychology of Emotions*. St. Petersburg: Peter publ. (in Russ.).
25. Bergerm, A. A. & Gonot-Schoupinsky, F. (2023). Humour and mental health: a case study of Arthur Asa Berger. In: *Mental Health and Social Inclusion*, 27 (1), 37–50. DOI: 10.1108/MHSI-08-2022-0051.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фефелова Галина Геннадьевна (г. Уфа) – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета; <https://orcid.org/0000-0002-5542-4826>; e-mail: ufa-ugntu@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Galina G. Fefelova (Ufa) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Russian Language and Literature, Ufa State Petroleum Technical University; <https://orcid.org/0000-0002-5542-4826>; e-mail: ufa-ugntu@mail.ru

Научная статья
УДК 81-115
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-67-78

ПАРЕМИИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Храм М. Ш.

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: 1042225116@rudn.ru*

Поступила в редакцию 12.12.2024

После доработки 26.12.2024

Принята к публикации 27.12.2024

Аннотация

Цель. С помощью изучения концептуального ядра определённого языка по паремическим единицам проанализировать и изучить стереотипы мышления определённого народа, а также сравнить паремические единицы различных народов для выявления возможных сходств и различий стереотипов их мышления.

Процедура и методы. Для достижения данной цели необходимо: проанализировать исследования, посвящённые понятиям «межкультурная коммуникация», «паремическая единица» и «паремическая картина мира»; изучить особенности паремической картины мира носителей арабского, английского и русского языков на основе отобранных пословиц, характеризующих социальные отношения; выявить сходства и различия паремической картины мира носителей арабского, английского и русского языков. Прежде всего был проведён анализ теоретической и методической литературы. Паремические единицы были отобраны методом контролируемого отбора в соответствии с указанными тематическими группами, затем был проведён сравнительно-сопоставительный анализ эквивалентных паремических выражений трёх языков, который стал ключевым методом. Затем на основе лингвокультурологического анализа лексики отобранных паремий были выявлены особенности паремической картины мира носителей арабского, английского и русского языков.

Результаты. Доказана необходимость изучения паремических единиц иностранных языков во избежание коммуникативных трудностей в процессе осуществления межкультурной коммуникации. Обоснована актуальность сравнения паремической картины мира носителей разных языков в целом и отдельных паремических выражений в частности.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности использовать полученные результаты для совершенствования процесса межкультурной коммуникации и в перспективе их применения в переводоведении для корректного перевода паремических единиц на разные языки.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, паремии, эквивалентность языковых единиц, выразительные образы, паремическая картина мира

Для цитирования:

Храм М. Ш. Паремии, характеризующие социальные отношения в межкультурной коммуникации носителей русского, английского и арабского языков // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 67–78. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-67-78>

Original research article

PAROEMIAS CHARACTERIZING SOCIAL RELATIONS IN THE INTERCULTURAL COMMUNICATION OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN, ENGLISH, AND ARABIC

M. Sh. Khram

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow Russian Federation

e-mail: 1042225116@rudn.ru

Received by the editorial office 12.12.2024

Revised by the author 26.12.2024

Accepted for publication 27.12.2024

Abstract

Aim. To analyze and study the stereotypes of thinking of a certain people, by studying the conceptual core of a certain language according to its paremic units, and also to compare the paremic units of different cultures to identify possible similarities and differences in their thinking stereotypes.

Methodology. To achieve the goal, it is necessary to analyze the research on the concepts of intercultural communication, the paremic unit and the paremic worldview; to study the features of the paremic worldview of Arabic, English and Russian speakers based on selected proverbs characterizing social relations; to identify the similarities and differences between the paremic worldview of Arabic, English and Russian speakers. First of all, the analysis of theoretical and methodological literature was carried out. The paremic units were selected by controlled selection in accordance with the indicated thematic groups, then a comparative analysis of equivalent paremic expressions of the three languages was carried out, which became the key method. Then, based on the linguistic and cultural analysis of the vocabulary of the selected paroemias, the peculiarities of the paremic worldview of speakers of Arabic, English and Russian languages were revealed.

Results. The necessity of studying the paremic units of foreign languages in order to avoid communicative difficulties in the process of intercultural communication is proved. The relevance of comparing the paremic worldview of speakers of different languages in general and individual paremic expressions in particular is substantiated.

Research implications. The study reveals a possibility to use the results obtained to improve the process of intercultural communication, and in addition, they can be used in translation studies for the correct translation of paremic units into different languages.

Keywords: intercultural communication, paroemias, equivalence of linguistic units, expressive images, paremic worldview

For citation:

Khram, M. Sh. (2025). Paroemias characterizing social relations in the intercultural communication of native speakers of Russian, English, and Arabic. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 67–78. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-67-78>

Введение

Стили и модели поведения являются культурно специфичными для групп людей, именно поэтому они варьируются от страны к стране и от культуры к культу-

ре [1, с. 98]. Поскольку в определённой культуре большинство людей придерживается выработанного стиля поведения, он становится образцом и удовлетворяет потребности данной группы людей.

Культурные аспекты влияют на поведение людей, поэтому они могут воспринимать один и тот же объект или одну и ту же ситуацию по-разному, соответственно и отражение объектов и ситуаций в языках также может значительно различаться в разных культурах.

Одним из способов выражения ценностей и норм определённой группы людей является словесное их выражение, именно поэтому паремиологические выражения передают культурные особенности народа, отражают его ценности и принятые нормы поведения.

Паремиологические единицы являются неотъемлемой частью общения между людьми, поскольку они «помогают передать специфическую культурную информацию, обозначить типичные мысленные или жизненные ситуации, а также передать отношения между определёнными объектами» [2, с. 180]. А в межкультурном общении паремии играют особую роль в связи с тем, что они передают типовые ситуации, в том или ином виде знакомые каждому народу, и обладают сходным логическим содержанием, различаются в культурах различных народов лишь образы, детали и культурные реалии, используемые в языке для описания нужных типовых ситуаций и передачи логического содержания.

Именно в этих единицах языка находит своё воплощение культурно-национальное мировоззрение, поскольку в основе их семантической составляющей лежит процесс исторического развития культуры, фиксируются определённые установки и эталоны. Культурная стереотипичность паремиологических единиц позволяет считать их языком обыденной культуры, сформировавшимся в течение всего времени существования определённой культурной общности.

Паремии в межкультурной коммуникации

При сопоставительном изучении паремиологических выражений разных

языков становится очевидным, что значительный пласт данных языковых единиц отражает национальную специфику культуры изучаемого языка. Однако правомерно говорить и о наличии некоторой схожести культурных ценностей, близости мироощущения представителей разных культур, поскольку некоторые темы паремиологических выражений разных лингвокультурных общностей могут быть достаточно близки, а в самих языковых единицах может отмечаться содержательное и образно-выразительное сходство.

Интерес исследователей к межкультурной коммуникации обусловлен ещё и тем, что, как утверждает С. Г. Тер-Минасова в своей работе «Язык и межкультурная коммуникация», «вся глубина межкультурного общения раскрывается при сравнении иностранного языка с родным и чужой культуры с родной» [3, с. 67]. Как уже было сказано ранее, язык и культура тесно взаимосвязаны друг с другом, поэтому при исследовании вопроса общения представителей разных народов важно уделять внимание обоим аспектам.

В современном мире неотъемлемой частью изучения языка является знакомство с культурой страны изучаемого языка и менталитетом её народа. Как отмечает Е. В. Кухарева в своём исследовании «Лингвокультурная специфика арабских пословиц, поговорок и фразеологических оборотов сквозь призму лексического значения», в связи с тем, что этнические картины мира носителей разных языковых культур чаще всего различаются, «эффективная коммуникация носителей разных языков предполагает не только знание иностранного языка, но и определённые фоновые знания, включающие в себя знакомство с историей, художественной литературой, мифологией и разнообразными другими культурными особенностями страны изучаемого языка» [4, с. 184]. В паремиологических единицах необходимые фоновые знания

обычно выражены имплицитно в лексических компонентах, входящих в состав данного языкового выражения.

Изучение паремиологических выражений иностранного языка помогает понять национальный характер и особенности менталитета носителей другой лингвокультуры. Как отмечает исследователь в области языкознания Ч. Э. Касимова в работе «Паремия как объект лингвокультурологического исследования на примерах русского и арабского языков», благодаря изучению фонда паремиологических выражений «удаётся достичь понимания психологических особенностей народа, принадлежащего к другой культуре, познакомиться с образом жизни носителей иностранного языка, их картиной мира, осознать логику мироощущения представителей другой культуры» [5].

Данные языковые единицы достаточно активно используются в повседневной речи и не теряют актуальности в связи с тем, что они представляют собой краткие и ёмкие выражения, а эта их отличительная особенность, в свою очередь, отвечает требованиям закона экономии языковых средств в процессе коммуникативного взаимодействия.

Более того, за счёт идеи, содержащейся в паремиологической единице, последняя может стать так называемым «прагматическим орудием» [6, с. 165]. Пословицы и поговорки могут быть употреблены в процессе дискуссии в качестве довода к приведённому аргументу, могут использоваться для выражения несогласия с собеседником и употребляться в качестве вывода.

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью культурного наследия, отражением мировоззрения создавшего их народа [7, с. 295]. Когда мы изучаем историю и культуру страны изучаемого иностранного языка, знакомимся с принятыми традициями и обычаями, начинаем сравнивать и сопоставлять культурные реалии другой страны и

родной страны, происходит формирование уважения к культурным ценностям других стран, а также появляется чувство любви и гордости за Родину.

Многие темы, затрагиваемые паремиологическими единицами, имеют интернациональный характер и вырабатываются разными народами на протяжении всего исторического развития, видоизменяются лишь вещественный смысл отдельных образных компонентов пословиц и грамматическая оформленность [8, с. 51].

Однако стоит отметить, что в значительном количестве паремиологических единиц в простом словесном выражении заключены практический жизненный опыт определённого народа, его мировоззрение, отношение к окружающему миру, выражены ценностные ориентации и понимание своего места на земле. Благодаря данным отличительным особенностям паремий особый интерес представляет изучение пословиц разных народов в сравнительном аспекте.

Паремическая картина мира носителей арабского, английского и русского языков

Как известно, паремические единицы отражают мировоззрение нации, говорящей на определённом языке, выражают особенности мироощущения данного народа. Как отмечает исследователь Алкади Мансур Салех Абду, основные категории языковой картины мира присущи каждой нации, однако «изобразительно-выразительные единицы для выражения этих категорий могут использоваться различные, поскольку носители каждого языка могут воспринимать их по-разному и использовать различное лексическое наполнение паремических единиц, соответствующее принятым в их культуре стереотипам» [9, с. 29]. Различия в лексическом наполнении паремических единиц, а в частности различия между используемыми для сравнения и сопоставления объектами, используемыми

для выражения одинаковых концептов, являются отражением особенностей национального восприятия, поскольку при описании в данных выражениях окружающей действительности и полученного жизненного опыта каждая нация ориентируется на реципиента своей культуры, в связи с чем использует близкие ему понятия и образы.

Национально-культурное своеобразие единиц каждого языка может проявляться также в наличии паремических выражений, не имеющих аналогов или эквивалентов в других языках и, соответственно, других культурах, что отражается в несоответствии образов, отображающих описываемые концепты.

В качестве примера можем рассмотреть арабские паремиологические единицы, связанные с понятием «верблюд». Для представителей арабской культуры в древности данное животное играло огромную роль, поскольку являлось важным подспорьем для кочевников, помогая перемещаться по пустынным территориям. В связи с этим значительный пласт паремиологических выражений, обладающих компонентом-зоонимом, составляют единицы, содержащие упоминание данного животного [10, с. 334].

Некоторые паремиологические единицы, упоминающие верблюда, могут быть интуитивно понятны носителям других языков и не будут вызывать трудностей в процессе коммуникации.

Так, например, выражение, отражающее понятие «бедность», в арабском языке звучит следующим образом: "دقيقة ولا حليقة" (досл. «Нет у него ни овцы, ни верблюдицы»). Аналогом данной пословицы в русском языке может служить выражение «Ни кола, ни двора». В английском языке соответствующее паремиологическое выражение звучит как "Neither house nor home".

Для англо- и русскоговорящих собеседников верблюд представляется неуклюжим, достаточно уродливым животным, однако для представителей

арабской культуры является красивым животным, которому присуща некоторая эlegantность. Например, чаще всего верблюда именуют "جمال" (семантический компонент красоты), а верблюдицу – "ناقة" (семантический компонент эlegantности и изысканности).

Примером пословицы, которая может вызвать недопонимание в процессе межкультурной коммуникации, может служить следующая: "لا ناقة لي فيها ولا جمال" (досл. «В этом нет для меня ни верблюда, ни верблюдицы»). Данное паремиологическое выражение передаёт идею о том, что у человека нет никакого интереса в определённом деле, поскольку оно его не касается. Если не интересоваться арабской культурой и не знать, какое важное значение имеет для арабского народа верблюд, данная пословица будет трудна для интерпретации носителями иной языковой культуры.

Как уже было отмечено ранее, в паремических единицах находят своё отражение закрепившиеся со временем представления и знания определённого народа об окружающей действительности, которые передаются с помощью используемых в данных выражениях концептов. Лексические способы выражения данных концептов, в свою очередь, составляют паремическую картину мира определённой нации, являющейся носителем данного языка [11, с. 199]. Такие лексические репрезентанты смыслов, заложенных в паремических единицах, формируют концептуальное ядро языка определённой нации, благодаря чему сформулированные с течением времени принципы и правила поведения, способы решения различных жизненных ситуаций, принятые в данном социуме, передаются из поколения в поколение и применяются носителями данной культуры на практике [12, с. 7].

В арабском языке среди исследователей нет единства относительно лексического значения термина "المثل/مثل", используемого для толкования понятий

«паремия» или «пословица». Так, к примеру, исследователь Рагиб Ис-фахани определяет коннотацию данного термина как некое «подобие в сущности, количестве и силе воздействия» [13, с. 762]. Ученый Ибн Мандур определяет толкование данного слова как «схожесть или идентичность» [14, с. 3]. Лингвист Ибн Араби акцентирует смысл данного термина в «чувственном сходстве с окружающей действительностью» [там же, с. 5].

Исследователи арабского языка и диалектных арабских паремических единиц, в частности, основной целью ставят изучение специфики арабского фольклора [15, с. 249]. Паремические единицы арабского языка отражают самые разнообразные изобразительно-выразительные средства, в частности омонимию, антитезу, рифмованную прозу и усечение. Как отмечает учёный У. О. Максудов, арабские паремии обладают такими функциями, как «передача определенного содержания, отражение народной мудрости, украшение речи говорящего, а также кристаллизация жизненного опыта и передача накопленной житейской мудрости последующим поколениям» [16, с. 103].

Изучение национально-культурной специфики паремических картин мира разных языков является предметом обширного интереса со стороны исследователей, поскольку, изучая паремические единицы, можно исследовать эволюцию знаний о мире и человеке, а также систему нравственных ориентиров разных народов [17]. Языковая картина мира представляется при этом отображением в сознании людей глобальной модели мира, которая не изменяется, однако может разными способами выражаться в лингвистической составляющей [18, с. 5]. Через константы языковой картины мира формируются национально-культурные стереотипы, выражающиеся в лексическом наполнении языков разных народов, в частности, в совокупности паремических выражений, востребованных в современном дискурсе, что составляет

паремиологический фонд определённого языка.

Стереотипы, входящие в состав паремиологического фонда определённого языка, в свою очередь, лежат в основе паремической картины мира, передающей особенности национального сознания и отражающей культурно детерминированные смыслы [19, с. 4]. Паремические единицы являются единым основанием для объединения носителей культуры определённого языка и средством обеспечения связи между различными поколениями носителей.

Как отмечает исследователь Е. Н. Селливерстова, в рамках изучения языковой картины мира различных языков «все большую популярность приобретает выявление сходств и различий концептов, отражаемых в паремических единицах» [20, с. 59]. В связи с этим актуальность данного исследования заключается в сравнении паремий арабского языка с эквивалентными им паремическими единицами английского и русского языков, описывающими синонимичные жизненные ситуации.

Сравнительный анализ паремических языковых единиц

В связи с тем, что в паремиях часто скрыт внутренний, переносный смысл, вызывающий конкретные ассоциативные образы у носителей языка посредством использования строго определённого круга понятий и словесного обозначения этих понятий, сравнительное изучение пословиц разных народов требует тщательной подготовки и использования всех накопленных знаний и практического опыта.

Для анализа были выбраны такие группы паремий, характеризующих взаимоотношения в семье, как советы родителей, похвала, ирония на некоторые поступки людей, смирение, к которому призывают старшие в качестве поддержки в трудных ситуациях.

Рассмотрим несколько эквивалентных паремических единиц английского,

арабского и русского языков, а также проанализируем сходства и различия используемых в них для передачи смысла образов.

Советы родителей

1. Пословицы, использующиеся в разговоре для того, чтобы посоветовать человеку не гнаться за тем, что у него есть лишь шанс получить, а ценить то, что у него уже есть, поскольку в погоне за чем-то желаемым можно потерять что-то уже имеющееся. Например: "A bird in a hand is worth two in the bush" – "عصفور باليد خير من عشرة على الشجرة" (досл. «Лучше одна птица в руке, чем десять вдалеке») – «Лучше синица в руках, чем журавль в небе».

2. Пословицы, использующиеся в речи как совет не забывать о том, что всё хорошее имеет свойство заканчиваться, поэтому не стоит долго испытывать своё везение. Например: "The pitcher goes so often to the well that it is broken at last" – "ما كل مرة تسلم الجرة" (досл. «Любая ваза рано или поздно разобьётся») – «Сколько верёвочке не виться, а конец будет».

3. Пословицы, использующиеся в разговоре для того, чтобы посоветовать оценивать человека в первую очередь по качеству его работы и тому, какую пользу он несёт обществу. Например: "A work man is known by his chips" – «Каков мастер – такова и работа» – "عند الامتحان، يكرم المرء أو يهان" (досл. «Ученик после экзамена будет либо оценён по достоинству, либо унижен»).

4. Пословицы, использующиеся в разговоре для того, чтобы посоветовать не судить о людях и вещах лишь по внешнему виду, потому что зачастую внешний вид оказывается обманчивым, а привлекательность – только внешней. Например: "All that glitters is not gold" – «Не всё что золото, что блестит» – "ما كل سوداء فحمة، وما كل حمراء لحماءة" (досл. «Не всё, что чёрного цвета, является углём, и не всё, что красного цвета, является мясом»).

5. Пословицы, использующиеся для передачи житейской мудрости о том, что зачастую справиться с поставленной за-

дачей проще и быстрее, если выполнять её в команде, а не в одиночку. Например: "Many hands make light work" – «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось» – "يد واحدة لا تصفق" (досл. «Одна рука не хлопает»).

6. Пословицы, использующиеся в речи, чтобы напомнить о том, что не стоит верить человеку, который однажды уже обманул, поскольку есть вероятность, что обман повторится. Например: "Fool me once, shame on you; fool me twice, shame on me" – "لا يلدغ المؤمن من جحر مرتين" (досл. «Не будь укушен дважды из той же норы») – «Единойжды солгавши, кто тебе поверит».

7. Пословицы, использующиеся в речи для того, чтобы поделиться житейской мудростью о том, что для получения некоторого результата недостаточно лишь надеяться на успех или помощь высших сил, а необходимо самому прилагать усилия по достижению поставленной цели. Например: "God helps those who help themselves" – "إن مع العسر يسرا" (досл. «Действительно, за трудностями следует облегчение») – «На Бога надейся, а сам не плошай».

8. Пословицы, использующиеся в речи для того, чтобы поделиться житейской мудростью о том, что истинно и в полной мере оценить что-либо возможно только после непосредственного взаимодействия с объектом оценивания или же по результатам этого взаимодействия. Например: "The proof of the pudding is in the eating" – «Обед узнают по кушанью, а ум по слушанью» – "حبل الكذب قصير" (досл. «Верёвка обмана коротка»).

Похвала

1. Пословицы, использующиеся в разговоре для того, чтобы похвалить человека, который стремится достичь поставленных перед собой целей, смело принимаясь за дело. Например: "Cheek brings success" – «Смелость города берёт» – "الجرأة تأتي بالنجاح" (досл. «Смелость идёт в паре с успехом»).

2. Пословицы, использующиеся в разговоре для того, чтобы похвалить

стремление достигать поставленных целей даже несмотря на то, что это может быть трудной задачей, ведь результат в конечном итоге стоит всех затраченных усилий. Например: "Through hardship to the stars" – «Через тернии к звёздам» – "من لم يركب الأهوال لم ينل الآمال" (досл. «Если не прокатиться на ужасах, не получишь надежд»).

Ирония

1. Пословицы, использующиеся как ироническое замечание, чтобы напомнить, что дети зачастую имеют схожий с их родителями характер, а также склонны повторять некоторые их поступки. Например: "Like father, like son" – «Яблоко от яблони недалеко падает» – "ابن الوز عوام" (досл. «Сын гуся умеет плавать»).

2. Пословицы, использующиеся в качестве иронии для описания людей, у которых достаточно знаний или умений, чтобы делать что-либо для других, но при этом они забывают о собственных нуждах или нуждах их близких. Например: "Shoemaker's son always goes barefoot" – «У плотника собственные двери разваливаются» – "باب النجار مغلغ" (досл. «У плотника собственные двери разваливаются») – «Сапожник без сапог».

3. Пословицы, использующиеся в процессе коммуникации для иронического замечания о такой жизненной ситуации, когда на словах решение сложившейся проблемы или поставленной задачи гораздо проще, чем выполнение необходимых для этого действий. Например: "Easier said than done" – "اللّٰه ايسر في المية مش" – "اللّٰه ايسر في النار" (досл. «Рука в воде – не то же самое, что рука в огне») – «Легко сказка складывается, да не легко дело делается».

4. Пословицы, использующиеся в речи для того, чтобы передать ироничное наблюдение о том, что недавно принятый на работу сотрудник старается проявить себя лучше на новом рабочем месте, для чего нередко стремится изменить старые, существовавшие здесь ранее порядки и установки, которые, однако, на его взгляд, потеряли актуальность и требуют

модернизации. Например: "A new broom sweeps clean" – «Новая метла по-новому метёт» – "وقع في شر اعماله" (досл. «Новое сито тугое»).

5. Пословицы, использующиеся как ироничное замечание в разговоре для описания ситуации, когда человек, получив единичный негативный опыт, при возникновении в будущем похожих ситуаций начинает излишне перестраховываться. Например: "Once bitten, twice shy" – «Обжёгшись на молоке, дуют на воду» – "اللّٰه يتلّسع من الشورية بنفخ في الزبادي" (досл. «Кто обжёгся о суп, будет дуть и на йогурт»).

6. Пословицы, использующиеся в речи для того, чтобы выразить недовольство по отношению к ситуации в настоящем, которая не соответствует ожиданиям насчёт неё. Суть данного языкового выражения заключается в том, что не имеет смысла переживать насчёт несбывшихся ожиданий относительно текущей ситуации, поскольку, если бы что-то, что маловероятно или вовсе невозможно, даже и случилось, это никак не изменило бы ситуацию. Например: "الأمانى رأس مال المفاليس" (досл. «Желания – капитал банкрота») – «Кабы сивому коню чёрную гриву, был бы буланый» – "If wishes were horses, beggars would ride".

Смирение

1. Пословицы, использующиеся в речи для того, чтобы передать житейскую мудрость, гласящую, что человек может строить много планов, однако не всегда они обязательно будут исполняться. Например: "Man proposes, God disposes" – "هو يريد، والله يفعل ما يريد" (досл. «Люди просят то, что хотят, но Бог делает лишь то, что считает нужным») – «Человек предполагает, а Бог располагает».

2. Пословицы, использующиеся в разговоре как форма смирения, чтобы описать ситуацию, в которой человек не может принять решение, как ему лучше поступить, для чего человеку нужно время, чтобы все хорошо обдумать. Например: "The best advice is found on the

pillow” – «Утро вечера мудренее» – الصباح”
"رباح" (досл. «Утро выгоднее, чем вчера»).

3. Пословицы, использующиеся в разговоре как форма смирения, чтобы поделиться мудростью о том, что только многократное повторение действий позволит добиться мастерства в том или ином деле. Например: “Practice makes perfect” – «Повторение – мать учения» – التكرار يعلم”
"الحمار" (досл. «Повторение научит даже осла»).

4. Пословицы, использующиеся в речи как форма смирения для передачи жизненной мудрости о том, что сложившиеся у человека привычки и черты характера невозможно изменить. Например: “You can't teach an old dog new tricks” – «Горбатого могила исправит» – بعد ما شاب”
"ودوه الكتاب" (досл. «После того, как поседел, пошёл учиться в школу»).

5. Пословицы, использующиеся в речи для передачи житейской мудрости о том, что любой совершённый человеком поступок приведёт к определённым последствиям в дальнейшем, а также что отношение, которое человек транслирует к окружающим его людям, вызовет аналогичное к нему отношение со стороны окружающих. Например: “What goes around comes around” – "هقوديب مسلا خابط – “ (досл. «Кто готовит яд, тот сам его и пробует») – «Как аукнется, так и откликнется».

6. Пословицы, использующиеся в речи для передачи житейской мудрости о том, что даже за самой большой неудачей следует что-либо хорошее. Например: “April showers bring May flowers” – "إن في”
"الشر خير" (досл. «В плохом много хорошего») – «Нет худа без добра».

7. Пословицы, использующиеся как форма выражения смирения для передачи жизненной мудрости о том, что первое впечатление о человеке всегда складывается в зависимости от его внешнего вида. Например: “Clothes make the man” – "ليس”
"البوصة، تبقي عروسة" (досл. «Даже из палки можно сделать невесту») – «Встречают по одежке, провожают по уму».

Заключение

Как мы видим, в арабских паремических единицах встречаются образы, специфичные для арабской культуры. Они способны вызвать в процессе межкультурной коммуникации определённые трудности. К примеру, допускаемые ошибки передаются через опасное животное, нападающее из своего укрытия. Или, например, концепт поиска истины передаётся с помощью образа верёвки.

Ещё одним интересным примером специфичного образа является передача концепта ответной реакции на совершаемые поступки с помощью описания приготовления яда. Для передачи концепта чего-то ценного также используется не образ золота, как в английской или русской паремической картине мира, а образы мяса и угля, что также может быть непривычным и непонятным для носителей другой культуры.

Кроме того, интересно, что в арабской паремической картине мира концепты плохого и хорошего неразлучны настолько, что второе является неотъемлемой и значительной частью первого. А в английской паремической картине мира, в отличие от русской и арабской, концепт хорошего и плохого связывают с определёнными сезонами, не называя сами концепты напрямую.

Наиболее часто используемым образительно-выразительным средством в арабских паремических единицах является олицетворение. Кроме того, стоит отметить, что использование безличных предложений в паремиях встречается достаточно редко.

В связи с территориальной дифференциацией арабского языка наиболее яркими маркерами паремической картины мира его носителей считаются мясо и уголь, нежели золото, как в английской и русской паремических картинах мира. Кроме того, наибольшую опасность представляют дикие животные или незнакомые места, поскольку именно такие

образы используются для описания совершаемых ошибок или поиска истины. В паремической картине мира арабского языка также используются специфичные образы животных – осёл, верблюд и верблюдица, бык, а также их характеристики, которые у представителей других лингвокультур таких ассоциаций вызывать не будут.

В результате данного исследования были проанализированы работы, посвящённые понятиям «межкультурная коммуникация», «паремическая единица» и «паремическая картина мира», были рассмотрены особенности паремической картины мира носителей арабского, английского и русского языков на основе отобранных пословиц, характеризующих социальные отношения, а также выявлены сходства и различия паремической картины мира носителей арабского, английского и русского языков. Таким образом, с помощью изучения концептуального ядра определённого языка по паремическим единицам удалось проанализировать и изучить стереотипы мышления носителей арабского, английского и русского языков, а также сравнить их

паремические единицы для выявления возможных сходств и различий стереотипов их мышления.

На основе анализа приведённых выше арабских, английских и русских пословиц можно прийти к выводу, что паремические картины мира носителей арабского, английского и русского языков обладают рядом особенностей в описании некоторых жизненных ситуаций, концептов и ценностей. Некоторые образы передаются схожими смысловыми единицами, а значит, не вызовут трудностей при осуществлении межкультурного общения. Однако есть пословицы, используемые образы которых обусловлены национальной спецификой страны соответствующего языка, и интерпретация подобных образов может вызвать трудности в ходе коммуникации, если коммуниканты не будут иметь представление об эквивалентах пословиц на иностранных языках.

Полученные результаты можно использовать для совершенствования процесса межкультурной коммуникации. Кроме того, их можно применять в переводоведении для корректного перевода паремических единиц на разные языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якимова Е. Н. Значение культуры в жизни современного человека // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 96–101. DOI: 10.34823/sgz.2021.3.51592.
2. Иргашева Н. К. Лингвокогнитивные и лингвокультурологические особенности паремииологических единиц (пословиц и поговорок) в языках разных систем // Academic Research in Educational Sciences. 2021. Vol. 2. Iss. 10. С. 179–184. DOI: 10.24412/2181-1385-2021-10-179-184.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022. 368 с. (Серия: Классический университетский учебник).
4. Кухарева Е. В. Лингвокультурная специфика арабских пословиц, поговорок и фразеологических оборотов сквозь призму лексического значения // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы международной конференции (Москва, 10–11 апреля 2009 г.). М.: РУДН, 2009. С. 184–187.
5. Касимова Ч. Э. Паремия как объект лингвокультурологического исследования на примерах русского и арабского языков // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал (сетевое издание). 2021. № 4. URL: <https://srjournal.ru/2021/id321> (дата обращения: 10.11.2024).
6. Крикманн А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремииологические исследования: сборник статей. М.: Наука, 1984. С. 149–177.
7. Цекова Л. М. Способы определения особенностей функционирования фразеологических единиц, пословиц и поговорок // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-4. С. 294–296.

8. Хамид Реза Даду. Отражение народной педагогики в русских, персидских и арабских паремиях // *Русский язык за рубежом*. 2012. № 3 (232). С. 47–53.
9. Алкади М. С. А. Национально-специфическое в языке и межкультурная коммуникация (на материале русских и арабских паремий) // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. 2011. Т. 24 (63). № 2-1. С. 26–31.
10. Гимадиева Д. М. Арабские пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом // *Минбар. Исламские исследования*. 2015. Т. 8. № 2. С. 334–338.
11. Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография. Новосибирск: Институт филологии, 2012. 354 с.
12. Артеменко Е. Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации. Опыт структурно-когнитивного анализа // *Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сборник докладов*. Т. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 6–23.
الهدروسي، سالم مرعي، المتل و ما يجري مجراه من الأشكال التعبيرية في كتب الأمثال القديمة عند العرب، قسم اللغة العربية ٢٠١١،
بجمعية الأيرموك، 8002
راغب الأصفهاني. مفردات الفاظ القرآن. القاهرة: دار المعارف، 8002 ٤١.
15. Бекиров Р. А., Марашли И. Х. Причины типичных переводческих ошибок при переводе диалектных арабских поговорок на русский язык // *Современное педагогическое образование*. 2020. № 12. С. 248–250.
16. Максудов У. О. Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение. Африканистика*. 2012. № 1. С. 102–109.
17. Кушнарева А. В. Отражение стереотипов в языковом сознании и паремической картине мира // *Russian Linguistic Bulletin*. 2022. № 3 (31) [Электронный ресурс]. URL: <https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.25> (дата обращения: 10.11.2024). DOI: 10.18454/RULB.2022.31.25.
18. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
19. Антонова Е. Н., Бредис М. А., Владимирова Т. Е. Паремология без границ: монография. М.: РУДН, 2020. 244 с.
20. Селиверстова Е. И. Национальная самобытность пословиц в свете данных многоязычных словарей // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3 (45). С. 58–61.

REFERENCES

1. Yakimova, E. N. (2021). The value of culture in the life of a modern person. In: *Social and humanitarian knowledge*, 3, 96–101. DOI: 10.34823/sgz.2021.3.51592 (in Russ.).
2. Irgasheva, N. K. (2021). Lingvocognitive and lingvocultural features of paremiological units (proverbs and sayings) in languages of different systems. In: *Academic Research in Educational Sciences*, 2 (10), 179–184. DOI: 10.24412/2181-1385-2021-10-179-184 (in Russ.).
3. Ter-Minasova, S. G. (2022). *Language and intercultural communication*. Moscow: Lomonosov Moscow State University publ. (in Russ.).
4. Kukhareva, E. V. (2009). Linguocultural specificity of Arabic proverbs, sayings and phraseological units through the prism of lexical meaning. In: *Professionally oriented teaching of foreign language and translation in higher education institutions: materials of the international conference (Moscow, April 10-11, 2009)*. Moscow: RUDN University Publ., pp. 184–187 (in Russ.).
5. Kasimova, Ch. E. (2021). Paremia as an object of linguoculturological research on the examples of Russian and Arabic languages. In: *Scientific Review. International scientific and practical journal*, 4. URL: <https://srjournal.ru/2021/id321/> (accessed: 10.11.2024) (in Russ.).
6. Krikmann, A. A. (1984). An attempt to explain some semantic mechanisms of a proverb. In: *Paremiological studies*. Moscow: Nauka publ., pp. 149–177 (in Russ.).
7. Tsekova, L. M. (2020). Methods of determining peculiarities of functioning of phraseological units, proverbs and sayings. In: *Problems of Modern Pedagogical Education*, 69-4, 294–296 (in Russ.).
8. Hamid, Reza Dadu (2012). Reflection of folk pedagogy in Russian, Persian and Arabic paremies. In: *Russian Language Abroad*, 3 (232), 47–53 (in Russ.).

9. Alkadi, M. S. A. (2011). National-specific in language and intercultural communication (based on Russian and Arabic proverbs). In: *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social communications*, vol. 24 (63), no. 2-1, 26–31 (in Russ.).
10. Gimadieva, D. M. (2015). Arabic proverbs and sayings with a zoonym component. In: *Minbar. Islamic Studies*, 8 (2), 334–338 (in Russ.).
11. Oinotkinova, N. R. (2012). *Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres*. Novosibirsk: Institute of Philology publ. (in Russ.).
12. Artemenko, E. B. (2006). Tradition in mythological and folklore representation. Experience of structural-cognitive analysis. In: *First All-Russian Congress of Folklorists: collection of reports. V. 2*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore, 6–23 (in Russ.).
الهدروسي، سالم مرعي، المثل و ما يجري مجراه من الأشكال التعبيرية في كتب الأمثال القديمة عند العرب، قسم اللغة العربية ٣١ بجمعية الأيرموك، 8002
راغب الاصفهاني. مفردات الفاظ القرآن. القاهرة: دار المعارف، 8002، ٤١.
15. Bekirov, R. A. & Marashli, I. Kh. (2020). Reasons for typical translation errors when translating dialect Arabic sayings into Russian. In: *Modern Pedagogical Education*, 12, 248–250 (in Russ.).
16. Maksudov, U. O. (2012). Arabic proverbs and sayings: origin, studying and writing collections of proverbs in Arabic literature. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 1, 102–109 (in Russ.).
17. Kushnarev, A. V. (2022). Depiction of stereotypes in the linguistic consciousness and the paremic worldview. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 3 (31). URL: <https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.25> (accessed: 10.11.2024). DOI: 10.18454/RULB.2022.31.25 (in Russ.).
18. Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B. & Shmelev, A. D. (2005). *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
19. Antonova, E. N., Bredis, M. A. & Vladimirova, T. E. (2020). *Paremiology without borders*. Moscow: RUDN University publ. (in Russ.).
20. Seliverstova, E. I. (2014). National identity of proverbs in the context of multilingual dictionaries. In: *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 3 (45), 58–61 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Храм Мохаммад Шауки (г. Москва) – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

<https://orcid.org/0000-0002-0679-6527>; e-mail: 1042225116@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mohammad Shawki Khram (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

<https://orcid.org/0000-0002-0679-6527>; e-mail: 1042225116@rudn.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 81'55

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-79-92

СРАВНЕНИЕ В АВТОРСКИХ СКАЗКАХ Ф. ТЕГЕТТГОФФА В СОСТАВЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НЕМЕЦКОГОВОРЯЩЕГО СОЦИУМА

Вишнякова О. Д.*, **Иванова О. А.**

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

* Корреспондирующий автор, e-mail: ol-vish@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Принята к публикации 16.01.2025

Аннотация

Цель. В статье рассматриваются сравнительные конструкции и их функционирование в авторских сказках австрийского автора Фольке Тегеттгоффа. Цель работы состоит в выявлении особенностей реализации сравнений в сказках Ф. Тегеттгоффа на основе анализа их функционально-семантических характеристик и статистических данных.

Процедура и методы. Методы, применяемые в работе, были выбраны, исходя из её целей: анализ теоретических положений по данной проблематике, метод сплошной выборки сравнительных конструкций и дальнейшая систематизация материала, контекстологический анализ, количественный анализ, элементы компонентного и концептуального анализа.

Результаты. Процесс реализации сравнений, выступающих как один из результатов познания действительности и его закрепления в культуре, в авторских сказках Ф. Тегеттгоффа обусловлен возможностью актуализации языковых единиц различных уровней. Способы языкового выражения данных отношений на базе определённых концептуальных оснований, используемые для решения соответствующих функционально-стилистических и коммуникативно-прагматических задач, могут рассматриваться как специфические черты языкового сознания и картины мира немецкоговорящего социума.

Теоретическая значимость состоит в развитии теории анализа немецкоязычного дискурса с особым вниманием к роли сравнительных конструкций с точки зрения специфики формирования языковой картины мира и её элементов. **Практическая значимость** определяется возможностью использования результатов в исследовании функционально-семантических особенностей языковых структур в германских языках, их жанрово-стилистического и коммуникативно-прагматического потенциала.

Ключевые слова: авторская сказка, сравнение, количественный анализ, грамматико-лексические поля

Для цитирования:

Вишнякова О. Д., Иванова О. А. Сравнение в авторских сказках Ф. Тегеттгоффа в составе языковой картины мира немецкоговорящего социума // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 79–92. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-79-92>

Благодарности и источники финансирования. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

Original research article

COMPARISON IN THE AUTHOR'S FAIRY TALES BY F. TEGETTHOFF AS PART OF THE GERMAN-SPEAKING SOCIETY WORLDVIEW

O. Vishnyakova*, **O. Ivanova**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: ol-vish@mail.ru

Received by the editorial office 09.01.2025

Accepted for publication 16.01.2025

Abstract

Aim. To analyze comparative constructions and their functioning in the author's fairy tales by the Austrian writer F. Tegetthoff. The purpose of the work is to identify the linguistic features of the comparisons representation in the fairy tales by F. Tegetthoff on the basis of their functional and semantic characteristics and statistic data.

Methodology. The methods of the research are determined by its objectives: the analysis of theoretical positions on the issue, the method of continuous sampling of comparative constructions and their further systematization, contextual analysis, quantitative analysis, elements of component and conceptual analyses.

Results. The process of realization of comparisons that are considered as one of the results of cognition of reality and its consolidation in culture in the author's fairy tales by F. Tegetthoff is determined by the actualization possibility of these linguistic units at various language levels. The ways of linguistic expression of the relations under analysis, based on the certain conceptual foundations and used to fulfill the necessary functional-stylistic and communicative-pragmatic tasks, can be regarded as specific features of the German-speaking society linguistic consciousness as well as its cultural and conceptual worldview.

Research implications. The study develops the theory of the German-language discourse analysis, with special attention to the role of comparative constructions with respect to the linguistic worldview formation and its peculiarities. The practical significance of the research is determined by the possibility to use its results in the investigation of functional-semantic features of linguistic structures in Germanic languages, their genre-stylistic and communicative-pragmatic potential.

Keywords: author's fairy tale, comparison, quantitative analysis, grammatical-lexical fields

For citation:

Vishnyakova O. D., Ivanova O. A. Comparison in the author's fairy tales by F. Tegetthoff as part of the German-speaking society worldview. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 79–92. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-79-92>

Acknowledgments. Study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

Введение

Интерес к народным сказкам со стороны их собирателей и всего общества в 80-е гг. XVIII столетия вызвал в германоязычном мире волну сочинительства авторских сказок на основе собственных сюжетов. Продюсентов авторской сказки («*Kunstmärchen*») существует немало. Сказка перемешивается с новыми литературными направлениями, в неё закладываются политическая тематика, реальная жизнь, появляются новые жанры и произведения, концептуальная основа которых базируется на сказке: например, так называемые анти-сказки у Франца Кафки [1] и мн. др.

В последние десятилетия детская и юношеская немецкая литература переживают свой расцвет, чего никак нельзя сказать о направлении авторской сказки – она потеряла своё былое значение. Тем не менее австрийский сказочник Ф. Тегеттгофф пытается своим творчеством оживить данное литературное направление и сделать его привлекательным и значимым. Многоаспектная роль сказки, её языка и самобытности неоднократно подчёркивалась исследователями. В. Я. Пропп, разрабатывая типологию сказок, указывал на то, что только в двух европейских языках есть самостоятельное слово для обозначения термина: *сказка* в русском и *das Märchen* в немецком языке [2].

Сказки отражают национальные особенности, менталитет и характер людей определённого общества, специфику их мышления и языка. Осмысление явлений и предметов окружающего мира, взаимосвязей между ними, представленное в виртуальном пространстве сказки, находит отражение в национальном языке и особенностях репрезентации вербальных структур, обусловленных спецификой языкового сознания. Одной из важных характеристик авторской сказки является ход авторской мысли в отношении предпочтений в выборе репертуара языковых средств для решения постав-

ленных коммуникативно-прагматических и функционально-стилистических задач по созданию «искусственной литературной вселенной», которая становится для читателей и слушателей особым альтернативным «миром», воздействующим на восприятие реальности [3, с. 60]. Конструирование и восприятие образа мира, его изменения непосредственно связаны с процессами актуализации и трансформации смыслового содержания языковых единиц [4, с. 37], их функционально-стилистического и коммуникативно-прагматического потенциала [5, с. 40; 6, с. 115]. Так, например, одним из значимых языковых элементов сказки являются реализуемые в них сравнения, обладающие определённой функциональной нагрузкой.

Авторы высказываний часто обращаются к приёму сравнения при описании или представлении какого-либо объекта. Сравнение рассматривается как один из способов познания окружающей действительности и самого человека, который закрепляется в данной культуре. Сравнение как языковое явление неоднократно подвергалось исследованиям вследствие его значимости в соответствии с целым рядом причин. Сравнения являются продуктом когнитивной деятельности человека по восприятию и интерпретации действительности, будучи элементом картины мира. Некоторые сравнения являются стабильными и узурально воспроизводимыми, в то время как другие являются конечным продуктом когнитивной деятельности автора, отражая языковую картину мира автора и социума. Сравнения (например, компаративные фразеологизмы) являются составной частью фразеологической системы языка. Сравнения достаточно легко идентифицировать как в семантическом, так и в структурном отношениях.

В художественном творчестве сравнение является во многих случаях авторским изобретением, продуктом фантазии, результатом творческой дея-

тельности человеческой мысли, познания мира. Между двумя или более объектами сравнения или их свойствами посредством особой логики и определённой техники сравнения возникает рациональная или чувственная связь, благодаря которой появляется новое понятие, новое семантическое отношение. Чем дальше друг от друга находятся сферы семантики сравниваемых объектов, тем более яркая картина возникает при описании, что позволяет использовать данный приём в функционально-стилистических и коммуникативно-прагматических целях.

В языковедческой науке существует большое количество классификаций сравнений в зависимости от того, какой признак положен в основу классификации, в том числе предложенных исследователями немецкого языка и немецкоязычной культуры. Э. Г. Ризель считает сравнение стилистическим средством, важным для процесса познания, объединяющим два слова из различных смысловых областей, которое через сопоставление способно вызвать полноту образной ассоциации. Исследователь характеризует его с разных точек зрения: 1) исходя из сущности и прагматического воздействия; 2) исходя из частотности употребления и степени распространённости: индивидуальные (окказиональные), общеупотребительные (постепенно стирающиеся) и стёртые сравнения; 3) по структурной полноте; 4) по возникающему образу (от рационально-уточняющих до иррациональных) [7; 8]. Д. Н. Фельдмане классифицирует сравнения по 5 признакам: по авторству (традиционные и индивидуальные), по объёму (краткие, расширенные, развёрнутые), по логическим отношениям между сопоставляемыми в сравнении понятиями (настоящие, мнимые), по основной функции (объективные / субъективные), по наличию или отсутствию базы сравнения (положительные / отрицательные) [9]. Существуют и другие исследовательские точки зрения [10].

Взаимосвязь между системами лексических и грамматических средств реализации сравнений и их функциями изучали Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, которые разработали теорию полей, включавшую описание шести полей, среди которых выделяется компаративное поле [11]. Современные исследователи, рассматривающие функционально-семантическое поле сравнения с точки зрения его стилистического потенциала, подчёркивают факт разноразности данного конструкта, у которого «элементы ... объединены общностью выполняемой ими семантической функции, состоящей в выражении значения равенства / неравенства объектов или явлений, степени проявления качества или количества, характеризующего данный объект или действие» [12, с. 5]. Анализируя особенности реализации сравнений в тексте немецкой сказки, лингвисты отмечают факт присутствия скрытых сравнений, а также необходимость использования различного рода добавлений в процессе перевода для достижения необходимого стилистического эффекта при употреблении сравнительных конструкций [13].

При вертикальном разрезе Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс относят к компаративному полю следующие конститuentы: 1) степени сравнения прилагательных (являются доминантой поля): позитив; 2) сложные существительные и прилагательные с компаративными детерминационными отношениями между основным и определяющим словом; 3) сравнения с *wie* (как) и *als* (чем, как (в качестве)); 4) прилагательные *gleich* (одинаковый, такой же) и *ähnlich* (похожий) с существительным в дательном падеже; 5) сложноподчинённые предложения с придаточными сравнительными. Учёными подробно рассмотрены конститuentы разных уровней, составлены таблицы микрополей, которые охватывают морфологический, синтаксический и лексический уровни языка.

Ещё более дробную классификацию предлагают исследователь Й. Буша и его коллеги, которые рассматривают такие сегменты компаративного поля, как: равенство, сходство, пропорциональность, идентичность, неодинаковость, противоположность [14]. По мнению ряда учёных, доминантой микрополя равенства / схождения является группа сравнений с *wie*; микрополя неравенства – компаратив [15]. В ходе определения наиболее частотной группы сравнений в материале сказок анализу подлежат объект, эталон сравнения и основные концептосферы, запечатлённые в сравнениях, которые помогают ребёнку познать окружающий мир, развивают его образное мышление, фантазию, креативность, формируют его национальную языковую картину мира, а следовательно, отражают картину мира данного народа.

Языковая репрезентация сравнений в авторской сказке Ф. Тегетгоффа (многоаспектный анализ)

Обращаясь к материалу сказок Ф. Тегетгоффа в плане изучения сравнений, рассматриваемых в многоаспектной перспективе, с учётом функционально-семантических, жанрово-стилистических, коммуникативно-прагматических, аксиологических особенностей, следует отметить, что в этих сказках реализуются различные средства создания образности, однако их количество не так велико, как количество сравнений. Использование данного стилистического средства позволяет автору, с одной стороны, создать атмосферу правдоподобия, а с другой – оказать мощное экспрессивно-эмоционально-оценочное воздействие на читателя или слушателя. В некоторых сказках можно встретить на одной странице до 7 сравнительных конструкций, если то, что описывает автор, важно или несёт в себе значительный эмоциональный потенциал.

Например: „*Der Zauberer vollzieht die erste Bewegung nach vielen Minuten: er hebt seinen linken Arm- wie ein Dirigent, der sein*

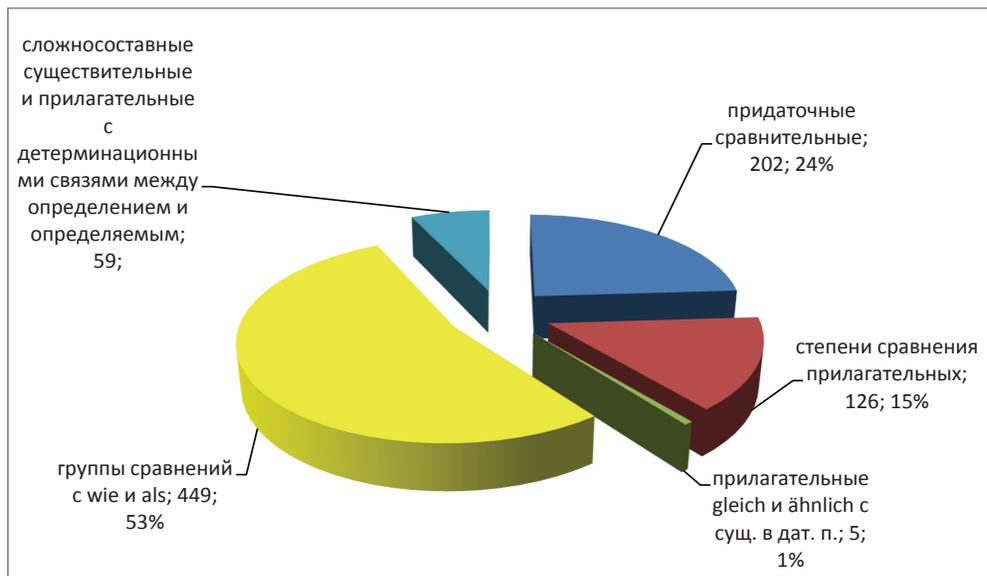
Orchester auffordert, mit den ersten Takten der Musik zu beginnen. Und mit dem noch kaum hörbaren Einsetzen der Geigen und der Bratschen taucht ein solch unwirkliches Bild jenseits aller Vorstellungskräfte auf, wird klarer, schärfer, bekommt Farben, Schatten, Licht, bis es als Produkt der Wirklichkeit vor den Augen der Besucher steht. Das Bild zeigt einen See in unvergleichbar schönen Farben. Und inmitten des blaugrünen Wassers ruht, wie eine Insel, eine gigantische Riesin unvorstellbaren Ausmaßes. Sie ruht dort, als würde sich ein kleines Menschenwesen in einer Badewanne räkelnd. Ihr nackter Oberkörper mit wohlgeformten Brüsten lehnt sich entspannt zurück, ihre Knie ragen wie zwei steile Berge aus dem Wasser hervor. Ihre Augen, so groß, dass ein ausgewachsener Mann sich locker zwischen ihren Liddeckeln strecken könnte, sind sehnsuchtsvoll starr auf etwas in der Ferne gerichtet“¹ (A. L., S. 227).

Роль конstituентов поля сравнения в структурно-содержательном пространстве авторской сказки

Для более наглядной картины предложена созданная на основе конститuentного анализа диаграмма, которая отражает процентное содержание всех сравнительных конструкций, используемых Ф. Тегетгоффом в 90 сказках (см. рис. 1).

Таким образом, согласно данным, отражённым в диаграмме на рис. 1, наиболее частотны в сказках данного автора группы сравнений с *wie* и *als*. Прилагательные *gleich* и *ähnlich*, напротив, используются редко (их всего лишь 1% от общего числа сравнительных конструкций в 90 сказках). По функционально-семантическим характеристикам эти конструкции менее образны, чем конструкции с *wie*. Кроме того, по нашему мнению, конструкции с дательным падежом являются тяжеловесными и затрудняют детское восприятие.

¹ Tegetthoff F. Alles Liebe. Innsbruck: Haymon, 2010. 214 S. Здесь и далее в тексте сокращённое обозначение – А. Л.

Рис. 1 / Fig. 1. Конституентный анализ. Количество и процентное содержание вербально выраженных сравнительных конструкций, используемых в 90 сказках Ф. Тегеттоффа / Constitutional analysis. Quantity and percentage of verbally expressed comparative constructions used in 90 fairy tales by F. Tegetthoff

Источник: составлено авторами статьи на основе [11].

Применяемые Ф. Тегеттоффом лексические языковые средства распределяются неравномерно, что показано в диаграмме на рис. 2.

Иными словами, микрополе неравенства в три раза меньше микрополя тождественности. Эту треть образуют секторы поля неравенства (придаточные с *als*) и противоположности (придаточные с *während*, *wohingegen*, лексические средства *widersprechen*, *sich im Widerspruch befinden*, *im Widerspruch stehen*, *entgegengesetzt*, *widersprechend*, *widersprüchlich* и. ä.). Такие лексические средства, как *sich im Widerspruch befinden*, *im Widerspruch stehen*, *entgegengesetzt*, *widersprechend*, *widersprüchlich*, в авторских сказках не встречаются. Это объясняется стилистической окрашенностью, образностью языка текста сказки.

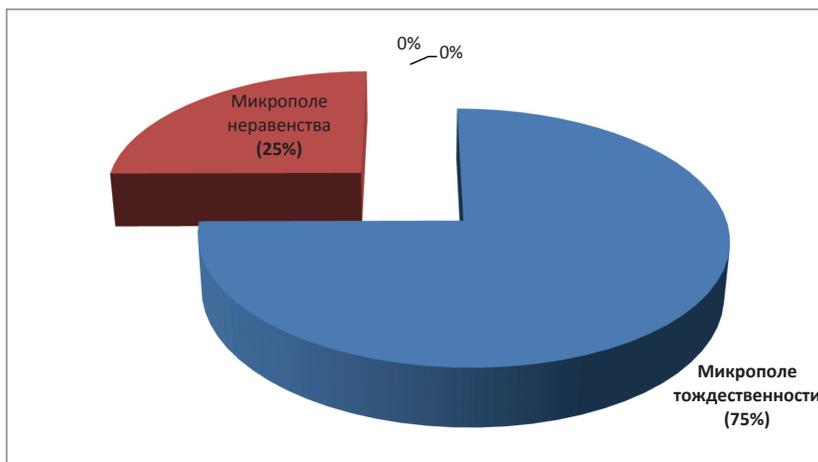
Das war schwieriger, als er gedacht hat. (A. L., S. 99) / Это было труднее, чем он думал¹.

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи – О. В., О. И.

Die Hochzeit, wie man noch nie zuvor eine erlebte. (A. L., S. 248) / Свадьба, какую ещё никогда прежде не видели.

При помощи данных языковых средств автор передаёт реальное положение вещей, придавая высказыванию ту или иную экспрессивно-эмоционально-оценочную нагруженность. Три четверти всего компаративного поля составляет микрополе тождественности, что предполагает его более детальное рассмотрение. Микрополе идентичности не отражается в цифрах, поскольку самая распространённая конструкция в этом микрополе *das ist*, которая вводит информацию о новом объекте и не имеет сравнительной нагрузки, а выполняет номинативную и конкретизирующую функции. Микрополе пропорциональности представлено у Ф. Тегеттоффа исключительно конструкциями *je...desto/umso* (чем..., тем...):

Je stärker diese Kraft in ihm wächst, desto schwächer wird sein Bruder. (A. L., S. 36) /

Рис. 2 / Fig. 2. Отношение микрополя тождественности к микро полю неравенства в поле сравнения / The relation of the microfield of identity to the microfield of inequality in the field of comparison

Источник: составлено авторами статьи на основе [14].

Чем больше эта сила в нем растёт, тем слабее становится его брат.

*Je älter er wurde, umso lieber wurde Holzklopf ihm.*¹ (R. S., S. 114) / Чем старше он становился, тем больше любил он стук древесины.

Большую часть промежуточного поля тождественности занимает микрополе равенства и сходства. Соответствующие им языковые средства выражения компаративности способствуют «оживлению» описываемых событий, придают им характер образности. Отметим, что единственным морфологическим средством в данном микрополе является положительная степень сравнения. Она выражает равенство, как правило, между двумя объектами на основании определённых признаков, будучи реализованной посредством варьирования языковых единиц от *so / genauso / ebenso / gerade so* до *wie*:

*Der Vogel ist doppelt so groß wie ich.*² (K. M., S. 115–116) / Птица по размеру та-

кая большая, (досл.) как два меня (в два раза больше меня).

Der Vogel war so groß wie mein linkes Ohr. (R. S., S. 7) / Птица была так велика, как моё левое ухо.

Heimat ist genauso relativer Begriff wie der Horizont. (A. L., S. 149) / Родина – это такое же важное понятие, как горизонт.

Ф. Тегетгофф использует достаточно часто сравнение с *so* перед прилагательным. Эти частицы показывают высокую степень тождественности в отношении Tertium comparationis.

*Ich kann schleppen, sagt die Ameise. Schwere Sachen. So schwere Sachen, wie du es dir gar nicht vorstellen kannst.*³ (W., S. 23) / «Я могу тащить, – говорит муравей. – Тяжёлые вещи. Такие тяжёлые вещи, как ты себе и представить не можешь».

Далее следует перечислить языковые единицы, которые использует Ф. Тегетгофф для выражения равенства и сходства (см. рис. 3):

– сложноподчинённые предложения (придаточное с *wie, so, als (ob/wenn)*);

¹ Tegetthoff F. Roberto Spazzo. Wien: G&G Verlag, 2007. 137 S. Здесь и далее в тексте сокращённое обозначение – R. S.

² Tegetthoff F. Kräutermärchen. München: Nymphenburger, 2011. 160 S. Здесь и далее в тексте сокращённое обозначение – K. M.

³ Tegetthoff F. Was ich alles kann, sagt die Kuh. Poetische Tiergeschichten. Wien; München: Annette Betz, 2011. 29 S. Здесь и далее в тексте сокращённое обозначение – W.

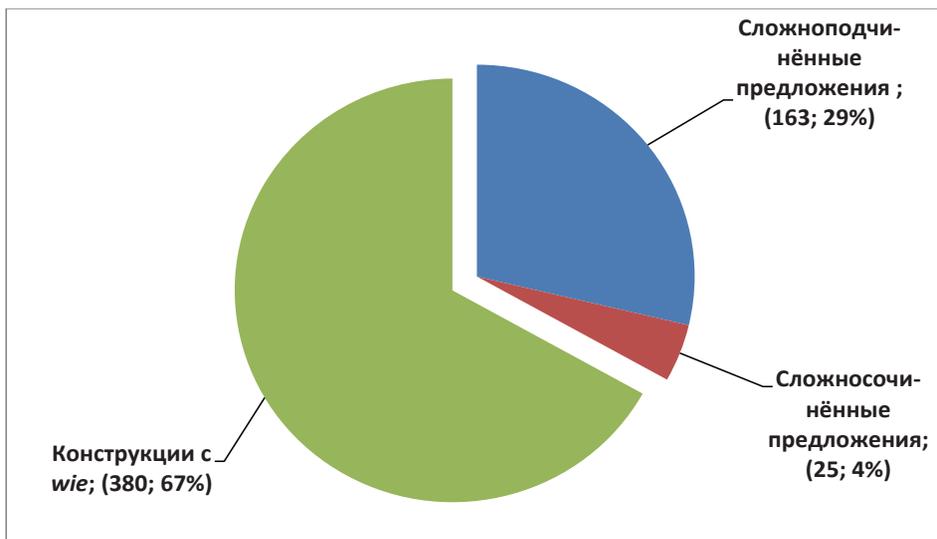

Рис. 3 / Fig. 3. Грамматические средства для выражения сравнения и равенства в немецком языке / Grammatical means for expressing comparison and equality in German

Источник: по данным авторов.

– сложносочинённые предложения (второе предложение с *so / genauso / ebenso*);

– группы слов (*wie, nach*, здесь же рассмотрены сложные прилагательные).

Охарактеризуем кратко указанные типы синтаксических отношений.

а) Союз *wie* описывает реальное равенство положения вещей с использованием придаточного предложения и главного на основе определённого признака, который выражен наречием или прилагательным. В авторских сказках Ф. Тегетгоффа перед ними стоит, как правило, усилительная частица *so*. Придаточное предложение с *wie* автор использует в постпозиции к главному.

Er sammelte so viele Blumen der Liebe, wie er nur konnte. (К. М., S. 76) / Он собирал так много цветов любви, как он только мог.

Eine Handvoll dieser Blätter aus einem fernen Land kostet so viel, wie ich in einem Jahr nicht verdienen kann. (К. М., S.77) / Полная горсть этих листьев из далёкой страны стоит так много, сколько мне не заработать и за год.

б) С помощью союза *als (ob/wenn)* демонстрируется гипотетическое равенство положения вещей с помощью придаточного предложения по отношению к главному. Такие придаточные, выражающие ирреальность действия, часто стоят после глаголов чувственного восприятия, к группе которых относятся языковые единицы *aussehen, sich anhören, sich anfühlen, scheinen, riechen, vorkommen*:

*Der älteste Bruder sah so aus, als würde er jeden Tag in einem Jungbrunnen baden.*¹ (Н. К., S. 57) / Самый старший брат выглядел так, словно он каждый день купался в источнике вечной молодости.

В исследуемых авторских сказках содержатся глаголы поведения, образующие устойчивые конструкции, например: *so tun, jmdm. ist so*:

Dem Jungen ist es, als würde er in einem bunten See versinken. (А. Л., S. 21) / И кажется мальчику, как будто бы он тонет в разноцветном озере.

¹ Tegethoff F. Neue Kräutermärchen. München: Nymphenburger, 2011. 128 S. Здесь и далее в тексте сокращённое обозначение – Н. К.

Der Wald tut so unschuldig still, als hätte er nichts gesehen. (R. S., S. 6) / Лес стал так невинно тих, как будто бы он ничего не видел.

Plötzlich – Victor, ist’s, als wäre er vom Blitz getroffen – zischt das Tier mit leiser Stimme menschliche Worte. (A. L., S.114) / Внезапно – Виктора словно молнией поразило – животное прошипело тихим голосом по-человечески.

Данные языковые средства переносят читателя / слушателя в другую реальность, создавая определённый стилистический эффект.

Следует отметить в этой связи употребление сложносочинённых предложений, где второе предложение реализуется с *genauso / so / ebenso*:

Nun ist das bei Wörtern, die sich zu Sätzen formen, genauso wie bei Buchstaben, die erst als Wort einen Sinn zeigen (A. L., S. 170) / И со словами, которые формируются в предложения, точно так же, как с буквами, которые выражают какой-то смысл только в виде слова.

Вторые предложения с *aber, doch, jedoch* имеют такие же противительные отношения, как придаточные с *während*.

Словосочетания представлены только конструкциями с *wie* (как), которые отражают равенство объектов или положения вещей с использованием группы слов простого предложения на основе определённого свойства. Описываемое свойство, признак выражаются прилагательным или наречием:

Sie hatte vielleicht etwas zu fest gedrückt, denn plötzlich rann aus der gelben Blüte ein Tropfen, rot wie Blut. (N. K., S. 44) / Может, она как-то слишком сильно сжала, так как внезапно из жёлтого цветка вытекла капля, красная как кровь.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что *Tertium comparationis* может не называться, если он легко просматривается в контексте:

Tränen schimmern wie Perlen (A. L., S. 83) / Слезы блестят как жемчужины.

Das Bussi saust wie ein Pfitschipeil los und trifft schmatzend genau ins Ziel. (R. S.,

S. 73) / Поцелуйчик мчится как выпущенная стрела (*Pfitschipeil* – венское выражение) и попадает, чмокая, в цель.

Как принято в ряде германских языков, признак сравнения обычно не указывается после глаголов чувственного восприятия:

Eine Blume wuchs, die sah wie die Sonne selbst aus. (N. K., S. 93) / Цветок рос, он выглядел как само солнце.

В приведённых примерах конструкция с *wie* находится в постпозиции. Именно данную форму предпочитает автор для передачи информации и создания образности.

Ф. Тегеттгофф применяет устойчивые сочетания с переносным значением (найденно 53 примера):

Tränen schimmern wie Perlen. (A. L., S. 83) / Слезы блестят как жемчужины.

Ein Lachen wie Donner. (K. M., S. 140) / Смех как гром.

Die ganze Welt, alles Glück, alles Unglück kam wie Orkan. (K. M., S. 95) / Целый мир, всё счастье, всё несчастье приблизились как ураган.

Чаще всего Ф. Тегеттгофф использует конструкцию *wie +Part. II: wie verzaubert* (как заколдованный), *wie verrückt* (как сумасшедший), *wie hingezaubert*, *wie gefangen*, *wie leergefegt* (как опустевший), *wie erstarrt* (как застывший), *wie geschaffen*, *wie geplant*, *wie betoniert* и др. Некоторые сравнения используются автором многократно. Например: *wie verrückt*, *wie verzaubert*.

Данные единицы, обладающие образностью, реализуются для усиления интенсивности действия, свойства. Ф. Тегеттгофф использует сравнения для описания различных шумовых эффектов, указывая при этом на параллели со звуками природы. Многократно используются сравнения *wie helles Mondlicht* (как светлый свет луны), *wie Jagdbomber* (как истребители-бомбардировщики), *wie eine Wolke* (как облако), *wie die Sonne* (как солнце), *wie pures Gold* (как чистое золото), *wie Elefanten* (как слон), *wie Fallschirmflie-*

ger (как парашютист), wie Donner (как гром), wie ein Schwingen (как колебание, раскачивание).

Словообразовательные процессы представлены реализацией прилагательных, обозначающих цвет, например: *goldgelbe Sonne* (золотисто-жёлтое солнце), *goldgelber Tee*, *kolrabenschwarze Nacht* (чёрная, как кольраби, ночь), *blutrote Blüten* (крово-красные цветки), *schneeweiße Tracht*, *Taube*, *schneeweißes Gesicht* (белоснежное лицо). При этом используются названия растений, природных явлений. Например: *blitzschnell* (быстрый как молния), *glutheiß* (горячий как жар), *hauchdünn*, *atemweit*, *herzform* (в форме сердца), *staubtrocken* (сухой как пыль). Усилению качества способствуют семантические признаки, характеризующие первую корневую морфему: *blitzschnell* (молниеносный (быстрый как молния)), *riesengroß* (громадный как великан). Для дополнительной, уточняющей описательной характеристики чего-либо используются композиты: *haargenau* (точно до волоска), *menschenfein*, *seidenweich* (мягкий как шёлк), *seidenglatt* (гладкий как шёлк). Неоднократно используются образования с *-lang*, *-groß*, *-hoch*, *-dick*, *-dünn* и другими формантами: *tagelang* (целыми днями), *wochenlang* (неделями), *monatlang* (месяцами), *herzform* и т. д.

Далее рассмотрим аксиологические возможности сказки и соответствующие им способы языкового выражения. В нормативно-оценочной парадигме дискурса важнейшая роль принадлежит лингвистическим параметрам формирования смыслов, в том числе при реализации сравнений [16]. Как указывалось выше, у Ф. Тегетгоффа сравнения с *wie* играют особую роль. В плане авторских предпочтений можно отметить, что, например, сравнения, содержащие образы природы, представляются наиболее предпочтительными со стороны автора. Например:

Vögel stürzen sich wie Jagdbomber vom Ast. (R. S., S. 19) / Птицы бросаются с ветки как бомбардировщики.

Eckern hingen wie Juwelen (R. S., S. 70) / *Äpfel hingen wie Juwelen* (A. L., S. 20) / Яблоки висели как ювелирные украшения.

Особенно частотными являются сравнительные описания различных шумов: *ein Lachen wie Donner* (смех как гром); *ein Brummen wie ferner Donner* (гудение как отдалённый гром); *Seltsame Geräusche, die wie Donner klangen* (странные шорохи, которые звучали как гром); *Starten wie kleine Rakets / schießen in den Himmel wie Rakete* (как маленькие ракеты выстреливают в небо).

Исходя из того, какие свойства, признаки или уникальные способности приписываются животному, человеку, предмету на основе опыта автора, формируется и функция сравнения в тексте. Они могут выражать особую интенсивность, негативные или, наоборот, позитивные свойства. Таких реализаций в анализируемом материале насчитывается 163, что подтверждает их высокую частотность.

Приведём ряд примеров с позитивной коннотацией (155):

Essen wie der König an seinem Geburtstag. (R. S., S. 107) / Есть как король в свой день рождения.

Er war glücklich wie noch nie zuvor in seinem Leben. (N. K., S. 112) / Он был счастлив как ещё никогда прежде в своей жизни.

Относительно редко используются сравнения с отрицательной коннотацией (29):

*Überall wird man wie der letzte Dreck behandelt.*¹ (Z., S. 101) / Повсюду обращаются как с последней грязью.

Wie eine Krankheit wütet Liebe in ihm. (A. L., S. 176) / Как болезнь свирепствует в нём любовь.

¹ Tegelhoff F. Ich wollte dir von meinem Zwerg erzählen. München: Schneider Verlag, 1986. 125 S. Здесь и далее в тексте сокращённое обозначение – Z.

Schmeckt bitter wie Galle. (К. М., S. 152) / По вкусу горькая как желчь.

В то же время имеются случаи, где трудно провести границу между этими тремя группами:

Wie ein Vogel, der reglos auf einem Ast sitzt und plötzlich ohne ersichtlichen Grund aufflattert. (А. Л., S. 89) / Как птица, которая неподвижно сидит на суку и внезапно вспархивает без всякой очевидной причины.

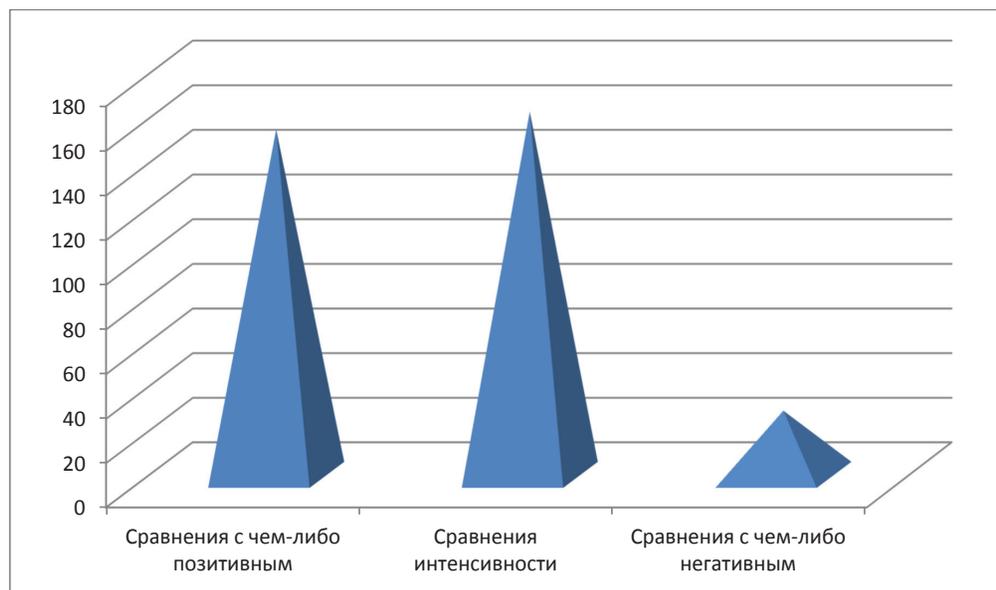
Представим, как выглядит данная фактическая ситуация, посредством диаграммы на рис. 4.

Как показывает исследование, Ф. Тегетгофф избегает негативных сравнений, относящихся к живым существам и явлениям природы. Позитивные качества используются, наоборот, часто. Тем самым автор выражает своё отношение к миру: положительным признакам он уделяет больше внимания и эмоций. Дан-

ная преференция способствует созданию светлого, положительного мира сказки и привлекает читателей и слушателей. Живые существа, природа составляют ядро *comparandum* и всей концептосферы автора.

В качестве объекта сравнения используются наименования предметов окружающего мира. Они сравниваются с предметами того же поля – с объектами неживой природы, с живой природой, впервые появляются сравнения не с объектами того или иного мира, а с действиями, состоянием – происходит персонификация неживых объектов. Звуки, шумы сравниваются с хорошо известными звуками явлений природы или с другими представителями природной среды.

Таким образом, исследуемые сравнения опираются на объективный опыт или на какое-либо сходство сравниваемых объектов: между человеческими

Рис. 4 / Fig. 4. Актуализация сравнительных конструкций по признаку «позитивное/негативное» в авторской сказке Ф. Тегетгоффа (единицы измерения – количество примеров сравнительных конструкций и их виды) / Actualization of comparative constructions on the basis of “positive/negative” in the author’s fairy tale by F. Tegetthoff (units of measurement – the number of examples of comparative constructions and their types)

Источник: составлено авторами.

качествами и животными, действиями, звуками, эмоциями и природой. Большая часть сравнений служит целям коммуникативно-прагматической эффективности высказывания и созданию стилистического эффекта.

Заключение

В рамках данного исследования были проанализированы сравнения в авторских сказках Ф. Тегеттгоффа. Проведённый функционально-стилистический и статистический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Конструкции с *wie* и *als* составляют наибольшую часть всех сравнений. Вторую позицию занимают сложноподчинённые предложения сравнительного характера. На третьем месте – степени сравнения прилагательных. Данные конститuentы образуют структурно-содержательную основу поля сравнения в авторских сказках Ф. Тегеттгоффа.

2. В плане соотношения микрополя тождественности и микрополя неравенства можно констатировать, что сложноподчинённые предложения с *als* составляют подавляющее большинство в исследуемом материале и служат описанием реального положения вещей.

2. В микрополе равенства поля тождественности форма сравнений с *so* перед прилагательным является наиболее частотной, характеризуя степень проявления интенсивности признака. Среди грамматических средств микрополя равенства преобладающей является конструкция с *wie*. Базис сравнения может быть в ряде случаев опущен. Ф. Тегеттгофф употребляет в основном устойчивые сравнения, некоторые из них являются свойственными немецкому языку южной Баварии / Австрии. Среди устойчивых сравнений преобладает конструкция *Verb + Part. II*, благодаря которой текст приобретает особую образность, что способствует привлечению внимания читателя / слушателя.

4. Среди сложноподчинённых предложений наиболее частотными являются придаточные с *als*. Они употребляются как с глаголами чувственного восприятия, так и с глаголами поведения. Ирреальность действия в данной группе превалирует над реальностью, что объясняется жанровым своеобразием сказки. Данные конструкции помогают читателю представить состояние описываемых объектов, что также способствует развитию эмпатии, свойственной тональности сказочного повествования.

5. Для более детального описания действия, свойств, цвета Ф. Тегеттгофф прибегает к сложносоставным словам. Они помогают дополнить картину восприятия мира при помощи данных языковых средств.

6. Наиболее предпочтительными объектами сравнения служат существа живой природы: люди, растения, животные, в первую очередь – различные элементы концептосфер «Человек» и «Природа». Далее следуют и другие предметы окружающего мира, в основном составляющие мир ребёнка.

7. В ходе анализа сравнительных конструкций в авторской сказке выявляется также широкая функциональная палитра. Воздействие таких языковых средств, как образные сравнительные конструкции, будоражит фантазию ребёнка, способствует развитию его креативности, стимулирует эмпатию, не говоря уже о развитии речи, чувства языка и формировании языковой картины мира.

8. Использование большого количества сравнительных конструкций различных типов способствует созданию особого стилистического эффекта и достижению поставленных коммуникативно-прагматических целей, в конечном итоге направленных на расширение кругозора ребёнка, осуществление адекватной интерпретации сказочной реальности, развитие творческого мышления и способностей к лингвокреативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишнякова О. Д., Липгарт А. А. Транслируемость и концептуальный анализ как основные лингвокогнитивные составляющие переводческого процесса // *Когнитивные исследования языка*. 2024. № 2-2 (58). С. 276–279.
2. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
3. Казакова С. В., Бубнова И. А. Влияние автора искусственной литературной вселенной на взаимосвязь типа квазиреалии с ее функцией (на материале литературных вселенных Дж. Р. Р. Толкина и Ф. Герберта) // *Вопросы психолингвистики*. 2024. № 1 (59). С. 60–71. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-60-71.
4. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Образ мира сквозь призму оценочной лексики: трендовое исследование // *Вопросы психолингвистики*. 2024. № 1 (59). С. 36–59. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-36-59.
5. Городецкий Б. Ю. Из лекций по семантике. М.: МАКС Пресс, 2018. 128 с.
6. Зевахина Т. С., Филиппова М. М. Об одном маркмологическом исследовании художественных текстов, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2024. № 1. С. 111–124. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-9.
7. Ризель Э. Г. К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц // *Из научного наследия профессора Э. Г. Ризель к 100-летию со дня рождения / сост.-ред. Н. В. Любимова, Г. М. Фадеева*. М.: МГЛУ, 2006. С. 67–81.
8. Riesel E. *Deutsche Stilistik*. М.: Высшая школа, 1975. 221 с.
9. Фельдмане Д. Н. Сравнение как лингвистическое средство (на материале современного немецкого языка) // *Проблемы лингвистики и зарубежной литературы: сборник научных трудов*. Рига: Зинатне, 1968. С. 24–35.
10. Солодилова И. А. Образное сравнение как источник оценочного словообразования // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022. Т. 8. № 1. С. 165–177. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_1_165.
11. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 182 с.
12. Кондратьева М. А. Стилистический потенциал компонентов функционально-семантического поля сравнения в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 24 с.
13. Нечай Ю. П., Поверенная А. А. Сравнение и литота в текстах немецких волшебных сказок и их трансформации на русский язык // *Гуманитарные и социальные науки*. 2023. Т. 100. № 5. С. 79–85. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-79-85.
14. *Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene* / J. Buscha, R. Freudenberg-Findeisen, E. Forstreuter, H. Koch, L. Küntzsch. München: Hueber, 2006. 336 S.
15. Sommerfeldt K.-E., Starke G. *Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart*. Leipzig: Veb Verlag Enzyklopädie, 1984. 180 S.
16. Постникова С. В., Егоров В. Н., Ефимов А. А. Сравнение в нормативно-оценочной парадигме дискурса (на материале современного немецкого языка) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2023. № 3. С. 191–197. DOI: 10.52452/19931778_2023_3_191.

REFERENCES

1. Vishnyakova, O. D. & Lipgart, A. A. (2024). Transferability and conceptual analysis as linguocognitive constituents of translation process. In: *Cognitive Studies of Language*, 2-2 (58), 276–279 (in Russ.).
2. Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Labirint publ. (in Russ.).
3. Kazakova, S. V. & Bubnova, I. A. (2024). The influence of the author of an artificial literary universe on the correlation between the type of quasi-realia with its function (based on the material of the literary universities of J. R. R. Tolkien and F. Herbert). In: *Journal of Psycholinguistics*, 1 (59), 60–71. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-60-71 (in Russ.).
4. Butakova, L. O. & Guts, E. N. (2024). The image of the world through the prism of evaluative vocabulary: a trend study. In: *Journal of Psycholinguistics*, 1 (59), 36–59. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-36-59 (in Russ.).
5. Gorodetsky, B. Yu. (2018). *From lectures on semantics*. Moscow: MAX Press publ. (in Russ.).

6. Zevakhina, T. S. & Philippova, M. M. (2024). On One Markemological Study, or Can Four Centuries of English Literature Be Reduced to Two Keywords. In: *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 1, 111–124. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-9 (in Russ.).
7. Riesel, E. G. (2006). On the issue of the hierarchy of stylistic systems and basic textual units. In: *From scientific heritage of professor E. G. Riesel: to the 100 birth anniversary*. Moscow: Moscow State Linguistic University publ., pp. 67–81 (in Russ.).
8. Riesel, E. (1975). *Deutsche Stilistik*. Moscow: Vysshaya shkola publ.
9. Feldmane, D. N. (1968). Comparison as a linguistic tool (based on the modern German language). In: *Problems of linguistics and foreign literature*. Riga: Zinatne publ., pp. 24–35 (in Russ.).
10. Solodilova, I. A. (2022). Figurative comparison as a source of evaluative meaning-making. In: *Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (1), 165–177. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_1_165 (in Russ.).
11. Gulyga, E. V. & Shendels, E. I. (1969). *Grammatical and lexical fields in the modern German language*. Moscow: Prosveshchenie publ. (in Russ.).
12. Kondratieva, M. A. (2014). *Stylistic potential of the components of the functional-semantic field of comparison in the German language* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
13. Nechay, Yu. P. & Poverennaya, A. A. (2023). Comparison and litota in the texts of German fairy tales and their transformation into Russian. In: *The Humanities and Social Sciences*, 100 (5), 79–85. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-79-85 (in Russ.).
14. Buscha, J., Freudenberg-Findeisen, R., Forstreuter, E., Koch, H. & Küntzsch, L. (2006). *Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene*. München: Hueber.
15. Sommerfeldt, K.-E. & Starke, G. (1984). *Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart*. Leipzig: Veb Verlag Enzyklopädie.
16. Postnikova, S. V., Egorova, V. N. & Efimov, A. A. (2023). Comparison in the normative-evaluative paradigm of discourse (based on the material of the modern German language). In: *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3, 191–197. DOI: 10.52452/19931778_2023_3_191.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вишнякова Ольга Дмитриевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

<https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>; e-mail: ol-vish@mail.ru

Иванова Ольга Александровна (г. Москва) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

<https://orcid.org/0000-0001-9765-2133>; e-mail: olgaivanova.info@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga D. Vishnyakova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;

<https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>; e-mail: ol-vish@mail.ru

Olga A. Ivanova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Western European Languages, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University;

<https://orcid.org/0000-0001-9765-2133>; e-mail: olgaivanova.info@mail.ru

Научная статья
УДК 81-13
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-93-105

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА

Хабарова И. А.

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: khabarovaia@mail.ru*

Поступила в редакцию 24.12.2024

Принята к публикации 28.12.24

Аннотация

Цель данной работы – изучение динамики трансформации языковой личности типичного представителя современного французского общества на материале освещения в европейских СМИ ключевых мероприятий общественной жизни в 2024 г. – международного песенного конкурса «Евровидение», проведённого в шведском городе Мальме, и организованных во французской столице, городе Париже, XXXIII летних Олимпийских игр.

Процедура и методы. Автором были отобраны и проанализированы реакции СМИ, а также результаты опросов французских граждан относительно особенностей проведения «Евровидения» и Олимпийских игр 2024 г., их ожидания и реальность. Полученные результаты были сопоставлены с ключевыми концептами-универсалиями, которые характерны для языковой личности представителя современной французской лингвокультуры, рассматриваемой нами как опорный конструкт европейской цивилизации.

Результаты. Анализ эмпирического материала позволяет прийти к заключению, что поведенческие паттерны, адаптированные под социокультурные реалии «нового мирового порядка», активно внедряются в массовое сознание европейского населения, что иллюстрируется речевым портретом представителей французского общества. Новые идеологические установки и модели поведения вступают в противоречие с традиционными идеалами и ценностями, амальгамируясь в единой структуре языковой личности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты данного исследования вносят вклад в когнитивную лингвистику, теорию дискурса и аксиологию. Фактическая информация и теоретические выкладки, представленные в статье, могут быть использованы для преподавания курсов по общему и частному языкознанию, теории межкультурной коммуникации и смежных гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: концепт, массовый адресат, поведенческие паттерны, языковая личность, языковое сознание

Для цитирования:

Хабарова И. А. Трансформация французской языковой личности в социокультурных реалиях XXI века // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 93–105. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-93-105>

Original research article

TRANSFORMATION OF FRENCH LINGUISTIC PERSONALITY IN THE SOCIO-CULTURAL REALITIES OF THE XXI CENTURY

I. Khabarova

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

e-mail: khabarovaia@mail.ru

Received by the editorial office 24.12.2024

Accepted for publication 28.12.2024

Abstract

Aim. The article is devoted to study the dynamics of transformation of the linguistic personality of a typical representative of modern French society on the material of European media coverage of the key events of public life in 2024 – the international song contest ‘Eurovision’, held in the Swedish city of Malmø, and the XXXIII Summer Olympic Games organized in the French capital, Paris.

Methodology. The author selected and analyzed the media reactions and the results of surveys of French citizens regarding the specifics of the Eurovision Song Contest and the Olympic Games 2024, their expectations and reality. The obtained results were compared with the key concepts-universalities, which are characteristic of the linguistic personality of a representative of modern French linguistic culture, which we consider as a reference construct of European civilization.

Results. The analysis of the material allows us to conclude that behavioral patterns adapted to the socio-cultural realities of the ‘New World Order’ are being actively introduced into the mass consciousness of the European population, including the French. New realities and ideological attitudes come into conflict with traditional values, amalgamating in the unified structure of the linguistic personality.

Research implications. The results of this study contribute to cognitive linguistics, discourse theory and axiology. The factual material presented in the article can be used for teaching both theoretical and practical disciplines of general and private linguistics, theory of intercultural communication.

Keywords: concept, mass addressee, behavioral patterns, linguistic personality, linguistic consciousness

For citation:

Khabarova, I. A. (2025). Transformation of French linguistic personality in the socio-cultural realities of the XXI century. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, pp. 93–105. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-S1-93-105>

Введение

На современном этапе развития языкознания изучение социально-личностных факторов речевой деятельности формирует спектр ключевых проблем, рассматриваемых в русле антропоцентрической парадигмы последователями разных лингвистических школ. На первый план исследований речемыслительной деятельности в её сопряжении с бытийной динамикой жизни социума

закономерно выходит понятие языковой личности. Являясь обобщённым инвариантом речевых форм поведения человека, феномен языковой личности располагается на стыке интересов многочисленных отраслей научного знания: лингвистики, психологии, социологии, философии, культурологии, – что предопределяет его междисциплинарный характер.

Данная работа посвящена проблематике трансформации французской

языковой личности в реалиях медиакommunikации XXI в., в частности манипулятивного воздействия СМИ на сознание массового адресата. Автор подвергает лингвистическому анализу информационное поле западных массмедиа, критически рассматривая его влияние на мышление и поведение молодёжи на материале медийного освещения популярных мероприятий массовой культуры – песенного конкурса «Евровидение» и летних Олимпийских игр. Фокус исследования нацелен на выявление идеологических установок и описание воздействующего потенциала медиатекстов, продуцируемых ключевыми фигурами и институтами западной медиасреды на примере французских СМИ.

Актуальность работы определяется необходимостью изучения специфики трансформации языковой личности типичного европейца в условиях цифровизации и насаждения в европейском обществе череды новых ценностей, идеалов и морально-нравственных норм, отличных от традиционных представлений о человеческой этике и быте. Цель исследования состоит в комплексном изучении и лингвистическом анализе вербальных средств экспликации этнической и социокультурной сторон французской языковой личности в западном медиадискурсе и динамики её структурной трансформации под влиянием новых реалий нынешнего миропорядка.

Материалом исследования выступают основные события Олимпиады и «Евровидения» 2024 г., их отражение в различных европейских источниках СМИ, включая результаты опросов французов относительно спортивного и музыкального конкурсов. В исследовании применены такие общенаучные методы исследований, как анализ и синтез, обобщение и сравнение, а также дескриптивный, семантико-структурный, контекстуальный, сопоставительный виды лингвистического анализа.

Понятие «языковая личность»

Вышеупомянутый термин впервые появился в 1927 г. в книге немецкого языковеда Й. Л. Вайсгербера, но представления об индивидуальном характере владения языком возникли ещё в трудах В. Ф. Гумбольдта и И. Г. Гердера. В отечественном языкознании термин был впервые употреблён В. В. Виноградовым. В широкий научный обиход данное понятие было введено Ю. Н. Карауловым: именно он разработал концепцию языковой личности и изложил её в монографии «Русский язык и языковая личность». В этой работе учёный выразил главную идею своей концепции в следующем эпиграфе: “*Talis hominibus fuit oratio, quails vita*” – «Каков человек, таковы его речи» [1, с. 27].

Языковая личность, согласно Ю. Н. Караулову, интерпретируется следующим образом: «Совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [1, с. 35]. В понятие «языковая личность» закладывается взаимосвязь между языком и индивидуальным сознанием человека, его мировоззрением, именно поэтому Ю. Н. Караулов выделяет три уровня языковой личности:

- 1) «нулевой, или вербально-семантический»;
- 2) «первый, или лингвокогнитивный»;
- 3) «второй, или мотивационный» [1, с. 60–61].

Нулевой уровень представляет собой базовый, обыденный уровень носителя языка, единицами лингвокогнитивного уровня являются концепты, которые складываются в «упорядоченную картину мира у каждой языковой индивидуальности» [1, с. 8]. Мотивационный, или прагматический уровень представляет собой совокупность тех мотивов и целей, которые позволяют обеспечивать развитие языковой личности. Е. Ю. Прохоров соотносит трёхуровневое устройство языковой личности с тремя типами ком-

муникативных потребностей: «контакто-устанавливающей, информационной, воздействующей» [2, с. 57].

В. И. Карасик интерпретирует языковую личность в трёх аспектах изучения: «ценностном, познавательном и поведенческом» [3, с. 19–20]. Ценностный аспект представляет собой совокупность этических и утилитарных норм поведения, свойственных данному этносу, отражающих мировоззрение его представителей и закреплённых в нравственном кодексе. Учёный отмечает, что универсальные высказывания, прецедентные тексты, составляющие культурный контекст, а также коммуникативные стратегии вежливости являются языковым индексом нравственного кодекса. Познавательный аспект связан с различными способами интерпретации действительности, которые свойственны языковой личности. Именно здесь раскрываются понятия, концепты, проблемы, находящиеся в центре внимания автора. Поведенческий аспект представляет совокупность характеристик речи и паралингвистических средств общения [3].

Г. И. Богин расширил границы понятия «языковая личность» до её коммуникативной сферы, подразумевая под ней «полноценный субъект коммуникации, наделенный необходимыми компетенциями для кодирования и декодирования текстов различной информационной нагрузки и жанрово-стилистической направленности» [4, с. 3]. Языковая личность, согласно исследователю, поэтапно развивает речевые навыки и подвергается постоянным изменениям в плане владения языком, при этом изменения такого рода могут носить как конструктивный характер, так и деструктивный [5].

Д. С. Мухортов рассматривает языковую личность как «совокупность личностных характеристик человека, а также его вербальных особенностей», где первостепенную роль играет «глубинное языковое содержание личности», являющееся стимулом для её дальнейшего раз-

вития [6]. Е. Р. Корниенко предлагает рассматривать две оппозиции относительно взглядов на понятие языковой личности [7, с. 168]. С одной стороны, взгляд на языковую личность как на абстрактную модель (В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. Ю. Прохоров), с другой стороны – как на конкретного индивидуума (Г. И. Богин, С. Г. Воркачев, Д. С. Мухортов).

Следовательно, языковая личность – это нечто иное как сложный феномен, который не только представляет индивидуальное владение языком, но и может рассматриваться как обобщённый образ носителя языковых, культурных, коммуникативных ценностей, поведенческих установок, знаний.

Французская языковая личность

Рассмотрим более подробно стереотипное представление о качествах языковой личности на примере французов как типовых европейцев. Французская языковая личность представляет собой «исторически сложившегося представителя французского этноса, носителя типичных этнокультурных характеристик, которые идентифицируются в процессе реализации общенациональных принципов коммуникации» [8].

Так, А. П. Седых выделяет ключевые концепты-универсалии французской культуры, репрезентируемые лексемами “engagement” («ответственность»), “plaisir-beauté-vérité” («удовольствие, красота, истина»), “altérité” («исключительность»), “patrimoine” («наследие») [9, с. 105]. Именно концептосфера национального языка позволяет судить о нравственных законах, традициях, психологии, отношении к материальным и духовным ценностям этноса.

Концепт “engagement” (ОТВЕТСТВЕННОСТЬ) является одним из ключевых концептов и является доказательством того, что договорно-правовое сознание для французов является детерминирующим фактором в поведении, а

этикет и ритуалы являются высшей ценностью [9, с. 109].

Универсальный концепт “*plaisir-beauté-vérité*” (УДОВОЛЬСТВИЕ, КРАСОТА, ИСТИНА) является неотъемлемой ментальной структурой французской лингвокультуры. Данная триада концептов неразрывно связана с национально-окрашенными французскими понятиями и имеет общие семантические компоненты: *контролируемое блаженство, очарование, аутентичность*. Вышеупомянутые концепты входят во французские понятия “*qualité de vie*” (КАЧЕСТВО ЖИЗНИ) и “*joie de vivre*” (РАДОСТЬ ЖИЗНИ) [9, с. 119].

Концепт “*altérité*” обладает базовым структурным признаком «исключительность». А. П. Седых указывает на важность того факта, что противопоставление «свой – чужие» пронизывает всю французскую культуру, коллективное, национальное мироощущение французского народа, а языковое функционирование данного концепта можно рассматривать как «этнокультурный способ самоидентификации языковой личности» [9, с. 123].

Концепт “*patrimoine*” (НАСЛЕДИЕ) соотносится с понятием «французский образ жизни», включающий в себя следующие феномены: национальный язык, гастрономия, высокая мода, вежливость [9, с. 126].

По мнению А. П. Седых, французская языковая личность характеризуется «активной коммуникативной позицией», т. е. имеет повышенный уровень ответственности за языковой поступок, с другой стороны, характеризуется направленностью на «эвдемонистический способ существования», а именно – жизнь ради получения удовольствия от жизни [9, с. 132].

Средства и причины трансформации французской языковой личности

На примере трансляции Олимпиады-2024 в Париже проследим, как поведенческие паттерны, адаптированные под

социокультурные реалии «нового мирового порядка» (“*Novus ordo seclorum*”), планомерно внедряются в массовое сознание целевой аудитории.

Летние Олимпийские игры, проходившие с 26 июля по 11 августа 2024 г., во многом повлияли на мировоззрение людей, а также стали «переломным моментом» для всего олимпийского движения. Одиозная церемония открытия Олимпиады повергла в шок не только профессиональных спортсменов, но также зрителей, любителей спорта и журналистов со всего мира.

На сайте “The Huffington Post” («Хаффингтон Пост») было опубликовано интервью с французским социологом С. Ферезом, в котором он высказал своё мнение по поводу открытия Олимпийских игр: “*Jamais cérémonie d'ouverture des Jeux n'aura dédié autant de moments aux personnes LGBTQ+. Le signe d'une rénovation profonde du monde du sport?*” – «Ещё никогда церемония открытия игр не была так посвящена представителям ЛГБТК+². Является ли это признаком глубоких перемен в мире спорта?»³

С. Ферез назвал все мероприятия этих соревнований «термометром преобразований в обществе», т. е. Олимпиада во Франции является своего рода лакмусовой бумагой, отражающей очевидные преобразования в обществе. В данном случае речь идёт об изменении гендерных представлений как в социальном мире, так и в мире спорта, при этом само понятие гендера является искусственным⁴.

¹ Telling M. À la cérémonie d'ouverture des JO, la représentation queer est « un point de bascule » pour le monde olympique [Электронный ресурс] // Le HuffPost: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3HoEcX> (дата обращения: 11.09.2024).

² Организация признана экстремистской и запрещена в России.

³ Здесь и далее перевод автора статьи – И. Х.

⁴ См.: Гендерное несоответствие [Электронный ресурс] // Международная классификация болезней 11-го пересмотра: [сайт]. URL: <https://mkb11.onlinelibrary.com/doi/10.106506?ysclid=m553131ysx419980594> (дата обращения: 11.12.2024).

Возможно, режиссёр церемонии открытия Т. Джолли хотел показать, что Франция продвигает такие идеи, как щедрость, инклюзивность, доброжелательность, солидарность. Этот тезис верифицируется следующим высказыванием президента Франции Э. Макрона как лидера общественного мнения: “Les Français, le monde entier, ont été très fiers de cette cérémonie d'ouverture. Elle nous a rendus très fiers. Je pense que la France a donné le visage de ce qu'elle est, c'est-à-dire du récit de son histoire et de l'aventure qu'elle représente. Elle a montré son audace et après, elle l'a fait avec la liberté artistique qui convient. Je pense que c'est ça qui est important.”¹ – «Французы, да и весь мир, очень гордились этой церемонией открытия. Она вызвала у нас чувство гордости. Я думаю, что Франция показала своё истинное лицо, другими словами, рассказала о своей истории и приключениях. Она продемонстрировала свою смелость и сделала это с подбаивающей ей художественной свободой. Думаю, это и есть самое главное».

Французский президент в ходе своего выступления использует следующие стилистические и грамматические средства: метонимию “la France” («Франция»), которая служит для обозначения народа; перечисление “Les Français, le monde entier” («французы, весь мир») для того, чтобы показать, что за Олимпиадой следили по всему миру; эпитет “la liberté artistique” (художественная свобода) для обозначения важности ценности свободы для французского общества; эмфазу “c'est ça qui est important” («это и есть самое главное»); личные местоимения “je” («я») и “elle” («она»), чтобы показать значимость Франции для всего мира и значение действующего президента для дальнейшего развития Пятой республики.

Данные стилистические и грамматические средства формируют положи-

тельные смысловые оттенки при помощи семантической и эмотивной коннотаций, которые вербальные средства приобретают в контексте, в результате чего создаётся положительный образ открытия и проведения Олимпийских игр.

Однако при взгляде сквозь призму традиционных ценностей церемония открытия игр продемонстрировала, что сложившийся за века уклад претерпевает глубокую трансформацию, которая носит деструктивный характер по отношению к каждой языковой личности консервативного толка.

Яркой иллюстрацией вышесказанного служит сцена-пародия на роспись Л. да Винчи «Тайная вечеря», которая вызвала наибольшее разочарование не только у глубоко верующих представителей христианского мира, но и у представителей других конфессий: “JO 2024 : la parodie de la Cène de la cérémonie d'ouverture sème le trouble en France mais aussi à l'étranger”² – «Олимпиада 2024: пародия на Тайную вечерю на церемонии открытия вызывает проблемы во Франции и за рубежом».

Изображённая в «Тайной вечери» сцена последней трапезы Христа с учениками является шедевром искусства эпохи Возрождения, в котором сочетаются эмоциональная глубина, историческое значение, а также мастерство художника. Л. да Винчи попытался изобразительными средствами разрешить сложнейшую психологическую задачу: показать реакцию каждого из апостолов на пророческие слова Христа. Он принимал во внимание различные психотипы в соответствии с евангельским повествованием и научными знаниями того времени.

Реконструкция «Тайной вечери» на парижской Олимпиаде выглядела следующим образом: женщина в синем платье

¹ JO Paris 2024: Thomas Jolly reconnaît que « bien sûr » la cérémonie d'ouverture « était politique » [Электронный ресурс] // 20 Minutes: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3HqtCw> (дата обращения: 11.12.2204).

² Boilait E. JO 2024 : la parodie de la Cène de la cérémonie d'ouverture sème le trouble en France mais aussi à l'étranger [Электронный ресурс] // Le Figaro: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Hqu2J> (дата обращения: 15.10.2024).

и с нимбом на голове, напоминающим ореол, выступила в роли Христа, а с обеих сторон её окружали трансвеститы, представляющие апостолов Иисуса.

Бурную дискуссию также вызвала сцена с всадником на коне, который пронёсся с флагом. Впоследствии его сравнили с одним из четырёх всадников Апокалипсиса, чья роль заключается в сеянии хаоса и разрушении миропорядка.

Отметим, что открытие летних Олимпийских игр 2024 г., по мнению организаторов, является новым взглядом на старые традиции. Отсылки к древним богам должны были подчеркнуть связь Пятой республики с великим прошлым Олимпийских традиций. В итоге общественности были широко представлены идеология и новые веяния ЛГБТ-движения¹ и антихристианских идеологических концепций.

Проанализируем статистические данные относительно взгляда французов на прошедшую Олимпиаду. Заметим, что французские СМИ показали Олимпийские игры с самой положительной стороны.

“Plus de 85 % des Français ont jugé que la cérémonie d'ouverture des JO de Paris était « réussie » et sont près de 80 % à être « optimists » pour la réussite des JO, selon un sondage Harris Interactive dont les éléments ont été communiqués par le comité d'organisation des JO dimanche”² – «Более 85% французов считают церемонию открытия Олимпийских игр в Париже “успешной”, и почти 80% настроены “оптимистично” по отношению к успеху Игр, согласно данным опроса Harris Interactive, опубликованным Организационным комитетом Олимпийских игр в воскресенье».

Отметим также, что французы, согласно проведённым опросам, характери-

зуют открытие Олимпиады следующими прилагательными: “innovante” (инновационное), “festive” (праздничное), “bien organisée” (хорошо организованное), “inclusive” (инклюзивное), “qui respecte les valeurs de la France” (уважительно относящийся к французским традициям)³.

Другим не менее экстравагантным событием года стало проведение песенного конкурса «Еurovision 2024». Многие эксперты называют его самым скандальным и политизированным конкурсом за всю историю существования этого музыкального телешоу: “Eurovision 2024 : une édition particulièrement politisée”⁴ – «Еurovision 2024: особо политизированное событие».

Президент Турции Р. Т. Эрдоган заявил, что «Еurovision» представляет угрозу семейным ценностям, поощряя “гендерную нейтрализацию” и “социальную коррупцию”. “Мы лучше понимаем, насколько правильным было наше решение не допускать Турцию к этому позорному соревнованию в течение последних 12 лет”⁵, – резюмировал турецкий лидер.

Официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова назвала прошедший конкурс «похоронами Европы»: «Еurovision-2024 переплюнуло любую оргию, шабаш или ритуальное святотатство. Похороны Западной Европы проходят штатно. Без сюрпризов»⁶.

На сайте *20 minutes* была опубликована следующая статья: «Eurovision

¹ Организация признана экстремистской и запрещена в России.

² JO Paris 2024 : plus de 85% des Français ont jugé la cérémonie «réussie» [Электронный ресурс] // Le Figaro: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3HqvZB> (дата обращения: 20.10.2024).

³ Rapport Harris Interactive. Réaction des Français à la cérémonie d'ouverture des Jeux Olympiques de Paris 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3HqwX6> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Vérove C., Boussouar B. Eurovision 2024 : une édition particulièrement politisée [Электронный ресурс] // Francetvinfo: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Hqx26> (дата обращения: 26.10.2024).

⁵ Эрдоган обвинил «Еurovision» в угрозах традиционной семье // MK.ru. URL: <https://clck.ru/3Hr5Rtl> (дата обращения: 26.10.2024).

⁶ Захарова резко высказалась о "Еurovision" [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20240512/zakharova-1945328800.html> (дата обращения: 27.10.2024).

2024: “Le concours s’est imposé comme une tribune pour les voix de la communauté LGBTQ”¹ – «Конкурс зарекомендовал себя как платформа для выражения мнений ЛГБТК-сообщества».

Рассмотрим мнения разных специалистов по отношению к «Евровидению-2024». Большинство европейских журналистов гордятся тем, каким было «Евровидение» 2024 г., поскольку в те дни музыкальный конкурс стал настоящей «площадкой славы» для представителей сообщества ЛГБТ. Был выбран соответствующий слоган – «Единство в музыке», что переключается с девизом Евросоюза «Единство в разнообразии». Отметим, что концепт “diversité” (РАЗНООБРАЗИЕ) входит в такое важное понятие для французов, как “plaisir de vivre” («радость жизни»).

На одном из сайтов движения ЛГБТ была опубликована следующая статья: “Visibilité des personnes non-binaires à l’Eurovision 2024”² – «Видимость небинарных людей на Евровидении-2024», в которой отмечается победа не только швейцарского небинарного исполнителя Немо, но и всех, кто разделяет взгляды ЛГБТ.

Рассмотрим разные мнения тех, кто смотрел церемонию открытия Олимпиады.

Жасмин Лежандр (Jasmine Legendre), журналист канадской франкоязычной ежедневной газеты “Le Devoir” («Ле Девуар») приводит реакции зрителей в своём видеорепортаже. “Le français, il éprouve toujours le besoin de marquer sa différence, sa personnalité, il faut toujours qui choque. Et la transgression fait partie de la nature française. Mais je trouve qu’elle aurait pu le

montrer de manière plus subtile”³ – «Французы всегда чувствуют необходимость подчеркнуть своё отличие, свою индивидуальность, им всегда нужно шокировать. Трансгрессия – это часть французской натуры. Но я думаю, что это можно было показать более деликатным способом».

Данное мнение было высказано двумя пожилыми женщинами, которые подчёркивают, насколько для французов важно показать свою индивидуальность и неповторимость. Что же касается открытия Олимпиады, респонденты считают, что французы переступили границы дозволенного.

“Mais il y aura toujours des critiques de toute façon, peu importe ce qu’on fait, c’est à ça qu’on sait qu’on est Français, aussi. S’il n’y avait pas de critique, c’est que ça se serait pas bien passé. Le bon mot c’est bien dépourssiérer et ça, c’est chouette”⁴ – «Но критики всегда найдутся, что бы мы ни делали, и так мы узнаем, что мы тоже французы. Если бы не было критики, это бы не прошло. Правильное слово – “стряхнуть пыль”, и это замечательно».

Этот комментарий был дан двумя мужчинами 35–38 лет, которые восхищаются тем, что являются представителями французской культуры. Для них проведение Олимпийских игр в таком формате и сама церемония открытия является своего рода новым взглядом на историю и искусство своей страны, возможностью увидеть новое в традиционных вещах.

“Il y a des trucs qui ne sont déjà plus de mon âge, ça c’est certain, il faut le reconnaître. Et qui sont complètement décalés et sans intérêt. Autrement, il y avait des très belles choses”⁵ – «Есть вещи, которые я уже перерос, это точно, надо это при-

¹ Randanne F. Eurovision 2024 : Le concours s’est imposé comme une tribune pour les voix de la communauté LGBTQ [Электронный ресурс] // 20 Minutes: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Hr6VN> (дата обращения: 26.10.2024).

² Visibilité des personnes non-binaires à l’Eurovision 2024 [Электронный ресурс] // Boutique LGBTQIA: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Hr6wf> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Qu’ont pensé les Français de la cérémonie d’ouverture ? // Le Devoir: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L14K7Kgr-ag> (дата обращения: 26.11.2024). Далее – Le Devoir: YouTube-канал.

⁴ Le Devoir: YouTube-канал.

⁵ Le Devoir: YouTube-канал.

знать. Они совершенно неуместны и неинтересны. В остальном же есть, на что посмотреть».

Приведённое выше мнение было высказано мужчиной пенсионного возраста, который не до конца понял многое из задуманного режиссёром. Респондент высказал противоречивое мнение, не поняв до конца концепции спортивного мероприятия мирового масштаба.

В другом YouTube-ролике мужчина среднего возраста (30–35 лет) высказывает негативное мнение по отношению к увиденному, поскольку в его понимании церемония открытия была полностью подчинена указаниям и задумкам элиты и никак не связана с реальными спортивными событиями: *“J’ai pas vu un grand spectacle. On s’attendait à quelque chose de mieux et j’ai plus l’impression qu’en fait ce spectacle était réservé plutôt à une élite”*¹ – «Я не увидел великолепного шоу. Мы ожидали чего-то лучшего, и у меня сложилось впечатление, что это шоу предназначено для элиты».

Проанализируем также мнение девушки-блогера, которая была потрясена церемонией открытия Олимпиады, поскольку посчитала такое отношение унижительным и богохульным к представителям всех религий: *“Hier j’ai regardé la cérémonie des Jeux Olympiques et honnêtement j’ai été vraiment choquée en tant que chrétienne ... Je ne m’attendais pas à une cérémonie qui soit ouvertement blasphématoire ... Mais vraiment là ce que j’ai vu et qui m’a choqué c’est quand même aussi vraiment l’apologie de l’idéologie LGBT”*² – «Вчера я смотрела церемонию Олимпийских игр и, честно говоря, как православная христианка, была потрясена ... Я не ожидала, что церемония будет откровенно кощун-

ственной ... Но то, что я действительно увидела и что меня потрясло, это восхваление идеологии ЛГБТ».

В ходе своего рассказа Астрид многократно указывает на тот факт, что данный праздник не имеет никакого отношения к спортивным состязаниям, к спорту, а имеет лишь единственную цель, которая была поставлена элитой: пропаганда ЛГБТ в контексте такого массового мероприятия, как Олимпиада, насмешка над религией и Богом. Блогер также задаётся вопросом представления образа Франции и её ключевых ценностей в свете такого «спортивного праздника».

Анализируя вышеупомянутые реакции рядовых членов французского общества, можно сделать вывод, что происходит трансформация концептосферы типовой языковой личности, имеющая разные проявления. С одной стороны, представители европейского сообщества, воспитанные на традиционных ценностях и понятиях христианской культуры, с осторожностью относятся к такого рода мероприятиям и новым ценностям ориентирам, которые пропагандируются в СМИ, спорте, на массовых культурных мероприятиях, а также лидерами общественного мнения: Э. Макроном, папой римским, блогерами и т. д. Они вынуждены пересматривать своё отношение к тем концептам-универсалиям и ценностям, на которых были воспитаны, независимо от своего возраста. С другой стороны, те представители европейского общества, в том числе французского, которые являются приверженцами деструктивных идеологий и модных тенденций, пропагандирующихся благодаря известным мероприятиям и конкурсам, имеющим широкий охват публики, с огромным удовольствием воспринимают происходящее, не понимая до конца смысла таких мероприятий. При этом происходит трансформация тех концептов-универсалий, которые являются базовыми для французской языковой личности, в результате чего происходит амальга-

¹ JO 2024 : Que pensent le public de la cérémonie d’ouverture ? // 20 Minutes TV: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IH8snx4okdE> (дата обращения: 26.11.2024).

² La cérémonie d’ouverture des J.O.: Le choc! // Coeur de Compassion: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uT1Yk6cZ9IA> (дата обращения: 13.12.2024).

мация новых реалий и поведенческих установок, вступающих в противоречие с традиционными ценностями, концептами-универсалиями, в единой структуре языковой личности. Лидеры общественного мнения реализуют механизм полифонического профилирования и создают положительный медийный образ Олимпиады и «Евровидения-2024», которые, в свою очередь, являются событиями трансформирующего характера.

Отметим, что организаторы и участники «Евровидения-2024» полностью посвятили музыкальное мероприятие ЛГБТ-сообществу, забывая об интересах тех, кто является приверженцами традиционных ценностей. В данном контексте «Евровидение» является не просто музыкальным конкурсом, но средством экспансии западных современных ценностей, которые находятся в противоречии с историей, культурой, религией.

Стиль проведения «Евровидения-2024» осуждается не только многими телезрителями, журналистами, но и верующими со всего мира. Важно отметить, что огромное количество демонических ритуалов, символов, выступлений представителей ЛГБТ-сообщества являются способом манипулирования общественным сознанием массового адресата, учитывая, что «Евровидение» является одним самых влиятельных конкурсов в мире по степени охвата молодёжи во всех странах. Добавим, что исполнители песен на Евровидении и образы, созданные ими, служат определёнными маркерами современных культурных трендов на ближайшее будущее. Особо популярные исполнители конкурса становятся национальными кумирами, которых почитает современная молодёжь. Иными словами, популярный музыкальный конкурс выступает в качестве проводника новых европейских ценностей, культуры и идентичности.

Социальный аналитик Р. Ю. Алехин называет «Евровидение» «индикатором

падения нравов и деградации в Европе»¹. «Это инструмент, с помощью которого глобалисты пытаются разрушить традиционные ценности и превратить людей в нечто подобное животным»². Отметим, что именно такие массовые и популярные мероприятия, как «Евровидение» и Олимпийские игры, позволяют продвигать «нужное» мировоззрение и «нужные» идеи в массы.

Говоря об упомянутых ценностях, примем во внимание тот факт, что они подвергаются постоянной трансформации в рамках установления «нового мирового порядка». Что же подразумевает под собой данное понятие? Историк А. И. Фурсов рассматривает «новый мировой порядок» как переход к новой социальной системе, которая характеризуется следующими процессами³:

- отмена наличных денег, введение цифровой валюты, которая служит средством социального контроля;
- жёсткий социальный контроль при помощи цифровизации, введение социального рейтинга;
- размывание половых различий;
- всеобщий базовый доход;
- перевод населения на искусственную пищу;
- контроль над демографией.

Отметим, что многие базовые концепты и понятия, присущие французской языковой личности, подвергаются трансформации извне. Для французской языковой личности концепт «толерантность» является базовым и подразумевает уважение свободы другого в отношении религиозных и политических воззрений. На сегодняшний день понятие толерантности подвергается многочисленным

¹ «Евровидение» стало индикатором падения нравов в Европе, заявил эксперт [Электронный ресурс] // Regnum: [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/3888380> (дата обращения: 26.10.2024).

² Там же.

³ Фурсов А. Сумеют ли ультраглобалисты навязать миру новый мировой порядок? // БИЗНЕС Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/518372> (дата обращения: 10.11.2024).

трансформациям и принимает форму «нулевой толерантности». Уже несколько лет во Франции наблюдается следующая тенденция: с одной стороны, увеличение влияния экстремистских и исламистских течений, с другой стороны – усиление исламофобских настроений среди коренного населения. Миграционный кризис остаётся одним из центральных вопросов политической повестки как во Франции, так и во многих других европейских странах. Наиболее сложным вопросом для Франции и её граждан остаётся адаптация европейских граждан к новым реалиям жизни с представителями чужой культуры. Вопрос толерантного отношения не только к мигрантам, но и к представителям ЛГБТ вызывает наибольший раскол в современном французском обществе.

Параллельно с этим папа римский Франциск как лидер общественного мнения призывает французов и католическую церковь терпимее относиться к согражданам, пропагандирующим нетрадиционные отношения: “Nous sommes tous des enfants de Dieu et Dieu nous veut tels que nous sommes et avec la force que nous avons chacun de lutter pour notre dignité. Etre homosexuel n'est pas un crime. Ce n'est pas un crime. Oui, mais c'est un péché. Bon, commençons par distinguer le péché du crime. Mais le manque de charité envers votre prochain est aussi un péché.”¹ – «Все мы являемся детьми Господа Бога, и Бог хочет, чтобы мы были такими, какие мы есть, и чтобы каждый из нас мог бороться за своё достоинство. Быть геем – это не преступление. Это не преступление. Да, но это грех. Хорошо, давайте начнём с того, что отличим грех от преступления. Но отсутствие милосердия по отношению к ближнему также является грехом».

В ходе своего выступления папа римский использует следующие стилистические, лексические и грамматические средства: лексические повторы “Dieu” («Господь»), “n'est pas un crime” («это не криминал»), чтобы показать, что толерантность исходит от самого Бога по отношению ко всем людям; библейскую метафору “des enfants de Dieu” («дети Божьи»). Данные языковые средства позволяют создать положительный образ того, что толерантность по отношению к лицам нетрадиционной ориентации является неотъемлемой частью современного цивилизованного общества.

Из-за размытости границ толерантность чаще всего транслируется и воспринимается как что-то безусловно позитивное. В связи с последними событиями очень часто толерантность переходит в интолерантность, которая в некоторых ситуациях представляет единственный способ защиты прав и свобод граждан.

Согласно результатам последних проведённых опросов относительно главных моральных ценностей, для французских граждан наивысшую оценку получило следующее: “Le triptyque gagnant est indéniablement composé des 3 valeurs qui composent le groupe de valeurs morales : confiance, intégrité, et sincérité. Il occupe le podium depuis 2013 et n'a cessé de croître. Ce sont des valeurs qui nous définissent à la fois en tant qu'individus, mais qui nous positionnent aussi par rapport au collectif et au vivre ensemble”² – «Триптих-победитель, несомненно, состоит из трёх ценностей, входящих в группу моральных ценностей: доверие, честность и искренность. Он находится на подиуме с 2013 г. и продолжает расти. Это ценности, которые определяют нас как отдельных людей, но также позиционируют нас по отношению к коллективу и к совместной жизни». Подчеркнём, что толерантность сместилась на

¹ Vatican : Qu'à vraiment dit le pape François sur l'homosexualité ? [Электронный ресурс] // 20 Minutes: [сайт]. URL: <https://www.20minutes.fr/monde/4021214-20230130-vatican-vraiment-dit-pape-francois-homosexualite> (дата обращения: 14.07.2024).

² Thobel V. Confiance, intégrité, et sincérité sont les valeurs principales des Français en 2024 [Электронный ресурс] // The Media Leader: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3HsCCJ> (дата обращения: 14.11.2024).

четвёртую позицию в свете последних событий.

Говоря об изменениях, происходящих в европейском обществе, а также о тех положительных медийных образах, связанных с ростом движения ЛГБТ, продвижением деструктивной идеологии через спортивные и музыкальные события, стоит упомянуть концепцию «Окно Овертона», или «окно дискурса», согласно которой населению навязываются «нужные» идеи и ценности для того, чтобы было удобнее находить рычаги управления этим обществом. В результате чего «Окно возможностей Овертона» двигают от стадии «немыслимое» и до стадии «актуальная политика», а затем и до стадии «закреплённое в законах».

Выводы

1. Языковая личность представляет собой сложный феномен, который не только проявляется в индивидуальном владении языком, но и может рассматриваться как обобщённый образ носителя языковых, культурных, коммуникативных ценностей, поведенческих установок, знаний и привычек.

2. Поведенческие паттерны, адаптированные под социокультурные реалии «нового мирового порядка», активно внедряются в массовое сознание людей при помощи СМИ, культурных, спортивных массовых мероприятий, в ходе выступлений известных политических, религиозных, культурных деятелей, популярных блогеров, которые становятся лидерами общественного мнения, чья позиция является авторитетной в ходе формирования мнения и принятия решений.

3. Лидеры общественного мнения, СМИ, прибегая к разным стилистиче-

ским, грамматическим и лексическим средствам, трансформируют семантические значения в процессе коммуникации, что позволяет усилить манипулятивный потенциал дискурса и создать положительный медийный образ того или иного события, явления.

4. Такие популярные события трансформирующего характера, как «Евровидение» и Олимпийские игры 2024 г., выступают в качестве проводника новых европейских ценностей, новой европейской идентичности среди молодёжи во всём мире, а также являются средством трансформации как традиционных ценностей, так и коммуникативного пространства языковой личности.

Заключение

Лингвистический анализ эмпирического материала позволил сделать выводы, что трансформация французской языковой личности является процессом, способствующим установлению «нового миропорядка» при помощи манипулятивного воздействия СМИ, активному распространению новых культурных трендов в ходе массовых мероприятий, носящих деструктивный характер, популяризации выступлений лидеров общественного мнения, которые создают положительный медийный образ событий трансформирующего характера. Отметим, что синергетический эффект коммуникативного воздействия на представителей европейского сообщества достигает своего результата благодаря сферическому воздействию, а именно в динамике сопряжения политического, медийного, религиозного дискурсов, вынуждая массового адресата произвольно ретранслировать новые идеи и смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 264 с.
2. Прохоров Е. Ю. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2006. 224 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 60 с.

5. Богин Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1984. 31 с.
6. Мухортов Д. С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции (26–28 августа 2014 г.). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 167–172.
7. Корниенко Е. Р. Полидискурсивный портрет языковой личности: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале корпуса текстов Н. И. Новикова): дис. ... докт. филол. наук. Архангельск, 2021. 452 с.
8. Седых А. П. Французский мир и языковая личность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). С. 157–163.
9. Седых А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности: дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 2005. 418 с.

REFERENCES

1. Karaulov, Yu. N. (2019). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LIBROKOM Publ. (in Russ.).
2. Prokhorov, E. Yu. (2006). *Reality. Text. Discourse*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (in Russ.).
3. Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena publ. (in Russ.).
4. Bogin, G. I. (1980). *Modern linguodidactics*. Kalinin: Kalinin State University publ. (in Russ.).
5. Bogin, G. I. (1984). *Model of linguistic personality in its relation to types of texts* [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
6. Mukhortov, D. S. (2014). “Yazykovaya lichnost”, “rechevoy portret”, “idiostil”, “idiolect”: the notions of Russian scholars in contrast. What is required to study the stylistic behaviour of the politician. In: *Political communication: prospects for the development of a scientific direction*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ., pp. 167–172 (in Russ.).
7. Kornienko, E. R. (2021). *Polydiscursive portrait of a linguistic personality: cognitive-discursive aspect (based on the corpus of texts by N. I. Novikov)* [dissertation]. Arkhangelsk (in Russ.).
8. Sedykh, A. P. (2011). French world and linguistic identity. In: *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Sciences*, 18 (113), 157–163 (in Russ.).
9. Sedykh, A. P. (2005). *Ethnocultural characteristics of linguistic personality: based on the material of the French linguistic personality* [dissertation]. Belgorod (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хабарова Ирина Александровна (г. Москва) – преподаватель кафедры французского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

e-mail: khabarovaia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Khabarova (Moscow) – Lecturer, Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

e-mail: khabarovaia@mail.ru

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2025. № S1

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова

Литературный редактор М. С. Тарасова

Переводчик А. Ю. Назарова

Корректор И. К. Глудунов

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆, Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 04.04.2025 г. Дата выхода в свет: 08.04.2025 г. Заказ № 2025/02-03.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2